

SNO-ISLE LIBRARIES - 2019

3 9067 06959623 1

Рубен Давид Гонсалес

ГАЛЬЕГО

ВЕЧНЫЙ
ГОСТЬ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

ЛАУРЕАТ
ПРЕМИИ
РУССКИЙ
БУКЕР

*Рубен Давид
Гонсалес Гальего*

ВЕЧНЫЙ ГОСТЬ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос-Рус)6
КТК 610
Г17

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым
коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

Текст публикуется в авторской редакции

Гальего Рубен Давид Гонсалес

Г17 Вечный гость : роман в рассказах. – СПб.: Лимбус
Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2018. –
235 с.

Рубен Давид Гонсалес Гальего – русский писатель, внук генерального секретаря Коммунистической партии народов Испании и воспитанник советского интерната для детей-инвалидов. Его документальный роман-исповедь «Белое на черном» (премия «Русский Букер» за 2003 год), переведенный на десятки языков, произвел фурор в среде читающей публики, круги от которого расходятся до сих пор.

Прервав пятнадцатилетнее молчание, в своем новом, третьем по счету, романе автор пытается решить проблему: возможно ли человеку, познавшему боль и унижение, прошедшему тяжкие и жестокие испытания, найти на земле место, которое принесет ему наконец покой и умиротворение.

ISBN 978-5-8370-0849-8

www.limbusspress.ru

© Рубен Давид Гонсалес Гальего, 2018
© ООО «Издательство К. Тублина», 2018
© ООО «Издательство К. Тублина», макет, 2018
© А. Веселов, обложка, 2018

*Полине и Михаэлю Мельцер,
которые поддерживали
мое тело в рабочем состоянии.*

*Полине Таль Мельцер,
которая заставила меня
написать эту книгу.*

*Полине Таль Мельцер,
которая каждый день напоминала мне,
что я должен писать именно сегодня.*

Книга странствий

Это книга о скитаниях парализованного человека. Книга о щедрости монархов, о несовершенстве республик и демократий, и совершенном превосходстве одной из Книг, и о людях, честно следующих ей, о горе и радости, о силе человеческого ума, о благородстве истинных викингов, о красоте женщин и мужчин, о резвости лошадей, о преданности дрессированных собак, о необходимости кошек для сохранения урожая, о бесконечном космосе, об ограниченности человеческого ума и безграничности человеческой глупости, о постижимых и непостижимых стихиях. Книга обо всем и ни о чем, книга, которая начинается с описания несправедливости мира и заканчивается рассуждениями о пользе следования заветам предков.

Да пребудет вечная слава испанской Короне,
а также всем королям и королевам на свете. Ав-
тор желает многие лета сильным мира сего и не-
много хлеба и радости простым людям.

НАЧАЛО

Наверное, мне не стоило писать третью книгу. Не уверен. Я не уверен именно в необходимости защищаться или нападать.

Единственной целью моей первой книги было защитить себя от агрессии внешнего мира. Внешний мир, мир за воротами детского дома, мир за воротами дома престарелых, мир за границами страны – суровый и жестокий внешний мир живых – оказался не таким уж жестоким и непробиваемым.

Я не верил в то, что у меня хватит сил на второй выход к голодной на настоящие чувства, беспечной и беззлобной Публике. Вторая книга не была принята читателем. Не важно. Уже не важно. Я не опоздал. На гонорар от второй книги я хотел купить чашку капучино и стакан «Перье» для мамы. Успел, купил. Не так много, но и не так мало. Ясно, что вторую книгу я хотел написать раньше первой, но если бы не капучино для

мамы, я бы писал ее долго, очень долго. Нормальная ставка в крысиной гонке. Болезнь, о которой не принято говорить. Болезнь, успевающая победить самых быстрых. Болезнь, кладущая на лопатки самых сильных. Что осталось у меня в кармане? Пара фишек для игры в рулетку.

Что ж. Пара лишних фишек не помешает. Эта болезнь когда-нибудь победит и меня. Я не против. Только теперь моя очередь побеждать. Сейчас все мои документы в порядке, сейчас на моей стороне лучшая в мире медицина. Но страх все же сидит во мне, страх никуда не уходил. Страх перед смертью. Страх перед химиотерапией. Страх проиграть в очередной раз.

АЛЕКСАНДР

Имя Александр распространено в России. Саша.

Сумасшедший. Высокий, умный, всегда спокойный. Он зашел в комнату, ничему не удивился, ни о чем не спрашивал. Все понял сразу. Может быть, они изучали мою инвалидность в университете, не знаю. Скорее всего, изучали.

– Почему вы смущаетесь?

Легкая улыбка, взгляд в сторону.

– Я не смущаюсь, я пытаюсь сформулировать задачу.

– Формулируйте.

– Мы недавно в городе, я нашел работу по объявлению. Собеседование я прошел, и работа мне подходит. В объявлении было написано, что необходимо знание компьютера на уровне системного администратора.

– Поздравляю.

– Дело в том, что я не умею обращаться с компьютером.

– Когда на работу?

– Завтра.

– Все нормально, Саша. Меня зовут Рубен.

– Я знаю. Мне так и сказали: «Тебе надо к Рубену».

– Правильно сказали. И что ты об этом думаешь?

– Я думаю, что компьютер, по идее, может использовать свои шрифты, а может шрифты, нарисованные человеком. Мне сказали, что ты сможешь научить меня рисовать новые шрифты.

– Могу. Но шрифтов в любой издательской программе достаточно. Более чем достаточно. Сначала тебе придется научиться обращаться с компьютером. Где ты видел компьютер в последний раз?

– На кафедре у математиков.

Так. Парень, похоже, не совсем нормальный. Если он не математик и компьютера в жизни не видел, то как он собирается работать? Выход на работу завтра.

– Так, нормально. У тебя машина есть?

– Есть. Маленькая.

– Спортом занимался?

– Немного.

– А языки знаешь?

– Немного знаю.

– Так. Всего у тебя помаленьку, так?

– Так.

– Какие языки знаешь?

– Латынь, английский, французский, чешский, украинский... Так, всего помаленьку.

– Все чудесатее и чудесатее. А латынь откуда знаешь?

– Я врач. Но по профессии не работаю.

– Это понятно, что не работаешь. Время такое. Так врачам, вроде, уже не обязательно латынь знать?

– Не обязательно, я так, из любопытства.

– Хорошо. Подгоняй свою машину, меня – на переднее сиденье, поедem кататься.

– Буду через полчаса.

Врач, разумеется, знает, как переносить пациента. Врачу не надо ничего объяснять. Его маленький «Запорожец» очень уверенно шел на неподходящей для «Запорожца» скорости.

– Читал Ремарка?

– Читал. На что именно ссылаешься?

– «Три товарища».

– Спасибо за комплимент.

– Поменял двигатель?

– Зачем? К машине прилагается инструкция. Если все делать по инструкции, много чего можно добиться. Только редко кто читает инструкции.

– Так. Завтра выйдешь на работу, набери заказов, будут подводить к компьютеру, говори, что ты только первый день, у тебя нет паролей.

– А послезавтра?

– А послезавтра у тебя будет пароль администратора. Сегодня, когда все разойдутся, просишь ключи, все компьютерщики так делают, потом приезжаешь за мной. Ночью установим антивирус, раздадим пароли. Можешь спать в перерывах между работой?

- Немного.
- Что-то у тебя слишком много этих «немного». Приходилось подолгу не спать?
- Немного. В армии. Можно последний вопрос?
- Давай.
- Сколько я тебе буду должен?
- Много. Но рассчитаемся в кронах.
- Зачем тебе здесь кроны?
- Ну, не в кронах, так в золотых. Но лучше в кронах. И не здесь, а в Праге. Чешский ты знаешь.

* * *

На этом месте должна быть глава о том, как снимали реалити-шоу. Но главы этой не будет. Автор пообещал читателям, что будет писать только о победе человеческого духа.

Ненавижу реалити-шоу. Ни смотреть, ни участвовать.

Впрочем, читателю предоставляется возможность включить телевизор и посмотреть любое реалити-шоу. Читатель ничего не потеряет, посмотрит он реалити-шоу или нет.

* * *

- Саша. Тут про меня кино снимают. Сын ищет маму.

- Ты радуешься или огорчаешься?
- Скорее, радуюсь. Как ты относишься к тому, чтобы вырубить съёмочную группу и попросить политического убежища в Чехии или Италии? Ты же знаешь итальянский.
- Немного знаю.
- Немного знаешь латынь, значит, немного знаешь итальянский. Так что со съёмочной группой?
- Ничего. Не надо никого «вырубать». Я не люблю драться. В случае необходимости мы просто потеряемся.
- Ты знаешь процедуру просьбы об убежище?
- Немного знаю.

Небольшое уточнение. Я не считаю инвалидами людей без рук или без ног. Я не считаю инвалидами ни слепых, ни глухих от рождения. Я не считаю инвалидами людей с целым торсом.

Когда люди смотрят на меня, первые пять минут глаза в глаза, они перебирают в уме все варианты помощи мне. Первые пять минут налаживается связь «свой-чужой». Людям жалко меня, по молодости лет я сердился на эту жалость, сейчас принимаю ее с благодарностью. Люди же не виноваты в моей инвалидности. Первые пять минут контакта между нами – самые важные пять минут в нашей совместной с собеседником жизни.

Так сложилось. Так вышло. Моими первыми нормальными собеседниками в жизни оказывались врачи. Без русских, чешских, испанских, немецких, американских и израильских врачей моей жизни просто могло не быть.

Врачи – эти одержимые наукой герои, эти крутые девушки и парни, отдавшие книгам по медицине свою молодость и очень большой кусок своего здоровья – лучшие люди на земле. По значимости своего более чем скромного вклада в существующую гармонию жизни человеческих существ на планете врачи могут сравниться толь-

ко со священниками. Не всегда человек может найти хорошего священника, как и хорошего врача. К тому же самые лучшие священники тоже лечатся у врачей, а самые хорошие врачи находят лучших в мире священников.

В моей вселенной, в моей огромной воображаемой вселенной тяжелого инвалида, во вселенной надежды и мечты, самые лучшие люди на земле – врачи, самые умные люди на земле – учителя. Самые красивые девушки – дикторы телевидения и радио. В женщин из телевизора можно влюбляться всем, даже тяжелым инвалидам. Только не надо никому об этом рассказывать, ни за что не надо. Нам нельзя влюбляться даже в медсестер, медсестры – живые женщины, они начнут смеяться. Обязательно начнут смеяться.

Плохие нянечки не в счет. Плохие нянечки не женщины. Они всегда злые, они всегда хотели поскорее избавиться от меня. Хорошие нянечки тоже бывают, но хорошие нянечки были нам бабушками. Мне нравится это русское слово «бабушка». Хорошее слово.

* * *

Главное умение инвалида, живого инвалида, – разбираться в людях. Если ты не научился разбираться в людях – ты труп. Я научился.

* * *

Мы с Сашей в Праге. Прага красивый город. Мою коляску закатили в кафе, мне сказали: «Сейчас зайдет твоя мама. Она придет с топором или с кислотой. С сильной кислотой. Она ударит тебя топором или плеснет кислотой тебе в лицо. Но ты не бойся, мы тебя защитим».

В кафе зашла женщина с маленькой элегантной сумочкой в руке. В сумочке не поместился бы топор, в такой сумке трудно переносить банку с кислотой. Медленно подошла ко мне.

Учительница. Настоящая учительница. Я медленно набрал воздух в легкие. Я не хотел никого обижать.

– Тебя снимают скрытой камерой.

* * *

– Он остается здесь, – сказала мама.
Дальше началось совсем другое кино.

ЗНАКОМСТВО

– Тебя снимают скрытой камерой, – сказал я.

* * *

– Я догадывалась, но спасибо за доверие. Ты узнал меня по фотографии?

– Я не узнавал тебя, я понял, что ты образованна. Понимаешь, в детдоме ты не можешь надолго сконцентрироваться на одном человеке. Бывают исключения, но...

– Я знаю, я выросла в детдоме.

Голос Ауроры властный, сильный. Голос человека, привыкшего жить по правилам и, если потребуется, без правил. Голос из другого, цивилизованного мира. Цивилизованного мира, но цивилизованного не настолько, чтобы заглушить голос детдомовской девочки.

Мы пьем вино. Бокал Ауроры пуст. Аурора выпила пару бокалов. Ничего плохого не случилось бы с француженкой и после бутылки вина, но она забывает пить. Аурора знает, что русские пьют много алкоголя, когда волнуются. Она просто подливает вино в мой бокал. Я пью через соломинку.

– Ты сказала, что я остаюсь здесь. Я умираю. Болезнь неизлечима.

– Рак?

– Нет. Некроз внутренних органов.

– Я тоже умираю. Третья ремиссия.

– Давай умирать вместе.

Мы смеемся. У детдомовцев странный юмор.

– Саша может остаться с тобой на некоторое время? – спрашивает Аурора.

– Саша остается навсегда. Он мечтает жить в Чехии. Ты узнала меня?

– Ты очень похож на своего отца. Я сразу узнала тебя.

Мы молчим. Аурора старается не плакать. Я не плачу.

Мальчики не плачут.

ПИЦЦА

В этот день Аурора приходит с работы позже обычного. Она вешает плащ, подходит ко мне.

– Рубен, мне очень неудобно.

– Что-то случилось?

– Не то чтобы случилось, но мне неприятно тебе это говорить.

– Говори как есть. Плохие анализы?

– Нет, совсем не это. Я поздно пришла с работы, уже не успею ничего приготовить на ужин.

– Мы умрем от голода?

Аурора устала, я вижу, что она настолько устала, что у нее нет сил даже на улыбку.

– Нам придется заказать пиццу.

– Пицца – это хорошо. Я никогда в жизни не видел пиццу. А с чем будет пицца?

– С чем захочешь.

– Так не бывает. Может, я захочу пиццу с колбасой.

– С какой колбасой?

– Ну, не знаю. С любой.

– Ты хочешь куриных крылышек?

– Вместо пиццы?

– Почему вместо пиццы? Просто иногда, когда заказываешь пиццу, тебе предлагают что-нибудь для разнообразия.

Нам привозят пиццу. Пиццу привозят вместе с крылышками, но я решаю отложить крылышки на завтра.

Понял, теперь я окончательно понял, почему отчаянные итальянские сыщики и неуловимые мафиози в самые напряженные моменты погони заказывают пиццу. У них нет времени готовить.

Аурора открывает коробку, берет нож.

– Подожди, Аурора, не разрезай. Я хочу немножко посмотреть на пиццу. Она такая красивая!

– Рубен, нас приглашают на шоу, – говорит Аурора. – Они обещают собрать тебе денег на коляску.

Мы летим. Я очень люблю аэропорты и железнодорожные вокзалы. Мне нравится смотреть на спешащих куда-то людей, на взлетающие самолеты или отправляющиеся поезда. Аэропорты я люблю больше. В аэропортах можно мечтать, и твои мечты не ограничены географически. Просто вслепую ткнуть пальцем в глобус и полететь далеко-далеко. Конечно, тыкая пальцем в глобус, с первого раза трудно не попасть в цивилизованное место или в океан. Не беда. Если не получится с первого раза, и даже с третьего, можно загадывать на глобусе снова и снова. Главное, продолжать стараться. Главное, верить, что где-то далеко тебя ждут. Главное, знать, что ты будешь нужен в таком далеком и таком близком месте.

Мы прилетели в Испанию как туристы. Быть туристом в Испании удобно и приятно. Какая-то благотворительная организация одолжила нам огромную коляску. Эта коляска была просто ужасной, она была намного хуже, чем все мои коляски в России.

Сцена. Меня выкатили на сцену, задали пару интересных вопросов. «Зачем вам электрическая

коляска?», «В чем заключается ваша инвалидность?»

Напротив меня, по бокам и сзади светились цифры пожертвований. С каждым моим ответом цифры уверенно росли. Очередная спастическая судорога скрутила мое тело, неудобная коляска не давала мне возможности двигаться. Когда я дернулся всем телом, в попытке хоть немного изменить положение, мое лицо показали на мониторах крупным планом. Оператор поймал мое лицо в момент максимальной боли.

Радостная ведущая передачи бодро выскочила на сцену и объявила, что сбор пожертвований закончен. Какая-то добрая душа подарила мне деньги на коляску.

Я желаю здоровья той незнакомой женщине, которая подарила мне коляску. Пусть удача сопутствует ей и ее близким.

Я также желаю долгих лет жизни всем сотрудникам неведомой мне благотворительной организации. Только через несколько лет я понял, что они одолжили мне нормальную, по меркам Испании, инвалидную коляску.

СОЛДАТИКИ,

*или Глава о том, почему умение стрелять
и ходить на лыжах ценится гораздо больше
писательского мастерства*

Никогда не понимал и никогда не пойму логики сильных мира сего. Может быть, они изначально, при рождении, уже не люди. Может быть, они теряют человеческое достоинство на вершине власти. Не знаю, не уверен.

Все было подстроено заранее. Ее Величеству королеве Испании Софии рассказали о моей судьбе. Ее Величеству королеве Испании Софии прочли вслух мою книгу. Ее Величество соблаговолила посетить сентиментальную оперу «Мадам Баттерфляй» и встретиться со мной. Исход встречи был предрешен. Сентиментальная опера должна была вызвать в королеве сентиментальные чувства.

Впервые в жизни я видел вблизи царствующего монарха. Королева была прекрасна! Ее одежды были подобраны самым изысканным образом. Вся бижутерия Испании, все, что можно было нанизать на пальцы и надеть на шею, было нанизано и надето.

Нас представили. Вернее, меня представили королеве. Я говорил все положенные слова из заранее написанного текста.

– Он разговаривает? – спросила королева и, не дожидаясь ответа, развернулась и ушла.

Все было нормально. Ничего другого я и не ожидал. Опять недостатки. Вечная моя неучтливость и хамство. Не словами, а действиями должен я был доказывать свою преданность испанской короне. За две недели до нашей встречи по телевизору показывали нового гражданина Испании. Йохану Мюлегу, немецкому биатлонисту, король Испании Хуан Карлос Первый пожаловал испанское гражданство и ежемесячное содержание в 600 € в месяц. Да пребудет милость неба над всеми королями и королевами Испании! Я был виновен и не стану отпираться. Я не только не хожу на лыжах, я не уверен даже, что смогу нажать на спусковой крючок винтовки. Ни стрелять, ни бегать я так и не научился.

* * *

Музей королевы Софии. Музей как музей, ничего особенного. Раз пригласили, надо идти. Я всегда откликаюсь на приглашения. Оказалось, что меня пригласили посмотреть не музей. Меня пригласили посмотреть на пандус. Видно было, что его соорудили очень быстро и очень плохо. Пандус был деревянный. Пандус был криво сколочен на скорую руку. В моей коляске установлен мощный мотор, но я все равно боялся поднимать-

ся по этому пандусу. Мне объяснили, что пандус был построен исключительно для меня. Они думали, что я буду польщен этим фактом. Я не был рад, мне было неприятно пользоваться вещью в одиночку. Удивительно, но меня поражает такая несправедливость. Пандусы надо строить для всех, а не только для знаменитостей. Меня, конечно, радует внимание к знаменитости, но тяга к справедливости во мне выше. Все блага мира и так достаются богатым и знаменитым. Строить пандус исключительно для меня несправедливо. Несправедливо даже то, что я был искренне убежден, что этот пандус долго не простоит. Меня заверили, что это временный пандус, построенный к какой-то годовщине. Но нет в мире ничего более постоянного, чем временное.

Ничего особенного не было в этом музее. Фотографии королей и королев. Доказательство благородного происхождения королевы Софии. Каждому же понятно, что лучше родиться богатым, чем бедным.

Мне понравились солдатики короля Испании Филиппа VI. Солдатики были красиво и с умом раскрашены. У солдатиков была даже копия настоящей пушки.

Там, в далекой северной стране, где я родился, у меня не было таких красивых игрушек. Мне вдруг захотелось купить комплект солдатиков. Не знаю зачем. Просто так. Мне хотелось бы

расставлять солдатиков на полу, заряжать почти настоящую пушку и мечтать о несбывшемся испанском детстве.

– Аурора, купи мне солдатиков.

– Не могу, они дорогие. Хочешь, я куплю тебе одного солдатика?

– А сколько стоит один солдатик?

– Семьдесят евро.

– Не надо, не покупай.

Мы идем с мамой по музею.

– Рубен, ты жалеешь, что не можешь купить набор солдатиков?

– Нет. Совсем не жалею. Просто представил себе маленького испанского мальчика. Ему никогда не купят набор королевских солдатиков. И пушку не купят. В России нет такого жадного короля. Целый набор солдатиков для одного человека. Знаешь, мне ведь в детдоме дарили игрушки родители других детей. Не часто, но дарили. Зачем мне солдатика, зачем мне пушка? Ведь в детстве у меня был танк. Почти настоящий танк, только маленький. Т-34.

КОМПЬЮТЕР

Мне часто говорили, что у меня в голове компьютер. Люди не хотели меня обидеть. Они всего лишь хотели сказать, что я очень умный.

Я лежу на матрасе. Я лежу на животе. Мне так удобно. Аурора уходит на работу.

– Тебе что-нибудь нужно? – спрашивает она.

– Компьютер.

– Какой именно? Или ты хочешь выбирать сам?

– Я выберу сам.

Мы с Сашей идем в магазин, покупаем компьютер. Мы приходим домой и устанавливаем на этот компьютер мой жесткий диск. Все. Я выиграл. Я вне России, и у меня есть компьютер.

Аурора приходит с работы.

– Прости, Рубен, я забыла купить по дороге наклейки с русскими буквами. Много работы.

– Ничего, я уже приспособился. Давай сегодня закажем пиццу!

– Тебе не понравилось то, что я приготовила вчера?

– Нет. Ты же знаешь, что мне почти все равно, что есть. Давай закажем пиццу и ты расскажешь мне о русских писателях.

– Я рассказывала тебе о них.

– Расскажи еще раз. Можно я буду спрашивать, а ты будешь отвечать, только не очень длинно?

– Можно, – улыбается Аурора. – Но зачем тебе русские писатели? У тебя огромный провал в знаниях. Хочешь, я расскажу тебе про Гертруду Стайн?

– Хочу, но не сегодня. Сегодня у меня есть компьютер.

Мы едим пиццу, Аурора рассказывает. Она рассказывает забавные истории про чудаков, почти постоянно пьющих водку. Русские писатели пьют водку, женятся и разводятся. То, что возмущает Аурору, не возмущает меня. Из рассказов Ауроры я узнаю самое главное: они люди, просто люди, всего лишь люди. В их образовании тоже огромный провал. Главное не это. Если смогли они, смогу и я.

Я не очень умный. И, конечно, никакого компьютера у меня в голове нет. Я наблюдательный, мне обязательно надо, просто необходимо, точно анализировать жизнь вокруг меня. Я вынужден планировать все.

Я лежу на матрасе. Мне удобно лежать на матрасе. Два локтя прочно упираются в него. Лежать на кровати не так удобно. Если лежишь на матрасе, в твоём распоряжении вся площадь квартиры. Кровать намного хуже матраса. Если лежишь на кровати, в твоём распоряжении только небольшие участки кровати справа и слева от компьютера. С кровати можно слезть. Можно, но тогда останешься без компьютера.

Я лежу на матрасе. Мне неудобно лежать. Мне неудобно, очень неудобно лежать, но матрас тут ни при чем. Я лежу на правом локте. Лежать на правом локте очень неудобно. Правый локоть болит. Правый локоть болит очень сильно, но я ничего не могу с этим поделать. Левая рука нужна мне для другого. Время от времени я переношу вес на обе руки, но лишь ненадолго. Отдыхаю. Я не могу себе позволить долгий отдых. Если расслабишься – проиграешь. Боль можно перетерпеть, боль – вечный спутник моей жизни. Когда я понимаю, что перестаю соображать от боли, я переворачиваюсь на спину, отдыхаю подольше. Переворачиваюсь на живот. Стараюсь убедить себя, что правая рука болит немного меньше, ведь я отдохнул. Я отдыхаю долго, очень долго – минут десять. Указательным пальцем левой

руки я забиваю в память компьютера мои буквы. Мои белые буквы на черном фоне.

Аурора приходит с работы. Я нажимаю кнопку, принтер выводит на печать несколько страниц.

Я привык. Я уже привык к тому, что мимика Ауроры меняется в зависимости от языка, на котором она говорит в настоящий момент. На этот раз Аурора не меняет языка, она говорит со мной по-русски, принтер также выдал листки с русским текстом. Аурора надевает очки. Такой я ее не видел никогда. Она внимательно читает.

– Хочешь, я распечатаю всё? У меня много рассказов.

– Распечатай всё, – говорит Аурора, особенно выделяя слово «всё», и я понимаю, что вижу ту Аурору, которая каждый день приходит на работу сосредоточенная и подтянутая.

Аурора читает. Она аккуратно перекладывает страницы из стопки в стопку. Стопка прочитанных страниц стремительно растет. Я терпеливо жду, пока Аурора дочитает.

– Тебе понравилось?

– Понимаешь, Рубен. Я могу рассказать тебе все про издателей и переводчиков. Ты должен научиться давать интервью и держать удар. Книга понравится не всем. И это даже забавно – я полжизни работала среди писателей, а теперь даже не знаю, что и делать. Я мать писателя.

– Ты считаешь, что я писатель?

– Я думаю, что с этим делать. – Аурора смотрит на меня, и я понимаю, что все серьезно. – Ты русский писатель, а я не знаю, что и как говорить русским. Без публикации в России Запад тебя не примет.

РАДИО

Там, в России, я любил слушать американское радио на русском языке. Учителя в школе нам объясняли, что все зарубежные радиостанции врут. Я соглашался с учителями. В одной из передач рассказывали, что там, на Западе, инвалиды катаются по улицам в колясках, работающих от батареек. Чушь, полный бред. От батареек могут работать только игрушки. Я даже не очень сильно обиделся на эту радиостанцию. Я слушал эту передачу не с начала, может, они передавали фантастику. Я очень люблю фантастику. Когда я читаю фантастику, мне очень нравится представлять себя штурманом космического корабля или инопланетянином с шестью щупальцами. Шесть щупалец намного лучше, чем ни одного.

Моя самая любимая американская радиостанция – «Голос Америки», потому что она регулярно передавала уроки английского языка. Уроки английского языка по радио лучше, чем ничего. Намного лучше.

СЕРГЕЙ

Сергей был моим первым редактором.

Сергей – бывший муж Ауроры. Сергей – русский писатель. Они с Ауророй работали на американском радио «Радио Свобода».

Я думал, что становлюсь писателем, читая его правки. Я ошибался. Я стал писателем, когда получил от него короткое письмо: «Рубен, Ваш рассказ “Волга” – одно из сильнейших описаний советской иерархии. Все правки отменил. Сергей».

Вот так. Писатель должен принимать и отвергать правки с одинаковой, на первый взгляд, легкостью.

И главное – никогда не выбрасывать предыдущие варианты.

Наум Ним предложил мою книгу Константину Тублину. Вот и все. Книга быстро вышла в печать.

Константин Тублин – владелец издательства «Лимбус Пресс».

Наум Ним – первый человек в России, который подчеркивал именно литературную уникальность моего творчества. Ко всему прочему, так получилось, что мы виделись с Нимом до моей эмиграции.

В эти хаотичные строки можно уложить начало моей литературной карьеры. Мне просто повезло.

Когда мне задают этот назойливый, повторяющийся вопрос: «Как стать писателем?» – я уже знаю, что спрашивающий не хочет знать ответа. На самом деле мне снова и снова задают вопрос: «Как стать успешным писателем, ничего не делая?» На такой вопрос у меня заготовлен абсолютно искренний и честный ответ: «Станьте врачом или педагогом, подводником или летчиком – получите любую профессию. Потом, если у вас еще останется желание стать писателем, становитесь писателем. У вас есть неплохие перспективы. Если нет возможности получить специальность, – не надо. Просто пишите. Пишите и надейтесь на удачу. Может быть, вам повезет».

УЧИТЕЛЯ

Детство. Россия. Примерно каждые два года меня переводили из детдома в детдом. Учиться в школе я любил. Школа была игрой. Забавной игрой в жизнь. Я любил играть.

* * *

Учитель вошел в класс, коснулся доски, нащупал учительские стол и стул. Сел. Мы уже знали от старшеклассников, как сорвать урок.

– Учитель, – спросили мы, – а правда, что вам немец в концлагере ножиком глаза выковырял?

Он завелся. Голос учителя почти срывался.

– Не немец, а фашист. Немцы – величайшие композиторы. Фашизм забудут, а музыка останется навсегда. Вы дети, вы, конечно, не понимаете этого сейчас, потом поймете, когда вырастете.

Учитель вышел из класса. Учитель пошел в учительскую. Учитель попросил немедленно предоставить ему право провести двойной урок. Учителю не пришлось долго просить, все учителя знали, что такая просьба поступает от него только раз в году и только в сентябре. Свой урок ему отдал учитель математики. Отдал еще потому, что был уверен, что в течение года учитель музыки еще не раз уступит ему место в расписании.

Математика – серьезный предмет, а музыка что? Музыка предмет вспомогательный. Музыка ничего не значит.

Учитель принес красивую коробку. На коробке было много кнопок и два рулона тонкой пленки.

– Это магнитофон, – сказал учитель. – Магнитофоны еще не продавались в нашем городе. Я специально ездил в Москву, чтобы купить его.

Учитель вставил в магнитофон тонкие полоски пленки. Мы ждали музыки с сомнением, но мы верили учителю. На одном диске с тонкой пленкой могло уместиться очень много музыки, намного больше, чем на десятках самых больших виниловых пластинок. Понятное дело, что за таким прибором стоило ехать только в Москву. Ведь Москва – самый лучший город на свете.

Учитель аккуратно снял школьную доску, учитель поднес к стене вилку от прибора. Вилка тыкалась в новые обои нашей классной комнаты. Ремонт делали каждый год. Было смешно, но мы старались не смеяться. Нельзя смеяться над своими.

– Насколько я понимаю, все ходячие в этом классе пользуются костылями. Без костылей ходит только Гена.

Гена почти мгновенно встал со стула.

– Сидеть! – таким голосом разговаривали только военные в фильмах.

Гена послушно сел. Никогда больше мы не видели нашего учителя таким строгим.

Учитель достал из кармана и положил на стол небольшой перочинный ножик, плоскогубцы и моток изоляционной ленты. Учитель вырезал в слое многолетних обоев аккуратный круг. Под обоями розетки не было. Мы не засмеялись. В детстве не смеялись над своими, даже если свои ошибались. В кармане у учителя была новая розетка.

Магнитофон проигрывал классическую музыку. Музыка звучала снова и снова. Каждый раз, когда музыка переставала литься из магнитофона, учитель рассказывал нам о ней. Учитель давал пояснения и ставил новую катушку с музыкой. Каждый раз после объяснения учитель строгим, не своим голосом произносил: «Вопросы есть? Вопросов нет».

На этом уроке не надо было поднимать руку, чтобы задать вопрос. На этом уроке каждый мог задать вопрос, если тихонько спрашивал разрешения высказаться.

Вопрос был у меня.

- Учитель, где вас научили менять розетки?
- В спецшколе.
- В спецшколе для слепых?

Учитель улыбнулся. Видно было, что у него сегодня хорошее настроение.

– Я учился в обычной спецшколе. После войны они еще оставались, а такого количества специально подготовленного десанта стране уже не было нужно. Мне повезло, я попал в поток со старыми

преподавателями. Мне было девятнадцать лет, но меня приняли. После войны осталось много таких людей, как я, без профессии, без элементарных навыков гражданской жизни. Мы занимались музыкой круглосуточно. Недосыпали, конечно. Спать хотелось все время, спать хотелось больше, чем есть. Учителя еще шутили: «Зачем вам спать, вы все равно не видите, день сейчас или ночь?» Десант высаживали ночью, значит, многие операции нужно было делать на ощупь.

Все. Сработало. Урока не будет. Не будут спрашивать домашнее задание, не будут ничего задавать на дом. Учитель будет рассказывать. Только рассказывать, не важно что. Совсем не важно.

– Многие из моего потока спились, кое-кто и из жизни ушел. Кому нужен слепой учитель? А мне что? Мне было тогда все нипочем. Пришел в РОНО трудоустроиваться, меня не берут, понятно. Настоял на собрании расширенной комиссии. Пока члены комиссии шептались между собой обо мне, я вбил два гвоздя в доску, положил на эти гвозди линейку, приставил к линейке треугольник и рисую себе потихонечку, – он показал, как двигался треугольник по линейке. – Члены комиссии посоветовались между собой и вынесли решение: меня к преподавательской деятельности допускать нельзя. Мне дали последнее слово, мол, что имеешь сказать на прощание? А мне что? Я сказал, что в вашем детдоме преподавание нот-

ной грамоты не предусмотрено, дети, в силу своих физических недостатков, не обучаются играть на музыкальных инструментах. Попросил комиссию занести в протокол написанное на доске. Как я и предполагал, в комиссии музыкантов не было. Комиссия пообещала занести написанное на доске в протокол, только попросила меня рассказать, что я написал. А написал я первые ноты «Интернационала». С этими нотами я и собирался ехать в Москву правды искать. Комиссия даже не стала совещаться еще раз. Комиссия записала в протокол, что, учитывая идеологическую составляющую моей подготовки, именно мне рекомендуется работать с детьми инвалидами. Они там много еще написали. Председатель комиссии долго жал мне руку, все подходили, поздравляли. «Интернационал» это «Интернационал»: нарисован, не сотрешь. Так я сюда и трудоустроился.

Хороший учитель, правильный. Никогда не наступал на меня, когда мы сталкивались в коридоре, всегда нагибался ко мне и здоровался первым.

А я так жалел, что не родился слепым.

* * *

Учитель зашел в класс. Учитель как учитель, ничего особенного.

Ему очень повезло родиться здоровым. Когда ему было девять лет, он увидел, как малыши

нашли старую мину. Просто проходил мимо. Мог бы пройти мимо или позвать взрослых, даже должен был позвать взрослых. Слишком близко лежала противотанковая мина к детскому саду. Слишком близко к дороге. Мина могла взорваться в любой момент. Взрослые могли не успеть. Да и зачем ему взрослые, ему, уже не ребенку, в полные девять лет? Ему, нормальному послевоенному пацану? Отогнал малышей от мины, послал малышей за взрослыми. Взрослые вызовут саперов, взрослые сделают все как надо. Только пока подойдут взрослые, надо отнести мину подальше от дороги. Он помнил, как осторожно нес мину к ближайшему оврагу. Он не помнил, как оказался с контузией в больнице. Всего лишь контузия, тугоухость на всю жизнь. Жить будет. Про руки врачи не решились рассказывать в первое пробуждение. Руки пришлось ампутировать.

Учитель рассказал нам, что в университете он влюбился в девушку старше себя на два курса. Он сдал все экзамены по своему профильному образованию: учитель истории. А потом успешно сдавал экзамены по предмету на потоке своей девушки и чуть позже нее успешно доучивался по предмету преподавания рисования и живописи.

Он рассказывал нам, как чертил, прижимая губами линейку к кульману. Как на выпускном экзамене ему «не досталось» кульмана. Как ему объяснили, что он должен сдавать экзамен отдельно

от товарищей, чтобы не смущать своей инвалидностью других, нормальных студентов. Как преподаватель поставил перед ним большой хронометр. Часы пошли.

Что ж. Нет кульмана, значит, нет. Они же не видели, как он выполнял домашние задания. Ватман на пол. На пол стопки книг и набор гирек. И главное. Может быть, вполне может быть, что они поняли, что он выиграл именно в этот момент. Главное, он очень быстро снял свитер. Это понятно. Некому и некогда будет вытирать пот со лба. Он разулся. Ноги, культы рук, зубы – все, что имелось, пошло в ход. Он не слышал голосов окружающих. Он не слышал, что ему предлагали – кажется, нашли лишний кульман. Тугоухость была уже ни при чем. Мир вокруг перестал существовать. Только чертеж. Только подтверждение своего права на существование в этом наилучшем из миров.

Чертеж готов. Он вышел покурить. С ним вышел и председатель комиссии. Угостил дорогой сигаретой, заботливо поднес огонь.

– Ты счастлив?

– Извините?

– Мы, разумеется, проверим чертеж, но я уверен, что в чертеже нет ни одной ошибки. Но все равно не понимаю, зачем ты так. Подошел бы по-хорошему, написал заявление: медаль, контузия, инвалидность. Мы могли бы выставить тебе

оценку на основании предыдущих зачетов. Зачем ты так, пошел против всеѣ, поставил себя против коллектива преподавателей.

– Можно вопрос?

– Пожалуйста.

– Я сейчас шел по коридору, все еще чертят. А если начертят не так, то имеют право на пересдачу. У них еще полтора часа по закону, а мое время давно вышло. Только не сердитесь, пожалуйста.

– Я и не сержусь. Тут все ясно. Как ты не понимаешь, у них же есть руки.

* * *

У меня были хорошие учителя. Неплохие. Я не сержусь, я все понимаю. Я делаю неплохие тексты.

СОЦИАЛИЗМ

Много лет назад, очень-очень давно, девушка из Парижа, моя мама, приехала учиться в Москву. В Москву ее послали учиться социализму. Что за чушь, зачем посылать девушку куда-то очень далеко от дома и какой социализм может быть в Москве? В Москве холодно и голодно, в Москве очереди за продуктами и одеждой. Да, Москва мировая столица социализма. Да, по сравнению с провинцией России, Москва образец изобилия и счастья. Но для девушки из Парижа зима в Москве – огромное испытание. Зачем, почему Игнасио послал свою дочь в такую далекую и суровую страну?

Не стоит задавать много неопределенных, глупых вопросов. Игнасио Гальего не был дураком. Все проще, все гораздо проще. За обучение своей дочери в Москве Игнасио не заплатил ни копейки. И за проживание Ауроры в России Игнасио не платил. И денег Ауроре Игнасио не посылал.

Не надо ни демонизировать, ни идеализировать социализм. Социализм – прекрасная сказка, а всякая сказка вечна.

Деньги, всего лишь деньги. И никакой политики.

КРЕМЛЬ

Я родился в Кремлевской больнице. От обычных русских больниц кремлевская больница отличалась очень сильно. Все решения в Кремлевской больнице принимали люди из Центрального Комитета Союза Советских Социалистических Республик. Эти люди не были врачами, они были всего лишь высшими в стране инстанциями. Центральный Комитет не решал вопросов жизни и смерти. Центральный Комитет решал все, одновременно не решая ничего. Всякая медицинская процедура должна была получить разрешение Центрального Комитета.

Мою сестру Аню Аурора родила в обычном русском роддоме. В обычном русском роддоме врач не должен консультироваться с Кремлем. В обычном русском роддоме врач принимает решения сам.

ПРАГА

Прага – красивый город. Если бы мне разрешили, если бы это было возможно, я не поехал бы никуда дальше Праги. Зачем?

Но жизнь есть жизнь. Все, что мне нужно было узнать, я узнал. Многие инвалиды в Чехии на самом деле передвигались в электрических колясках. Но мне не подходила обычная электрическая коляска. Из обычной электрической коляски я бы просто выпал. Коляску пришлось собирать в Германии.

Мою первую в жизни электрическую коляску собирал чешский мастер. Да, ему пришлось проектировать и собирать коляску в Германии, но не это главное. Чешский мастер мечтал собирать электрические коляски для людей с очень сильной инвалидностью, а я мечтал о коляске.

Мы, оказалось, мечтали об одном и том же. Мы мечтали о свободе.

КРАСОТА

Красота – очень условное понятие. То, что красиво для меня, может быть уродливым для другого человека. Сам я не очень красивый мужчина, но если спросить у моей жены – я самый красивый на свете. Серьезно. Я не знаю, насколько я красив для Софии, но я для нее самый умный и добрый на свете папа. Если очень плохо и не очень уютно на душе, можно всегда подойти к папе, взять его за указательный палец левой руки и услышать, что она самая умная и красивая девочка на свете.

Я люблю Испанию. Может быть, потому, что Испания очень похожа на Россию. Люди неправильно устроенной и жестокой страны неожиданно совершают отчаянно красивые поступки, невозможные в утонченных, почти совершенных цивилизованных странах.

Больница. Испанская больница. Коридорные стены пугают щелями и проплешинами ветхого здания. Мою кровать ставят в коридоре. Слева от меня лежал человек с Марса, во всяком случае, так он заявлял миру и пробегающим мимо медсестрам. Человек очень просит позвонить по шести телефонным номерам. Только он знает секретный код доступа межпланетной связи. К нему подходит врач, терпеливо набирает по очереди все шесть номеров, но Вселенная молчит. Врач

обещает, что во время следующего обхода он обязательно попытается связаться с Марсом еще раз.

Врач подходит ко мне. Я спрашиваю его, почему меня положили в коридоре. Медсестра, сопровождающая врача во время обхода, смотрит на меня ласково. «Мальчик, пока мы до палаты добежим, время пройдет, а тут ты у нас перед глазами. Такой молоденький, – говорит она, – мы все очень переживаем за тебя», – и я понимаю, что она говорит это не из вежливости.

Боль стискивает меня в немислимый узел, я кричу. Я кричу, и мне кажется, что потолок кружится надо мной. Ни у врача, ни у меня нет времени на игру в вежливость.

– Жить хочешь? – спрашивает врач.

Я уже давно в Испании, и я понимаю, что это настоящий вопрос. Зачем лечить человека, который не хочет жить?

– Хочу, – отвечаю я, набирая в легкие воздуха для следующего вопроса.

– Операция пройдет в два этапа. Сначала мы выведем кишечник наружу, это не страшно, не бойся. Потом сошьем кишечник, и у тебя будет нормальная система пищеварения.

– Мне больно, – говорю я, – сделайте что-нибудь.

– Извини, парень, тебе придется потерпеть до операции. Мы должны видеть всю картину болезни, а это невозможно при обезболивании.

Врач и Аурора отходят. Когда Аурора возвращается, я вижу, что она не просто «подписала пару документов», как сказала мне раньше.

– Рубен, врач говорит, что в некоторых случаях, если организм не получает достаточно пищи, то начинает переваривать сам себя. Еще он говорит, что, скорее всего, ты подолгу голодал в детстве. Рентген показывает ярко выраженный некроз кишечника, но врачи предполагают худшее. Они уверены, что некроз задел все внутренние органы.

Аурора старается не плакать. Я не плачу. Мне некогда плакать.

– Спасибо за все, прощай, – говорю я Ауроре.

Больно, очень больно. Мою кровать куда-то везут. Лампочки. Огромные лампочки над операционным столом. Надо мной склоняется женщина в больничной маске. Последнее, что помню, последнее, что кричу: «Хирург что? От хирурга ничего не зависит: разрезал, зашил. Главное – анестезиолог. Анестезиологи – самые красивые женщины в мире. Они самые красивые, ведь женщина анестезиолог – самое прекрасное, что может видеть мужчина в последнее мгновение перед смертью».

Анестезиолог надевает на меня маску, просит громко сосчитать до десяти. Я отчетливо помню цифру «три». Все. Конец.

Просыпаюсь. Боли нет. Легкое облачко спокойствия и умиротворения покрывает мой еще не полностью проснувшийся мозг.

Врач наклоняется надо мной. Он рад, он не может сдержать восторг.

– Парень, я оперировал в Колумбии, там твой случай был бы рядовым. У тебя все нормально. Печень и почки в порядке. Операция прошла очень хорошо. Конечно, тебе придется соблюдать диету. Диета очень строгая, – врач тяжело вздыхает. – Вот что ты будешь есть в качестве основного блюда?

Мир надо мной еще кружится в легкой дымке приятной эйфории. Я очень устал даже от короткого разговора, и испанский язык выскальзывает из моего сознания. Я прошу Аурору переводить мои слова с русского.

– Я положу кусок мяса в кастрюлю, когда мясо почти сварится, добавлю картофель, свеклу и капусту. На сковородке поджарю лук и морковку. Добавлю содержимое сковородки в кастрюлю. Все.

Мне приходится умышленно упрощать рецепт, я говорю только то, что может быть интересным врачу.

– И часто ты будешь это есть?

– Часто. Скорее всего, каждый день.

Врач старается не обидеть меня, сохранять выражение спокойствия на лице, но у него это не выходит. Он поворачивается к сопровождающим его интернам и медсестрам.

– Он будет это есть каждый день, – отвечая на немой вопрос доктора, произносит один из

интернов. – Он же русский, это блюдо называется у них «борщ».

– Ты это ел?

– Ел. Я дружил с русской. – Слово «дружил» он произносит с некоторой задержкой, но его понимают правильно.

– И как на вкус?

– Надо привыкнуть. Если привыкаешь, вполне съедобно.

Врач улыбается. Видно, что он доволен объяснением.

– В общем, живи, ешь свой борщ. Все будет хорошо. Лет через пять или раньше тебя придется оперировать еще и не раз.

– А спастики? – спрашиваю я.

– Спастики в нижней части тела мы убрали. Швы не разойдутся, не бойся. Мне-то что? От меня ничего не зависит: разрезал, зашил. Вот анестезиолог тебя обязательно навестит. Ты хвалил ее, пока мог говорить.

Пиропос. На первый взгляд пиропос – это простой комплимент женщине. На самом деле искусство это ценится в Испании очень высоко. Издаются книги по составлению пиропос, пиропос поют и декламируют. Пиропос из книги не ценятся так высоко, как мгновенные пиропос. Ожидать от писателя мгновенного комплимента нормально. Если мужчина не может соединить пару слов в честь женщины, он не мужчина. Если

писатель не может восхититься женщиной, он не писатель.

Она вошла быстрой уверенной походкой, посмотрела на меня с улыбкой легкой иронии.

– Я – анестезиолог.

Четкий профиль уверенной в себе женщины. Женщины, привыкшей отдавать распоряжения и знающей себе цену. Волосы до плеч, завитые мелкими колечками. Ухоженные, но сильные кисти рук. Я не посмел бы подойти к такой женщине на улице. Просто не смог бы заговорить.

Над моей кроватью висит телевизор. Звук выключен, но телеведущая обращается к зрителю уверенно и прямо. Она красива.

– Самые красивые женщины на земле – актрисы и анестезиологи, – говорю я невпопад.

Она не стала отвечать во всю силу. Анестезиолог понимала, что я еще не в полном порядке. Но не ответить совсем было бы невежливо. Мгновенный взгляд на экран телевизора, легкая улыбка, подчеркивающая блестящий ответ.

– Да, бывают и красивые актрисы, но их красят.

Мадрид. Центр испанской культуры. Я неплохо знаю испанский язык. Мне нравится все. Больше всего на свете мне нравятся моменты, когда усталый преподаватель отвлекается от испанской грамматики и рассказывает о себе, о людях и традициях Испании. Испанцы живут с открытым сердцем. Жить с открытым сердцем означает жить здесь и сейчас.

Столовая университета. Столовая как столовая. Все столики заняты. Понятно – ведь сейчас перерыв между лекциями.

– Рубен, иди сюда, у нас веселее.

Молодой человек. Красивый юноша. Орлиный профиль, вьющиеся волосы свободно стекают на плечи. Юноша преподает в университете испанский язык. Он преподает испанский язык, играя на гитаре. Девушкам нравятся его волосы, девушкам нравится разучивать испанские песни. Девушкам нравится его гитара.

Я направляю коляску в его сторону. Два столика сдвинуты вместе. Юноша окружен красивыми девушками. Юноша доволен собой. Моя кожа чуть темнее его, мой славянский акцент и моя коляска ограждают меня от соревнования в мужской красоте. Я вежливо здороваюсь.

Юноша доволен собой. Юноша смотрит на своих девушек. Он рад своей маленькой побе-

де. Он сидит за одним столиком с известным писателем.

– Рубен, хочешь пива?

– Наливай.

– Ты знаешь, Рубен. Мне так жаль, что в этом месте продают только пиво. Но я могу сбежать в магазин. Я могу принести тебе водки. Русские же любят водку, правда?

Девушки смеются. Им нравится шутка. Юноша тоже смеется. В душе я тоже смеюсь. Мне тоже нравится шутка. Я почти счастлив от признания меня как писателя, а не как инвалида.

– Не надо никуда бегать. Мне хватит и пива. Ты знаешь, я держу водку дома. Много водки. А еще у меня есть набор матрешек и медведь с балалайкой. Ты знаешь, это очень умный медведь. Я думаю, если он может играть на балалайке, то наверняка сможет научиться играть на гитаре.

Девушки уже не смеются. Порыв веселья у юноши спадает, он внезапно понимает, что неудачно пошутил над моим русским происхождением. Он не знает, что делать. Ведь это на самом деле трудно – вежливо выйти из неудобного разговора.

К нам подходит красивый мужчина. Элегантный костюм, чуть тронутые сединой волосы, дорогие очки и строгий взгляд профессора. По выражению его лица видно, что он взволнован и очень сильно возмущен.

Профессор возмущен и предельно вежлив, кажется, что он готов к серьезному разговору. Профессор привычным жестом поправляет очки.

– Сеньор Гальего. Этот молодой человек работает здесь на временном контракте и не является штатным преподавателем. Тем не менее я очень сожалею о случившемся. Позвольте принести вам самые искренние извинения от имени преподавателей университета.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ

Я люблю Испанию. На самом деле люблю. С чего бы мне не любить место, где родился мой дедушка? Если снять очки, то все девушки покажутся красивыми, а юноши умными. Прекрасная страна, замечательная королевская пара, самые лучшие в мире полицейские. Если снять очки.

Очки бывают разными. Когда-то давно, очень много лет назад, я верил, что Испания – рай на земле. Когда-то давно. Я был наивным и глупым. Да и сейчас я часто бываю наивен и глуп. Никому на свете и ни за какие деньги я бы не отдал свой почти детский взгляд на мир. Пусть я буду глупым. Пусть. Писатель должен оставаться ребенком, чтобы оставаться писателем. Пусть я буду глупцом в розовых очках.

Аурора знала, что ей немного осталось. Болезнь, о которой не говорят. У Ауроры был испанский паспорт. Я, ее сын, должен был получить испанское гражданство. Все нормально, все хорошо.

Испанский хирург вернул меня в мир живых, спас меня. Он сделал все, что мог. Хороший хирург. Я уважаю хирургов. Врач назначил мне строгую диету, врач запретил мне уезжать далеко от клиники. Я строго следовал рекомендациям врача. Я оставался жить. Я хотел жить.

Но даже в такой прекрасной стране, как Испания, есть полицейские. Нет, лично я хорошо отношусь к полиции. Полиция нужна любому государству. Но именно в Испании я столкнулся с ней лицом к лицу. Испанская полиция ловила меня и, похоже, не собиралась находить.

По телевизору показывали нелегальных эмигрантов. Нелегальным эмигрантам раздавали теплые пледы. Нелегальных эмигрантов кормили и поили. Нелегальным эмигрантам давали убежище. Все это показывали по телевизору. Хорошая штука – телевизор. Мы с Ауророй часто включали телевизор. Аурора смотрела новости на своем родном французском языке. Французские журналисты показывали, как в далекой Испании нелегальных эмигрантов избивали до потери сознания. Французскому телеоператору не понравился эпизод с девушкой. Девушке внезапно накинули на голову черный целлофановый пакет. На руки девушке надели надежные наручники. Но девушку не удалось депортировать. Сердце девушки внезапно остановилось. Мертвые не потеют. Мертвым не нужна ни вода, ни крыша над головой. Мертвым не нужно ничего.

Я лежал на кровати и ел суп. Обыкновенный суп.

Мою книгу продавали на каждом углу, ведущие телевизионные компании почти каждую неделю приезжали к нам домой. Я давал интервью.

Суп был вкусный. Я ел суп. Каждому человеческому существу время от времени нужно есть. Я ел суп и бегал от полиции. Я давал интервью и скрывался от полиции. У полиции было все, что нужно для хорошей охоты. У меня не было ничего. У полиции были сверхбыстрые катера береговой охраны, у полиции были автоматические винтовки, у каждого, даже самого незначительного полицейского была самая настоящая кобура. Кобуру очень редко носят для красоты.

Я ел суп. Что может быть плохого в том, что человек ест суп? Я ел суп, а полицейский звонил в мою дверь. Аурора пошла открывать. Аурора боялась. Я тоже боялся, но что нам оставалось делать? Мои руки практически невозможно сковать за спиной наручниками. Мои ноги не смогли бы унести меня прочь от полиции. Полицейский был неплохим дядькой. Полицейский нарочно долго топтался в прихожей. Полицейский давал мне шанс. Разумеется, я не Брюс Ли, я не смог бы ударить его ногой с разворота. Это очень смешно, но выпрыгнуть в окно я тоже не смог бы. Что ж, полицейский не виноват, он выждал достаточно долго, невообразимо долго даже для фильмов про сыщиков.

Он вошел. У него были наручники, они висели у него на поясе. У него не было даже дубинки. Не знаю, был ли у него черный мешок. Не знаю и не хочу знать. Нужно было драться или прятаться.

Драться так драться. Он, наверное, был неплохим боксером. Полицейский осторожно зашел в мою комнату. Остановился. Может, его испугала моя тактика в драке. Может, он примеривался, как половчее выбить из-под моего лица тарелку с супом, прижать мою голову к кровати и защелкнуть наручники у меня за спиной. Не знаю. Я не полицейский. Я испугался только мешка на голову. Вставить ключицы на место мне смогут в ближайшей больнице.

– Я полицейский.

– Я вижу. Возьмите, пожалуйста, книгу с полки.

– Не могу, я полицейский.

– Пожалуйста, возьмите книгу с полки. Сверьте фотографию на книге с моим лицом.

Сверить фотографию он мог. Сверять фотографии его учили. Он несколько раз перевел профессиональный взгляд с меня на книгу. Он сверял фотографию снова и снова. Он не знал, что делать дальше. «Я полицейский», – повторял он.

– Я вынужден вас арестовать.

– Пожалуйста. Только запишите в протокол, что я оказал вам сопротивление. Лучше «серьезное сопротивление». Напишите, что я избил вас. Книгу оставьте себе. Это подарок.

– Нет. Я отдам книгу своему начальнику. У него много книг.

САМОЛЕТ

Аэропорт. Я люблю железнодорожные вокзалы и аэропорты. Мне нравится смотреть на самолеты. Самолеты взлетают и садятся. Я смотрю, как люди улетают и прилетают. Можно долго смотреть в огромные стекла здания аэропорта, можно представлять себя одним из пассажиров любого самолета на выбор. Столько мест, где я не бывал ни разу. Столько мест, куда я прилетал. Поезда мне тоже нравятся. Мне очень-очень нравятся поезда, но самолеты мне нравятся намного больше. Самолет может улететь далеко-далеко, самолету не нужны рельсы.

Мы летим в Испанию: я, Аурора и Аня. Мы возвращаемся из одного временного пристанища в другое. Мы летим из Рима в Мадрид. Я – почетный гость, возвращающийся из Италии. Испанцы любят меня, испанцы любят туристов и приглашенных почетных гостей. Испанцы не любят бедных. Они правы, наверное. Какой прок от нищих и больных?

Чуть впереди от моего места в самолете сидит красивый молодой человек. Итальянец. Он очень хорошо одет. Все вещи на нем идеально подходят к его идеальной фигуре. Сразу после посадки молодой человек открывает сложенное зеркальце и вынимает из нагрудного кармана расческу,

поправляет прическу, смотрит в зеркальце снова и снова. Мой взгляд ненадолго задерживается на нем, я смотрю на кресла вокруг. Станный самолет. Не считая меня и молодого человека, все кресла салона заняли девушки в спортивной форме. Девушки возвращаются в Испанию с серебряными медалями. Серебряные медали по тяжелой атлетике – вещь серьезная.

Впереди меня сидит девушка. Самолетное кресло явно не подходит ее фигуре. Крупные, массивные плечи и волосы, собранные в скромный пучок. Ее соседка, тоненькая и хрупкая девочка, пытается обучить подругу несложной карточной игре.

– Какая же ты глупая, Вероника. Смотри, четыре масти, король главный, а туз главнее короля.

Вероника совсем не глупая. Вероника честно пытается угодить своей подруге. Я прислушиваюсь. Девушки одна за другой поддразнивают Веронику. Все просто, все слишком просто. Вероника младшая из них. Вероника – метатель диска. Для того, чтобы попасть в команду, надо много тренироваться. Глупый человек не смог бы стать серебряным призером чемпионата мира. Она всего лишь маленькая девочка среди старших подруг. Мускулистая и очень добрая. Красивая женщина. Долгие годы тренировки подарили ей гору мышц, спортивная школа и регулярные перегрузки оставили слой кровавого и беспо-

щадного стресса. Стресс оставил ей лишь одно утешение – возможность вкусно поесть. Но что плохого можно найти в том, что девушка много ест? Вероника должна быть упитанной. Каждый килограмм веса дискобола служит противовесом упрямому диску. Подруги дразнят Веронику. Вероника призналась, что накануне соревнований съела шоколадку.

– Извините, – у меня уверенный голос взрослого мужчины, – а мне нравится Вероника.

– Но она ест слишком много шоколада, – кто-то пытается мне возражать. Голос ребенка.

Они – дети, всего лишь дети. Дети не сильно и хотели смеяться над Вероникой. Они просто привыкли дразнить Веронику. Всего лишь привыкли.

– Но Вероника добрая и красивая, – возражаю я. – Когда она покупает шоколад, она со всеми делится. А еще на нее все время оставляют маленьких детей, и Вероника никогда не отказывается, когда ее просят помочь.

Вероника ловко переворачивается в кресле лицом ко мне. Она смущена. Видно, что ее очень редко хвалят.

- Откуда ты знаешь? – спрашивает Вероника.
- Что именно?
- Что на меня оставляют детей?
- Но все верно, да?
- Все верно.

– Конечно, он все знает, – говорит девочка с большим очками, – он же писатель.

Взгляд Вероники светится. Она смущена комплиментом.

– Я хочу сфотографироваться с тобой, Вероника. Я повешу фотографию на стену, и все мужчины в Испании будут мне завидовать.

– А со мной, а со мной? – Мы фотографируемся попарно и порознь с каждым членом команды мускулистых тяжеловесов.

Я со всеми шучу, я стараюсь как могу. Я отвечаю на все вопросы о безопасности самолетов каждые пять минут. Но что я могу поделаться? Только отвлечь их на следующие пять минут. Уже второй час наш самолет не может взлететь. Я замечаю, как старательно девочки пытаются скрыть свой страх. Я делаю вид, что не замечаю, как часто они попеременно отходят, чтобы позвонить родным.

Пилот объявляет по громкой связи о задержке вылета, нам говорят, что самолет не может взлететь из-за неисправности в системе автопилота.

Пассажиров срочно эвакуируют. По салону тянется тяжелый запах керосина. Пустой салон. Сквозь салон, сквозь ряды пустых кресел к нам идет капитан воздушного корабля. Спокойный и уверенный он стоит лицом к нам. Запах керосина становится сильнее. Капитан спокоен. Капитан всегда спокоен.

– В твоём самолёте очень странный автопилот. Никогда не видел, чтобы автопилот управляли керосином.

– Нам было важно избежать паники. Если можешь, успокой девочек в новом самолёте.

– Я успокою девочек. Это мой дар – успокаивать и поддерживать людей.

– Спасибо.

Наконец, нас пересаживают на другой самолёт. Испанская сборная по тяжелой атлетике неуверенно заполняет салон. Испанская сборная радуется моему присутствию, девушки начинают неуверенно улыбаться.

– Вероника, – зову я, – как ты думаешь, почему я тебя так долго хвалил?

– Потому что ты добрый.

– Я не злой, но мы остановились на том, что все мужчины козлы и им нельзя верить. Так?

Вероника улыбается, слегка, но улыбается, это уже неплохо.

– Так.

– Они долго хвалят тебя, а потом используют.

– Да.

– Но я тоже мужчина. Смотри. Я сижу неуверенно, потихоньку сползаю с кресла. Ты не могла бы меня подсадить повыше?

Вероника подходит ко мне, аккуратно берет меня под мышки и подтягивает на сиденье.

– Спасибо, – говорю я Веронике, – я разговаривал с тобой два часа, чтобы в конце попросить тебя о помощи. Теперь представь, как долго будут тебя убеждать другие мужчины, чтобы добиться чего-то большего.

– Нет. Ты все равно не такой, как все. Ты добрый.

* * *

Самолет приземляется в Мадриде. Аня бежит выяснять, что с коляской. Мы с Ауророй остаемся в салоне.

В самолет заходит женщина с рацией и двумя связками ключей на поясе. Ее сопровождают два милых испанских мальчика.

– Здравствуйте, сеньора.

Женщина смотрит мимо меня.

– Несите его, – командует она ассистентам.

– Простите, сеньора, где Аня?

– Твоя ... сестра? – Она использует ненормативную лексику. – Бегает по аэропорту и требует носилки.

– Моя коляска у трапа?

– Еще чего! У трапа нормальная коляска.

– Простите, сеньора, но мой сын не может использовать обычную коляску, он может сломать ногу, – вежливо говорит Аурора.

– А ты вообще, сука, заткнись!

Аурора не умеет разговаривать в таком регистре. Аурора плачет. Аурора француженка, французское насилие – насилие цивилизованное. Утонченное, изысканное насилие. Но Аурора не способна на насилие совсем. Во всяком случае, французское издательство обокрало нас совершенно спокойно.

– Берите его! – командует женщина.

Мальчики подходят и вежливо спрашивают, как меня нести. Я вежливо прошу их принести носилки.

– Я вам что приказала? Быстрее выносите его из самолета!

– Но сеньор не хочет выходить.

– Берите силой!

Мальчики отходят от нас. Мальчики не хотят причинять боль человеку.

Четыре года в цивилизованном мире не прошли даром. Я милый, мягкий и очень вежливый мужчина. Это так легко – быть остроумным и смелым на сытый желудок. Но тонкий налет цивилизации непрочен. При малейшем проявлении агрессии собеседник сталкивается с простым и честным русским парнем. Я быстро и уверенно выгибаю спину. Мое тело сползает с сиденья. Теперь я сижу на полу, мои ноги не согнуты в коленях, моя спина удобно упирается в самолетное сиденье.

Женщина нагибается надо мной и начинает орать. Из ее слов я мог бы узнать много нового

о происхождении и роде деятельности моей мамы и сестры.

Я не ору. Я несколько повышаю голос, но не ору. Я называю эту милую даму жирной и глупой коровой. Мне очень удобно вести столь утонченную дискуссию по-испански. Многие испанские ругательства – кальки с русского языка. Великий язык Байрона и Шекспира дарит мне лишь одно четырехбуквенное слово, но и это слово, к сожалению, знают все люди на Земле. Под конец я полностью перехожу на русский язык. Я знаю, что даже самые невинные фразы на иностранных языках кажутся необразованным людям самыми сильными проклятиями.

Женщина отшатывается от меня. Ее лицо багровеет. На секунду, всего на одно короткое мгновение, мне становится жаль ее. Людям с лишним весом нельзя так напрягаться.

– Что значит «не хочет выходить»? – кричит эта не очень умная женщина на своих помощников.

Она не права, бесполезно кричать на испанских мужчин. Кричать, по большей части, вообще не имеет смысла. Но кричать на испанца может только одна женщина на свете – его мама.

Не получив поддержки от своих подчиненных, женщина снова переключается на меня.

– Выйдешь, ты у меня сейчас быстро выйдешь. Я могу и полицию вызвать.

– Вызывай. У полиции, по крайней мере, носилки есть. Только вызывай сразу армию, авиацию и флот. А я пока позову прессу.

Я начинаю перечислять названия газет и телевизионных каналов.

Из кабины пилотов выходит мужчина. Почти сутки на дежурстве. Строгий голос уверенного в себе человека.

– Что здесь происходит?

– Он не хочет выходить из самолета. – С пилотом женщина разговаривает, заискивая. Пилот – начальство.

– Почему ты не хочешь выходить из самолета? – обращается ко мне пилот. – Тебе здесь понравилось?

Пилот не повышает голос. Ему не надо никому и ничего доказывать.

– Мне нужна моя коляска или носилки.

Мужчина заговорил тихо, все молчали.

– Этот самолет принадлежит итальянской авиакомпании и подчиняется законам Италии. Требования пассажира не являются чрезмерными.

Он развернулся и ушел в кабину пилотов.

В самолет зашла Аня. Она подошла мою коляску к трапу.

– Все в порядке, я подошла коляску к трапу и опустила спинку. Пилот помог. Все это время он спорил с испанскими полицейскими.

Милые испанские мальчики аккуратно вынесли меня из самолета, положили на коляску. Я пощелкал переключателями, медленно поднял спинку коляски. Все было в порядке. Двое испанских полицейских сторожили мою коляску.

Женщина с ключами сообщила полицейским, что моя мама – святая, а моя сестра – ангел, просто ангел.

– Я провожу тебя до выхода. Пойдешь со мной?

– Конечно.

Женщина быстро пошла к зданию аэропорта, она почти бежала. Я следовал за ней. Мы зашли в лифт, женщина нажала на кнопку. Я понимал, почему она так спешила к лифту. Лифты не прослушивались. Лифты не прослушивались ни в ее, ни в моей стране.

– Ты на меня сердишься?

– Нет.

– Знаешь, когда ты заговорил про прессу, мне показалось, что ты очень похож на Рубена Гальего. Ты будешь на меня жаловаться?

– Послушай, – я глядел ей в лицо и улыбался, – меня зовут Рубен, и я не буду на тебя жаловаться.

Можно пару вопросов?

– Спрашивай.

– Сколько платят мальчикам?

– Шестьсот евро.

– А тебе?

– Восемьсот.

– Дети есть?

– Трое.

Лифт останавливается. Я ищу взглядом Аурору с Аней, жму до упора джойстик коляски. Я не оглядываюсь, я знаю. Женщина хочет сама увидеть, как я проезжаю мимо стойки администрации аэропорта. Она не поверила мне на слово. Она никому не верит.

ГРАЖДАНСТВО

Я в Испании. Испания красивая страна. Мои книги переведены на несколько языков. Моя мама испанка. Все нормально, все должно быть нормально. Если мама испанка – я тоже испанец. Это понятно любому.

Человеку, который приехал в другую страну, нужен юрист.

– Рубен, – говорит мне юрист, – у тебя проблема. Ты родился в 1968 году, а до 1974-го дети матери-испанки не признавались испанцами.

– Дикость какая-то. Чем отцы лучше матерей? Я понимаю, что пару веков назад повсюду признавалось только наследство по отцу, но мы в XXI веке.

– Ты не знаешь историю Испании, – говорит мне юрист. – Не у всех народов Испании гражданство передавалось по отцовской линии, далеко не у всех.

Что поделаешь, я, может быть, не очень сильно знаю историю именно Испании. Но я знаю историю. Это правда. Я хорошо знаю историю. Не у всех народов национальность передавалась по отцу. Далеко не у всех.

* * *

Время шло. Моя книга переводилась на многие языки мира. Больше всего мне повезло в Норве-

гии. Теоретически я мог обратиться к королю Норвегии с просьбой о помощи. Короли – добрые люди, они же знают и любят друг друга. Что стоило королю Норвегии попросить короля Испании даровать мне испанское гражданство?

* * *

Не хочу описывать жизнь нелегального эмигранта в стране с самой совершенной в мире конституцией. Мне бы очень хотелось рассказать читателю, как самые храбрые в мире испанские полицейские выслеживали меня днем и ночью. Я охотно рассказал бы, как полицейские искали меня, но не могли найти. Я написал бы длинную историю со сценами погони и перестрелками. Конечно, даже в этой, придуманной и красивой, истории я не смог бы выстрелить в человека. Пули полицейских летели бы мне в спину, но не могли смертельно ранить меня. Пастухи в горах прятали бы меня, рыбаки не выдали бы меня даже за самое крупное вознаграждение. Ведь даже в воображаемом мире все, что я мог бы предложить полицейским, – это вызов на честный бой. Я охотно надел бы себе на голову бритвенный тазик, забрался бы на своего верного Росинанта, чтобы наши копыя решили, достоин ли я гражданства великой Испании.

Реальность оказалась проще и печальнее. Не полицейские решали, кому жить, а кому умереть. Не полицейские хотели от меня избавиться. Вызывать на честный бой политика, любого политика, бессмысленно.

Я, конечно, прятался. Прятался, как мог. Я прятался, давая интервью даже самым маленьким газетам Испании. Я прятался в радиопередачах. Я прятался на телевидении. Ведь трудно, очень трудно избавиться от человека, если этого человека показывают по телевизору.

* * *

Когда я начинал писать свою первую книгу, то решил, по возможности, не писать о грустном. Радостные вещи труднее заметить, чем грустные, но я стараюсь.

Чудо. Произошло чудо. Я так и не научился ни стрелять, ни ходить на лыжах, но Его Величество король Испании Хуан Карлос Первый пожаловал мне испанское гражданство.

По закону я должен был присягнуть на верность королю и конституции в торжественном зале перед флагом Испании. Торжественный зал был на втором этаже, моя коляска туда не попадала. Пришлось присягать в небольшом коридоре перед автоматом по продаже кока-колы.

Я искренне, совершенно искренне, поклялся не свергать испанское правительство.

Все было замечательно. Только одна мысль тревожит меня. Автомат по продаже кока-колы был неисправен. Действует ли клятва на верность испанской короне, произнесенная перед недействующим американским автоматом?

Не уверен, но и спросить некого. Лично для себя я решил не свергать испанское правительство. Так, на всякий случай.

СДЕЛКА

Немец. Мужчина лет сорока. Мимолетная встреча, откровенный разговор с человеком, которого больше никогда не увидишь. Мы с Аней вышли погулять и, может быть, выпить кофе. Мы должны встретиться с Аниным знакомым. Аня представляет нас друг другу.

– Ты писатель?

Теперь многие люди будут начинать разговор со мной с этой фразы.

– Писатель.

Он смотрит в сторону Ани.

– Он хороший писатель? – спрашивает он Аню.

– Русские дали ему премию.

Немец уважительно кивает. Если писатель русский, то это хороший писатель.

– Я могу пригласить вас на обед? Я плачу.

Аня расстроена. Но я ничего не могу поделать. В конце концов, Аня красивая девушка с нормальными ногами, а я всего лишь инвалид в электрической коляске. Аня кивает мне, Аня согласна переводить.

– Разумеется, платите вы. Я артист. И учтите, я буду выбирать только дорогие блюда. Вы восточный немец?

Немец улыбается. Он на самом деле восточный немец. Мы идем по улице, заходим в дорогой итальянский ресторан.

– Вы разоритесь.

– Не разорюсь, я много зарабатываю.

– А как же пенсионный план?

– У меня хороший пенсионный план, но я понял, о чем вы. Нет. Я буду жить здесь и сейчас. Плевать на «усиленные» и «особые» пенсионные планы. Дополнительная комната в доме престарелых, два цветных телевизора и еще одно фруктовое желе в течение дня. Нет. Спасибо, не надо. Вы любите стейки?

– Не очень. Я предпочитаю порезанное на кусочки мясо с соусами и овощами.

Немец почти счастлив. Он заказывает гуляш. К сожалению, в итальянском ресторане не подают гуляш.

Я улыбаюсь. Взглядом прошу официанта подойти ко мне. Я писатель. Моя профессия – соединять людей.

– У вас нет гуляша?

– К сожалению. Но у нас обширное меню. Пожалуйста, выберите все, что пожелаете. Наш шеф сегодня в ударе.

– Что вы скажете на то, что борщ вкуснее минestrоне?

– Я скажу, что это не так. Понимаете, есть некоторые отличия в процессе приготовления...

– Что вы скажете, если я предположу, что хорошо приготовленный борщ настолько же передает оттенки вкуса, как и хорошо приготовленный минестроне?

– Но синьор... – парень настоящий итальянец.

– Я русский.

– Тогда я, разумеется, признаю свою ошибку. Хорошо приготовленный борщ настолько же хорош, а иногда даже лучше минестроне. Вынужден признаться, что никогда не ел хорошо приготовленного борща.

– Вы настоящий итальянец. У вас в меню есть тушеное мясо?

– Есть. Несколько видов тушеного мяса. Возьмите меню.

– Я никогда не читаю меню. Предпочитаю живое общение.

– Синьор, вы когда-нибудь были в Италии?

– Я очень знаменит в Италии. Итак. Два минестроне, две порции антипасты и две порции тушеного мяса. Только выберите то блюдо, в котором больше мяса. Шеф читал мою книгу, он поймет. Красное вино на выбор шефа. Дама сделает заказ сама.

Аня включается в игру. Она всего лишь подружка знаменитости. Аня делает дорогой заказ. Они с официантом обсуждают виды лобстеров.

Мой собеседник быстро съедает антипасты. Он не спеша ест минестроне. Внезапно его

лицо грустнеет. Я понимаю, что он сейчас заплачет.

– Это не борщ, – говорит он, – это щи.

Я молчу. Это моя профессия – молчать. Молчать и слушать.

– Мы прожили три года. Ровно три года, день в день.

Немец смотрит на меня, я киваю и улыбаюсь. Он резко выдыхает, делает большой глоток из своего бокала и начинает говорить. Говорит он медленно, но его живое лицо внезапно делается то радостным, то грустным. Я напоминаю себе, что обязательно спрошу, не покидал ли он Германию на несколько лет? У него слишком свободная и точная для немца мимика.

«Мы прожили три года. День в день. А потом она ушла. Ушла внезапно, ушла так же быстро, как и появилась. Я объявлял розыск, мне говорили, что она наверняка уехала. Вернулась в Румынию. Оказалось, что все эти три года она откладывала деньги. Все эти три года ее ждал друг. Она сэкономила на вещах, но мы были хорошо одеты. Она сэкономила на уборщице, а мы могли позволить себе нанять уборщицу, но дом был безукоризненно чист. Она сэкономила на еде, но... – Он плакал, я ждал. – Простите, я вспомнил гуляш. Гуляш был очень вкусным, но дело не в этом. Вечером я приходил домой, на столе стояли тарелки, укутанные горячими полотенцами. Она зажигала свечи,

много свечей. В этот вечер мы не пользовались электричеством. А еще в этот вечер на тарелках, укутанных горячими полотенцами, был именно гуляш. Когда я приносил работу на дом, мне некогда было работать. Она сказала, что если я откажусь брать работу на дом, меня повысят. Она заставила меня носить золотые запонки. Она выбирала мне галстуки. Я не хотел, я говорил, что в Германии не надо показывать запонки и галстуки, что все это работает только в Румынии. А она не слушала меня, просто одевала, и все. Я не спорил, я никогда не спорил. Меня повысили, потом опять повысили. Я все больше и больше отдавал себя работе. Я много работал, но никогда не брал работу на дом, никогда не оставался вечером после пяти. Я никогда не работал по субботам и воскресеньям. Меня стали уважать. Вы видите меня сейчас, но до встречи с ней я выглядел скупым и глупым. Я работал не хуже прочих, я старался как мог, но люди вокруг не замечали меня. А она... – Он молча ел мясное рагу, сосредоточенно жевал, думал. – Она ждала меня дома. А потом. Потом, если она зажигала свечи, мы ели рагу. А наутро я был совершенно другим человеком. Я был счастлив. Меня повышали и повышали, я не считал деньги, я просто тратил. Вы не поверите, но я, немец, не считал деньги, совсем не считал.

А потом она ушла. Она ушла, а я плакал. Все, чего я хотел, все, о чем мечтал, – вернуть ее.

Прошло два года. Меня вызвали в полицию. Нам устроили очную ставку. Меня попросили опознать свои вещи. Я опознал только пару рубашек. Они не знали. Они не знали, что она старательно переписала на диск все мои файлы. Мне совсем не трудно было купить новый компьютер. “Вы – наш главный свидетель. Пожалуйста, распишитесь здесь и здесь”. Я не стал расписываться. “Но вы ее искали”. – “Искал”. – “Но она вас обокрала”. – “Нет. Никто меня не обкрадывал”. – “Получается, что вы сами посылали почти половину ваших доходов в Румынию?” – “Конечно, сам. У нее болела мама, потом младших сестер надо было отправить в Англию хотя бы на пару месяцев. Я не понимаю вас, господин офицер. Что надо сделать, чтобы снять с нее наручники?” – “Найти поручителя, который внесет залог”.

Я вел ее за руку. Она пыталась что-то объяснить, но я постарался сыграть надменного немца. Я выписал ей чек. Я оплатил ей дорогу домой и подарил на прощание пару тысяч евро».

Мы допивали вино.

- Хорошая история? – спросил меня немец.
- Красивая.
- И я не удивил вас?
- Нет, конечно.
- Но немцы не понимают меня.
- Я не немец. Но у них лучшие планы на пенсию, чем у вас.

– Мой пенсионный план лучше. Я уеду в Румынию.

– Вы надеетесь найти ту самую румынку?

– Нет. Во всяком случае, только не ее. Кого угодно, только не ее. Я хочу сидеть за столиком уличного ресторана. Просто сидеть. Просто смотреть, как играют дети, не соблюдающие строгих правил гигиены. Просто смотреть, как заходит солнце. И обязательно работать. Я хочу работать до самой смерти. Но ни в коем случае не перерабатывать. И никогда не работать в субботу и воскресенье.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Соединенные Штаты Америки. Есть такое государство в Северной Америке. Оно по-разному называлось, это государство, но сейчас оно называется так.

Совсем недавно, может быть, три сотни лет назад там не было никакого государства. Люди жили, да. Но государства не было. Как во всяком молодом государстве, все вокруг новое, все вокруг кое-как собрано, все вокруг объединены – каждый своей легендой, каждый в своей коробочке, но все вместе – гимном, флагом и яблочным пирогом. Фаршированная индейка размером с гуся, гусь размером со свинью, и свиньи... Там такие свиньи! Если б вы знали, какие там свиньи... Свиньи размером с корову. Там такие большие свиньи, что даже страшно представить, какие там коровы.

Самые большие в мире дома, самые большие в мире самолеты, самый большой мост и самые большие водопады. Страна всего самого большого и самого прекрасного. Страна сказок. Страна Оз. Страна мечты. Страна суровой реальности.

Люди. Какие там люди! Люди в Соединенных Штатах Америки разные. Никогда и нигде в своей жизни я не видел так много разных людей сразу.

Соединенные Штаты Америки не встретили меня ничем, не дали мне ничего: ни хорошего, ни

плохого. Чужая, холодная страна. Соединенные Штаты Америки – великая страна. Это великая страна для молодых и трудолюбивых, я оказался недостойным этого величия. По американским меркам я ни молодой, ни сильный. Мне нечего было дать Америке. Америка не была обязана ничего давать мне.

Соединенные Штаты Америки – теплая и гостеприимная страна. Но я оказался недостойн ни ее теплоты, ни, тем более, величия.

Соединенные Штаты Америки – страна для сильных и умных. Но я оказался не очень сильным и не очень умным.

Соединенные Штаты Америки не отказывают никому в праве на существование. Каждый вновь прибывший имеет полное право мыть тарелки в ночных клубах. Каждый американец имеет право стричь газоны. Каждый имеет право, но я – не каждый. Я слишком ленив и слаб для работы на стройке. Я не могу мыть посуду в ресторане.

В законах Соединенных Штатов Америки наверняка сказано очень много про защиту прав инвалидов. Но я был не просто инвалид. Я был женатый инвалид. Согласен, женатые инвалиды уже не инвалиды. Женатому инвалиду уже не нужна помощь.

Женатый инвалид имеет полное право вставить в рот дуло пистолета. Женатому инвалиду не нужно притворяться, унижаться и просить.

Если жена настоящая, она сможет уйти с мужем в Валгаллу.

Большая привилегия. Можно сказать, сказка для избранных. Лишь бы руки слушались, лишь бы была возможность поднести дуло ко рту.

Мне не повезло. Моя жена оказалась ненастоящей. Рина пожалела для меня предпоследнего патрона.

Я ее не осуждаю – каждый имеет право на жизнь. Но счета есть счета. Счета надо оплачивать в любом случае. Не можешь оплатить счета – потрудись убить всех, кто от тебя зависит, и уйти сам. Уйти достойно, как и полагается уходить, если не можешь оплатить счета. Уйти без детского лепета о всеобщем равенстве.

У нас родилась дочка. У нас родилась неправильная дочка. Что ж. На всякую задачу есть одно решение: плати. Зарплаты высокопоставленного чиновника не хватило даже на оплату двухмесячной помощи для Софии.

США – великая страна. Я не шучу, я абсолютно серьезен. Во всем цивилизованном мире женатый инвалид не имеет права на социальную помощь.

Что ж. Я прожил долгую, а по русским меркам, очень долгую жизнь. Я написал книги и статьи, которые будут читать не одно десятилетие. Пора в путь. Я ехал умирать. Мне надоело умирать, но умирать было надо.

Я думал, что одинокой женщине с больным ребенком не дадут пропасть. Я знал, что в Израиле нормально относятся к аутизму.

Я не умер. У меня самая лучшая дочка на свете. Я женат, но моя женитьба абсолютно не влияет на мой социальный статус. Я женат, но никто в этой прекрасной и великой стране не подумает лишить Софию права на образование на основании того, что ее папа передвигается в электрической коляске. И да, я знаю, что повторяюсь. Но я не стесняюсь повторять правду. София, моя маленькая и неизлечимая София, придумала свой способ здороваться со мной: она касается ладонью моей руки. София сама решила, что ей делать, когда что-то в мире неправильно и трудно. Она подходит ко мне, утыкается своей головой в мое левое плечо. Я обнимаю Софию, и нам не надо ничего никому объяснять.

До свидания, США, здравствуй, Израиль.

Шестнадцать лет. Шестнадцать лет я не живу в России. Странно, никогда не испытывал ностальгии. Может быть, ностальгия существует на самом деле, может быть, ее назвали болезнью эмигранты в моменты душевного кризиса бессилия и отчаяния. Не знаю. Оступаясь и падая, снова и снова переживая очередной удар судьбы, я ни разу не тосковал по стране исхода. Ни разу.

Ты пришла внезапно. Пришла, как приходили те, другие. Люди приходят и уходят, у каждого своя боль и своя, ни на что не похожая, невыносимая ноша. Мы немного поговорили. Говорили ни о чем, вернее, я говорил о ерунде. Я говорил и говорил, я пытался заполнить паузы нашего взаимного молчания.

Девочка в тебе не плакала. Она привыкла не плакать при чужих. Девочка тихо сидела на стуле, бесшумно пытаясь протолкнуть в себя маленькие глотки горячего чая. Девочка держалась, пытаясь скрыть от собеседников страшную боль, спрятать глубоко внутри очень сильное желание закрыться, уйти, затаиться, обменять вынужденную вежливость человеческого ханжества на десять минут без боли. Всего на десять минут. Она решительно отказывалась принимать от

судьбы компромиссное решение, да и, говоря точно и справедливо, не было у природы ни радикальных, ни компромиссных решений. Была лишь боль. Постоянная, невыносимая боль. Боль и диагноз, о котором не принято говорить. Боль и жажда жизни маленькой девочки.

Но ни боль, ни диагноз не помешали нам поговорить в тот вечер. Мы говорили о книгах. «Красный смех» и «Степной волк». Твои любимые книги; мои любимые книги. Названия книг стали для нас паролем. Названия книг были паролем в России, которую я покинул. Названия книг остались паролем в России, которую ты покинула.

Шестнадцать лет я не был в России. Шестнадцать лет – это даже не четверть века.

Интернет, газеты, телевизионные передачи – бессмысленный поток информации. Кто в огромной стране будет искать информацию в «свежих» газетах либо газетах двадцатилетней давности? Только в книгах.

Мало кто, увидев меня однажды, рискнет прийти еще раз. Ты пришла. У тебя была своя ностальгия.

* * *

Происходящее было похоже на шиву. Самая любимая квартира на Горького в один миг стала чужой, но*

* Шива́ (*ивр.*) – семь дней траура после похорон.

на протяжении семи дней приходили друзья: попить чаю, попрощаться и забрать вещи, которые мы не стали увозить с собой.

Люди выходили из нашей квартиры с полными мешками и коробками. Мне здорово помогала бабушка – профессионал в области компактного складывания вещей, чемпион по «тетрису». Она сказала мне тогда очень важные слова: «Ты уезжаешь в хорошее время. Ты уезжаешь, будучи счастливой здесь, и каждый раз, когда ты будешь приезжать сюда, тебе будет двадцать четыре».

Каждый день приходили гости, было много разговоров о том, как они будут приезжать в наш светлый терем с балконом на море. Меня предупредили, что и треть таких обещаний не станет реальностью. Но в тот момент это было совершенно искренне: они правда хотели приезжать, а мы совершенно искренне их ждали.

Мы с самого начала понимали, что рано или поздно мы уедем. Мы из тех евреев-патриотов, которые хотят, чтобы в Израиле собрались все евреи – желание на уровне *obsessive compulsive*.

А еще была болезнь, которая толкнула нас на алию на полгода раньше. Та самая, о которой все знали и молчали, а некоторые попросту старались не замечать. Так проще и честнее, потому что помочь невозможно.

Стыдно быть больной, когда у тебя есть руки и ноги, а тебе нет и тридцати. Многие из тех, кто

оставался у нас ночевать, видели мои приступы. Видели беспомощного Мишу, который бежал ночью в дежурную аптеку и возвращался с виноватым лицом: только баралгин в ампулах. Слышали треск разрывающейся ночной рубашки. Наблюдали меня, такую сильную обычно, ползущей по полу с воем: «Когда все это кончится?»

К сожалению, все хорошее, что было там, будет иметь этот горький жгучий привкус. Все самые радостные события протекали на фоне боли и ожидания неизбежного нового приступа, перед которым я была ничтожно бессильна.

Я любила нашу квартиру на Горького.

Там было место для всех и для всего. Там толпами ночевали наши друзья.

В долгие дни приступов я пыталась накачаться всем до состояния щей. Так мы говорили. Я мечтательно представляла себя сельдью, из которой тонким ножом вынимают все внутренности. И в трезвом состоянии я игриво смотрела на нож.

Мой любимый врач испробовал на мне все, что было в России. В какой-то момент он пригласил моего мужа на прием и за закрытой дверью сказал ему: «Немедленно в Израиль».

После получения визы репатрианта я пришла к нему прощаться, а он испугался: «Ты все еще здесь?» Но я успокоила его, показав вклеенную визу, и мы попрощались. Если бы не он, до Израиля я бы не доехала.

В Израиле после череды исследований меня отправили в клинику боли – вместе с Рубеном. Я получила препараты и начала пить их по схеме.

В тот день, когда приступ не вернулся, а боль была снята процентов на 70, со мной случилась истерика. Я рыдала, упав на землю. Я поняла, что «небо становится ближе с каждым днем».*

* Здесь и далее курсивом выделены отрывки из дневника Полины Таль Мельцер.

Израиль. Больница. Больницы бывают разные. Больницы, даже очень плохие или очень хорошие, никогда не приспособлены к жизни инвалида. Казалось бы, парадокс, ведь где как не в больнице профессионалы понимают суть задач и огорчений парализованного человека. В реальности все проще. Парализованного надо переворачивать каждые два часа. Но кто будет это делать? В любой, даже самой хорошей, больнице не хватает медсестер. В каждой больнице просто невозможно выделить на одного больного одну медсестру. Распорядок, жизнь или смерть. Часы пошли.

* * *

Это было в аптеке*. Человек кричал. Человек кричал громко. Человек пришел в аптеку пожаловаться, что его не вызвали на четвертую химиотерапию. Ему несколько раз звонили на дом, причем разговаривали на русском языке. Ему прислали официальную напоминалку по почте.

* В Израиле онкобольной сначала приносит в аптеку направление на тип химиотерапии, а когда нужный ему препарат приходит, ему высылают приглашение на курс.

– Хорошо, вы писали мне и звонили, но почему первые звонки и письма были на иврите?

Я смотрел на его волосы и ногти. Слегка поседевшие волосы. Я смотрел на него и радовался, как радуюсь каждому успеху пожилого человека. Я знал о болезни, о которой не говорят, почти все. Аурора продержалась перед последней ремиссией восемь лет, и все эти годы мы изо дня в день боялись возврата болезни.

Мужчина громко кричал, а предельно корректные работники успокоили его. Ему выписали направление на русском языке. Всё. Победа! Он шел на четвертый сеанс химиотерапии, крепко держа в руке направление на русском языке. Шел с уверенностью в своей правоте. Он шел, а я вспоминал Аурору. Он шел на правильный сеанс химиотерапии, ведь волосы на голове несильно поредели. Он шел в правильное время и с правильным, боевым настроением. Он шел, а работники аптеки радовались за него. Они знали, что очень часто исход химиотерапии зависит от настроения и уверенности пациента.

Кричи, мужчина, кричи. Кричи громко, во всю силу не задетыми болезнью легкими. Кричи, не боясь напрячь свой почти здоровый организм. Кричи, и я буду так же радостно слушать твой голос, как слушают тебя в аптеке, как будут слушать тебя в больнице.

Меня зовут в операционную и дают надеть тебе ту-самую-шапочку. Я все понимаю и на согнутых ногах, пытаюсь улыбаться, иду к тебе. Ты улыбаешься мне в ответ и говоришь, что все будет хорошо. Я надеваю тебе шапочку, аккуратно убирая волосы со лба, стараясь скрыть дрожь в руках и голосе. Не плакать. Сейчас нельзя.

Я выхожу в коридор, двери операционной закрываются. Я стою, прилипнув к мутному стеклу, и ничего сквозь него не вижу. И не увидела бы: стена слез закрывала все. Нос перестал дышать, и я зажала ладонью рот, чтобы мой вой отчаяния не вырвался наружу. Я давилась своими слезами и внутренним криком.

Сзади подошла медсестра, помогла принять успокоительное и пройти в зал ожидания.

Я проехала на твоей коляске бессчетное количество кругов. Это были самые долгие часы в моей жизни.

Ночь в больнице. Твое кресло разложено на 180 градусов – мне не нужна отдельная кровать. Из бреда твоих галлюцинаций я вычленяю знаковые фразы и делаю, что надо: мочу губы, переворачиваю, накрываю, раскрываю.

Когда тебя затягивает глубокий сон, я иду к автомату с шоколадом и колкой. Быстро, не тошно, калорийно. Мне нужно быть сильной.

Спускаюсь вниз, выхожу на улицу покурить.

А там, в полумраке ночных фонарей, много таких огоньков с шоколадом и колкой. Я улыбаюсь.

Курю. Иду обратно.

Ты проспнешь часа три. Я тоже. Я не знаю, что будет завтра. Сегодня – ты живой.

* * *

Я попал в больницу не случайно. Мой срок подошел. Я выжал из своего организма на семь лет больше, чем предрекал мне испанский хирург. Анестезиолог был мужчиной. Я не разбираюсь в мужской красоте. Меня обрадовал его испанский язык. Так получилось, что испанский язык – мой талисман на право оставаться в мире живых. Мы разговаривали по-испански. Меня немного мутило, кружилась голова, но врач не отпустил меня в мир грез и переживаний. «Поговори со мной еще немного», – попросил он по-испански. Я спросил его: «Откуда ты?» – «Из Колумбии», – ответил врач. Я честно досчитал до трех, и мир пропал для меня.

Полина откинула спинку моей коляски, постаралась хоть как-то устроиться поудобнее и делала вид, что спит. Я, потерявший ориентацию в мире между реальностью и снами, все время звал ее. Во сне я летал на звездолете, поднимался в горы и спускался в батискафе на морское дно. Но и в звездолете, и под водой я искал только Полину.

Сильные лекарства послали мой звездолет все дальше и дальше. На каждой промежуточной станции я встречал Полину.

– Не надо, не трогайте меня, – говорил я. – Полина сейчас придет, она не ушла, она только вышла покурить.

Еврейские врачи сделали чудо. Они всего лишь резали и сшивали что-то внутри меня. Долго резали и сшивали. Всего лишь чудо. Всего лишь операция с небольшими шансами на успех.

Еврейские врачи не спрашивали меня, хочу ли я жить. Глупый вопрос, ведь всякая жизнь бесценна. Я не очень сильный человек, я впал в отчаяние и засыпал. Во сне была Полина, я просыпался, – передо мною сидела Полина. Я помнил, что ответила мне Полина на простой вопрос: «Зачем?» Полина процитировала фразу из русского фильма: «Живут не для радости, а для совести».

Я хотел умереть. Полина не хотела меня отпустить. Полина читала мне вслух Фаулза. Я помнил, что сказала Полина однажды: «Ведь мы же не знаем, что там». В том, сумеречном состоянии больничной паники, когда я приходил в сознание и становился невыносимым пациентом, я знал, что увижу Полину. Я не мог, я не имел права на сомнение, потому что я не имел права думать о смерти. Я не имел права обнулить то, что написал для меня Фаулз. Я не имел права подводить их, Полину и Фаулза.

Через полгода после операции Полина дала мне полстакана апельсинового сока. Я не пил апельсиновый сок более пятнадцати лет. Маленькими глотками, не спеша, я пил из рук Полины самый вкусный в мире сок. Сок был на самом деле очень вкусный, но сам, без Полины, я не смог бы его выпить. Я бы побоялся.

Сейчас, когда мое тело починили как надо. Сейчас, когда мне честно отмерили новый срок жизни, я вполне могу планировать свои следующие пятьдесят лет. Почему бы и нет? Живут же люди до ста. Я не буду спорить, не стану никому ничего доказывать. Барзилай – лучшая в мире клиника лучшей в мире страны. Я же живой!

Очень редко во сне я хожу. Даже во сне я не знаю, как это делать правильно. Когда чешский мастер построил мою первую в жизни коляску, я стал во сне летать. Это не полет птицы. Я как бы скольжу над землей. Поначалу не удавалось разговаривать с человеком, идущим рядом. Возждение коляски требует полной концентрации.

Я знал, что ты придешь. Я знал, что мы будем разговаривать. Просто отвык. Элементарно отвык от нормального диалога вживую.

Мы шли рядом, я понимал далеко не все. Ты употребляла слова из умных книжек, а я просто радовался. Я давно не слышал этих слов. Только радовался, не переживая и не боясь. Лишь сейчас, да и то не до конца, я стараюсь убедить себя, утешить и поверить. В ту секунду нашего с тобой сна я просто не верил. Не верил себе, не верил в себя. И сейчас не верю.

* * *

Утро. Обычное утро. Просто утро. Люди рано встают на работу. Люди спешат по своим человеческим делам. Ты пришла. Мы сидим вдвоем. Просто сидим и разговариваем. Ты встаешь, чтобы дать мне стакан воды. Это всего лишь стакан

обычной воды. Ничего особенного. Ты почти подносишь стакан к моим губам.

Вдруг ты оседаешь. Ты сначала медленно опускаешься на одно колено, потом ложишься на пол. Как ни странно, стакан ты осторожно ставишь рядом с собой. Я знаю это ощущение безграничной боли, боли, от которой темнеет в глазах. Я понимаю твоё стремление сосредоточиться на стакане. В такой момент обязательно надо сосредоточиться на вещи или мысли. Можно использовать и простой стакан, но намного лучше бесстрашно схватиться за молитву или любую цитату из Книги.

Ты лежишь на спине. Я растерян, но стараюсь этого не показать.

– Итак, тебе повезло. Сегодня с тобой лучший тренер по скоростному ползанию на спине! Радостно, с улыбкой, согнули левую ногу – толчок. Согнули правую ногу – толчок.

Я прекрасно понимаю, что больше всего на свете тебе сейчас мешает мой голос. Тебе больно, очень больно. Но я также знаю, что если тебя срочно не обезболить, будет хуже, намного хуже. Я честно стараюсь не думать об этом «хуже».

– Итак, финишная прямая. Я знаю, что ты сейчас не очень хорошо видишь. Подними руку. У стола три ящика. В среднем ящике – пакет. Хорошо, очень хорошо.

Я называю лекарства, хотя прекрасно знаю, что в лекарствах ты разбираешься гораздо лучше

меня. Я перестраховываюсь. Ты подносишь пакет с лекарствами к лицу, выбираешь нужное. Ты плохо видишь, но все-таки видишь. Это хорошо. Ты запомнила место, где оставила стакан с водой. Это тоже хорошо.

Через полчаса мы сидим на кухне и пьем чай. Все прошло, ничего не было. Все хорошо.

* * *

Длинная аллея с серебряной травой. По обеим сторонам нашей дороги деревья, приглушающие лунный свет. Мы идем к реке в особенное место.

Оно похоже на ракушку. Мы раздеваемся и ныряем в темную воду. Вода теплая, как и сама августовская ночь. Мы выходим из воды, и ты просишь посмотреть наверх: я вижу круглую ясную луну. Маленькая и немного игрушечная, она делает всю картину законченной. Луна – это маленькая жемчужина этой уютной раковины.

Мы укутываемся в полотенца, но не чувствуем никакого озноба. В обоих телах ураган эйфории. Мы молоды и красивы. Я вижу, как в лунном свете блестят капли на твоих волосах.

Ты увлеченно рассказываешь мне про психофонию. Ты всегда с таким радостным волнением делился любым новым знанием, а я благодарно глотала этот необыкновенный энергетический поток. И всегда любила ответить тем же, подарить тебе что-то новое. В воз-

духе можно было услышать электричество, исходящее от этого обмена, и пропустить его через себя, ощущая ту эйфорию в солнечном сплетении, которую впоследствии я искала в разных местах и наркотиках, но так и не нашла.

Я помню себя в тот день. Два белых хвостика на голове, белая майка, контрастирующая с летним загаром, золотые серьги в виде рыб, длинная цыганская юбка с бубенцами и круглые очки – каждая деталь занимала свое место на моем худосочном теле, которому все доставляло удовольствие. Я была счастлива.

И это счастье было безусловным. Не имеющим ничего общего с тем, что можно измерить или с чем-то сравнить.

В эту ночь, когда в твоём доме все уснули, я сидела на деревянной лестнице и записывала на ленту своей кардиограммы каждую секунду этого вечера. Я улыбалась во все глаза.

ОГУРЦЫ

Ты нарезаешь огурцы. Я смотрю, как нож уверенно прицеливается для очередного надреза. Я понимаю все. Это метастазы. Если болезнь, о которой не принято говорить, начинает влиять на глаза, то это все. Это не только быстрая и неотвратимая слепота. Это смерть. Что может быть хуже смерти? Хуже смерти может быть только долгая и мучительная агония. Я боюсь. Я недавно познакомился с тобой, я еще очень мало тебя знаю. Мне страшно. Мы только-только встретились, а тебе уже пора уходить. Уходить в вечность. Болезни и твоей быстрой смерти не избежать. Ты, такая молодая и красивая, должна умереть. Я уверен, что к тебе уже тихо подходит смерть. Смерть придет не вовремя. Смерть всегда приходит не вовремя.

Я предлагаю тебе обратиться к окулисту. Я говорю, что тебе нужны новые очки. Ты не сразу соглашаешься. Ты не любишь врачей. У тебя модные и красивые очки. Я предлагаю снова и снова.

Мы идем к врачу. Ты выбираешь самые красивые оправы. Там, в далекой северной стране, тебе выписали очки, в которых нельзя было жить. Эти очки, как осколки кривого зеркала, искажали твой мир. Я хвалю новые оправы. Я снова и снова хвалю очки, сделанные в Израиле.

Ты режешь огурец. Ровные кольца нарезанного огурца аккуратно украшают разделочную доску. Я радуюсь. Я говорю тебе, что очень люблю огурцы.

Ты режешь огурцы ровными кольцами. Это всего лишь отсрочка. Это только шаг на пути. Это огурцы, всего лишь огурцы.

Мы используем слишком много слов. Слишком много. Очень много. Чем чаще мы используем слово, тем бессмысленнее оно становится. Что означает выражение «у меня хорошие часы»? Не знаю, никто не знает. Часы они и есть часы. Часы показывают время, и это все. Если у человека есть часы, то у него просто есть часы. Часы измеряют время. Знать время очень важно.

С прилагательными еще хуже. Что означает слово «белый»? Для чего оно? Белый, белее, еще белее. Я понимаю, что это всего лишь реклама стирального порошка, но абсолютно теряюсь, когда слышу, что только сейчас и только в этом месте можно найти что-то белое. Можно пойти в магазин, купить тот же самый порошок, что и двадцать лет назад, и быть абсолютно точно уверенным, что на этот раз простыни станут белее, чем вчера. Получается, что год назад белые рубашки не были такими белыми, цвета радуги сливались в белый цвет, не настолько белый, как миллионы лет назад. Мы привыкли. Нас слишком долго убеждали, и мы сломались, поддались и соглашаемся с тем, что нам говорят. Белый цвет в этом году стал еще белее. Деревянная мебель стала более деревянной, а в моей металлической кастрюле стало больше металла.

Слов много, слишком много. Мне не нужно так много слов. Не нужен хаос бессмысленных слов и выражений. Белый значит белый, деревянный значит деревянный, а «я» значит «я». Я хочу, очень хочу, разобраться в подлинном смысле простых слов.

Что означает слово «хороший»? Точного определения не даст никто. Точное определение не нужно этому простому слову. Хороший значит хороший. Разумеется, для каждого человека понятия «хороший снег», «хорошие часы» или «хорошая кастрюлька» будут своими. И это хорошо.

Маленький солдатик с автоматом в руке, в одежде, предписанной ему уставом. Вокруг солдата пустыня, от дома его отделяют бесчисленные мили. Солдат просто стоит маленькой точкой в хаосе бесконечного, холодного мира. В этом холодном и жестоком мире люди убивают друг друга, не отвлекаясь на бессмысленный философский спор. Военная пропаганда не утруждает себя выбором эпитетов. Просто убивают, и все. Белое белье на войне совсем не белое – зачем притворяться?

Убийством пропитано безоблачное небо. Холодным расчетливым убийством дышит раскаленная пустыня. Автомат, созданный умными людьми для быстрого, эффективного уничтожения бесценного и безграничного дара: человеческой жизни. Эта картинка уже больше десяти лет

стоит фоном на экранах моих компьютеров. Компьютеры ломались, компьютерные программы давали сбой, но картинка останется у меня надолго, пока я живой. Я собираюсь жить долго и буду жить долго. Во всяком случае, израильский врач обещал мне долгую счастливую жизнь.

Она нашла меня во всемирной паутине. Она не знала, как жить дальше. Всего лишь солдатик, маленький солдатик, снова и снова идущий в бой, неспособный выжить в суровом потоке мирной гражданской жизни. В армии ее научили всему, чему обычно обучают солдат, идущих на смерть. Ее научили всему, что надо для смерти.

После того, как мы поженились, Рине пришлось учиться жить, а не выживать. Она прекрасно знала, что нужно для того, чтобы достойно лечь в деревянную коробку, покрытую звездно-полосатым флагом самой лучшей, самой передовой страны на планете. Ее учили убивать и умирать. Гражданская жизнь была холодной и далекой неизвестностью. Учили каждый день идти на смерть. Каждый день искать простой эффективный способ самоубийства.

Я не хотел вступать в брак. На тот момент я пережил два развода. Я наелся семейной жизнью по горло и понимал, что моя инвалидность несет лишь боль и страдания окружающим меня людям. Я не мог жениться, я не хотел больше приносить горе.

Мы часто и подолгу разговаривали по телефону. Слова ничего не значили, слова не имели смысла. «Хорошо, – сказал я, – а если у нас ничего не получится, что ты будешь делать, когда поймешь, что я – не то, что тебе нужно?» – «Подожди, Рубен, – сказала Рина, – мне надо посмотреть в календарь». Рина нашла календарь, в календаре были отмечены даты добровольного набора в горячие точки. «В Афганистан, – сказала Рина. – Если у нас ничего не получится, я поеду в Афганистан». Эта фраза не была ни патетической, ни кокетливой. В Афганистан так в Афганистан. В Афганистане могут убить, и нет ничего на свете лучше смерти за Родину.

Рина мечтала о флаге, о салютующих в воздух бывших коллегам, она мечтала о красивой церемонии похорон. Она мечтала, а я знал, что есть вещи страшнее смерти. В конце концов, мы все смертны, но не всем выпадает горькое несчастье серьезного ранения, случайного осколка или неслучайной пули. Потерять ноги не беда, без ног можно жить. Но бывают ранения и похуже.

Мечтать о смерти нормально. Многие солдаты мечтают о смерти. Храбрые солдаты каждую секунду жизни готовы отдать своей профессии. Солдаты могут говорить о чем угодно, но никто не хочет вернуться домой, например, полностью парализованным или слепым.

О ветеранах и инвалидах в Америке пишут книги, снимают кино, но во всех этих книгах и в каждом фильме воспевается победа и храбрость, готовность к смерти и верность присяге. Но даже инвалидам в голливудских фильмах оставляют способность шевелить руками. Или хотя бы одной рукой.

Мы вместе. Мы неплохо живем. У меня есть жена. У меня хорошая жена.

* * *

Когда приходишь к Рине в гости в первый раз, она обязательно покажет свой дембельский альбом и каску, сопроводив все размеренным, но не лишенным юмора, рассказом о курсе молодого бойца, об особенностях американской армии, о подробностях иракской кампании и – скромно – о себе. Рина не знает, что она очень скромная и что ее скромность – ее настоящее очарование.

Не та скромность, которую она критикует на страницах соцсетей, а истинная, врожденная, не временная никем и абсолютно органичная.

Рина будет рассказывать детально. Она уверена, что детали и факты интересны. Я тоже.

Я более чем уверена, ведь человек – это не только тот собеседник, которого ты видишь в данный момент времени, но и вся череда событий из его жизни, предшествующая вашей встрече.

Мой папа тоже был таким гостем у Рины. Они веселились, примеряли американскую форму, смотрели фотографии. Папа с интересом задавал вопросы, а Рина живо и интересно отвечала.

«Солдат – он и в Африке солдат», – задумчиво сказал папа, выпуская клубы дыма.

Значит, нет и не было никакой войны между ними. Ни холодной, ни горячей. И я совсем не хочу сказать, что они были просто пешками идеологических войн на карте мира, нет.

Да, каждый из них в прошлом – солдат, присягнувший защищать свою страну и выполняющий приказ, но этот солдат был и есть личность в первую очередь. Личность со своим добрым взглядом на мир, который не вышибла кирзой ни война, ни политинформация.

И сейчас они смотрят фотографии и пьют чай. А те, «кто все так придумал» в прошлом, могут теперь с недоумением смотреть на них с неба. Или не смотреть. Это как раз неважно.

Важно то, что они были вместе каждую секунду: на построении, на КМБ, в брезентовой палатке, – и плевать, что это было в разных странах, на разных континентах и в разное время.*

И сейчас они смеются вместе, а мы смотрим на них и радуемся. Логический круг побеждающей все что угодно человечности замкнулся, а точка отсчета продолжила свой бег по нему.

* Курс молодого бойца.

Девочка. Всего лишь девочка. На заставке моего компьютера навсегда останется картинка с девочкой. В руках девочка крепко держит автомат. Но чем поможет автомат посреди бескрайней пустыни? Автомат не заряжен, но и заряженный автомат бессилён против мины. В армии дети растут не так, как на гражданке. Армия – большая и дружная семья девочек и мальчиков. Армия забирает человека ребенком и вычеркивает из списка живых взрослыми детьми. Слова «армия» и «смерть» очень часто пишутся в одной строке. Это хорошо, когда в одной строке.

А иногда... Иногда война забирает человека по кусочкам. Я не говорю о легкой инвалидности. Отсутствие рук – легкая инвалидность. Отсутствие ног – легкая инвалидность. В случае легкой инвалидности армия честно платит по счетам. Если ранение привело к страшной, непоправимой утрате, армия старается помочь человеку. Армия играет честно, честно, насколько может. Потом. Потом, когда армия Соединенных Штатов Америки сделала все возможное и передала больного человека на попечение государственной машине Соединенных Штатов Америки, только потом начинается страшное и непоправимое. Бесплатные столовые работают кругло-

суточно, бесплатные лекарства раздают щедрой рукой, бесплатные ночлежки бесплатно лишают человека человеческого облика, а бесплатный суп лишь на пару мгновений абсолютно бесплатно согревает уже ничего не стоящего человека. Бесплатный снег абсолютно бесплатно покрывает солдата. Столько бесплатных вещей сразу в стране, где все оценивается долларами.

В огромной стране маленькому солдатику уже выделен личный участок земли на Арлингтонском кладбище. Бесплатно.

– Рубен, ты не жалеешь о том, что мы потеряли место на Арлингтонском кладбище?

– Нет, не жалею.

Меня можно разбудить ночью, спросить что угодно, – я отвечу на любой вопрос, решу каждую математическую задачу из учебника. Я помню все. В школе нас учили: «Вы должны ответить на любой вопрос из школьной программы, даже если вас разбудили посреди ночи». Нас хорошо учили. Хорошие школы с хорошими учителями в глухой провинции очень далеко от Москвы. Это хорошо, что далеко от Москвы.

Мы разговариваем по телефону. У Рины вечер, у меня ночь.

– Рубен, сегодня я чуть не сломала руку другу. Мы не виделись после армии. Я военная, а он гражданский. Друг решил слишком сильно пожать мне руку, я вывернула ему руку назад.

- Друг русский?
- Да.
- Подожди. Я знаю, что у русских так принято. Здоровый и сильный мужчина старается слишком сильно сжать руку женщине, чтобы она вскрикнула от боли и неожиданности.
- Да. Он хотел только пошутить, но нас учили молниеносно реагировать на неожиданности. Он стоял, согнувшийся от боли, а я извинялась.
- Ты не двинула его головой об стену?
- Нет, а зачем? Ему и так было очень больно.
- В отместку за других женщин.
- Я не подумала об этом.
- Тогда все нормально. В чем проблема?
- Рубен.
- Да.
- Дело не в нем, дело во мне. Это получилось автоматически. Как я буду жить на гражданке?
- Нормально будешь жить. Я не представляю себе американца, который так пошутит. А если в следующий раз кто-нибудь только попробует тебя коснуться, бей об стену.
- Ты ничего не понимаешь. Я не хотела и не хочу никого бить.
- Я все понимаю. Ты из армии, я из детдома. Знаешь, сколько наших попадало из детдома прямо в тюрьму? Иногда смешно получалось. Парня без руки посадили за превышение пределов необходимой обороны. Их было четверо, а он без

руки. Милиционеры смеялись, что нельзя наручники надеть. Инвалида приходилось пристегивать к руке милиционера. На безногого легко можно наручники надеть, но тогда пришлось бы его нести на руках.

– А мне что делать?

– Ничего. Просто живи. Только постарайся оставаться в живых целиком, в полном комплекте.

– Но ты понимаешь, что я не хвастаюсь?

– Понимаю. Я все понимаю. Забудь об этом. Это пройдет. Все пройдет, и ты все забудешь. Ты забудешь все.

* * *

Я еду в поезде Мюнхен – Йена. Смотрю в окно на красивые домики и высокие деревья и слушаю «Tous les matins du monde». Я жила здесь, когда была маленькая, ты жил здесь во взрослом возрасте и топил печь дровами. Не чужое это место.*

Я улыбаюсь. Я еду к папе и его семье. Особенно – к моему маленькому брату-герою. Знаешь, Рубен, вы с ним очень похожи. Эти невидимые нити связей, пронизывающие наш земной шарик, стали для меня гамаком надежды. Мы все справимся.

* «Все утра мира» – французский музыкальный кинофильм (1991).

Я люблю немецкие поезда. Люблю, как София, смотреть в окно и наблюдать, как реальность за ним переплетается с «фильмами» в моей голове и плетет объемный узор, который заставляет меня улыбаться во весь рот и во все глаза. Я тебе все расскажу, когда приеду, каждую деталь. А Софию возьму кататься на поезде, и мы посмотрим «кино» вместе и посмеемся.

Я шлю Рине картинки и короткие сообщения. Это так здорово – ехать к тем, по кому скучал, и скучать по тем, с кем ты живешь.

СЕМЬЯ. ПОДОБНЫЙ Б-ГУ

Мальчик в очках. Ничего особенного, всего лишь мальчик в очках. Нос горбинкой, легкая сутулость. Я встречал таких в России. Очень редко, но встречал. Редко. Слишком редко. Слава Б-гу Авраама и Иакова, в той стране, где я сейчас живу, таких мальчиков вполне достаточно. От подростков до зрелых мужчин. Зрелых мужчин, знающих себе цену. Настоящих мужчин.

Я – сирота. У меня по документам мало родственников. Да и что хорошего в родственниках, которых выбирал не сам. Что хорошего в родственниках, которых назначил Центральный Комитет Коммунистической партии Народов Испании? Где я и где этот Центральный Комитет?

Родиться сиротой – это здорово. К некоторым из нас в детдомах приезжали родственники. Вечно плачущие женщины, они старались за один день посещения накормить своего биологического родственника на триста шестьдесят пять, а по високосным годам и на триста шестьдесят шесть, дней вперед. Глупость, не имеющая смысла в детдоме. Лучше, намного лучше, потом, вечером, когда все родственники уедут, поделить все по-честному, поровну и спокойно поесть, никуда не торопясь, запивая привезенные сладости чаем из банки.

Так сложилось, я не выбирал. Так получилось, но во многих случаях некоторые детдомовские или интернатовские дети мне ближе по крови, чем кровные родственники Центральной Америки или Западной Европы.

А иногда люди выбирают, или за них выбирают, профессии, принадлежность к которым сама по себе – выбор родственников. Родственники – олимпийские чемпионы, родственники – военные, родственники – альпинисты или подводники. Таким родственникам ничего не надо объяснять, такие родственники не станут задавать глупые вопросы, требующие глупых ответов.

Мальчик, всего лишь мальчик в очках. Благополучный мальчик из благополучной семьи. Михаэль, подобный Б-гу. Вошел, окинул взглядом комнату. Я видел такие взгляды, нам не надо было обсуждать благополучные семьи или благополучные детские дома. Вошел в мою семью.

СЕМЬЯ. ДЕНИС

Я – сирота. Проще говоря, у меня нет родственников. С биологической точки зрения родственников у меня более чем достаточно. Полсотни родственников по материнской линии и сотня-другая по отцовской. Но это с биологической точки зрения. Если бы я был породистой собакой, то вполне вероятно, у меня обязательно были бы родственники. Но я не собака. Я могу выбирать себе родственников вполне самостоятельно.

В России Денис был скаутом, и не просто скаутом, а скаутским наставником. Скаут однажды – скаут навсегда.

Здесь, в Израиле, Денис воевал. Он никогда об этом не рассказывает. Вернее, он рассказывает о своей службе каждый раз по-новому. На службе он по большей части выпивал и посылал своих командиров подальше. Служба, по словам Дениса, – это сплошная череда развлечений и безделья. Денис говорит неправду и не собирается это скрывать. Если настоять, то Денис охотно расскажет о пустяковом ранении. Это абсолютная ерунда – его ранение. Совершенный пустяк. Если настоять, то можно угадать во взгляде Дениса то отрешенное внимание, которое я видел не однажды. Такие реакции на лицах я видел у ветеранов

Великой Отечественной войны. Не хочет говорить человек или не может – его право. Не надо лезть в душу, не надо настаивать. Захочет рассказать – расскажет.

Когда надо, когда надо обязательно, Денис случайно, совершенно не заботясь о правдоподобности, находит мне нужного врача и направление на срочную госпитализацию. Мы разные, абсолютно разные люди с Денисом. Мы спокойно дружим. Он знает, что я рядом, а я знаю, что он рядом. Это важно.

Денис стрижет Софию. Он спокоен, абсолютно спокоен. Михаэль и Полина держат извивающуюся Софию, а Денис абсолютно точными движениями на секунду, на полсекунды выбирает моменты касания машинки к волосам. Это трудно, это очень трудно – стричь Софию.

Мы живем рядом и нечасто встречаемся. Когда я первый раз купался в море – рядом был Денис. Когда я впервые плавал в джакузи – рядом был Денис. Когда я в первый раз нырнул, чтобы посмотреть на рыбок, – рядом был Денис.

Я родился на свет сиротой. Ну и что? Я могу выбрать себе членов семьи абсолютно самостоятельно.

КАРТОШКА

Американское кино – лучшее кино в мире. С этим никто не сможет спорить. США – большая, очень большая страна. От Техаса до Аляски, от океана до океана миллионы людей объединяет американское, общее для всех штатов, кино. Это очень удобно. Если хочешь понять американца, при должном старании и усердии всегда можно подобрать подходящее для данного случая кино.

Рина – американский солдат. Навсегда. Что бы ни произошло с ней в будущем, я уверен, воспоминания о службе в армии навсегда останутся самыми светлыми воспоминаниями в ее жизни.

Каждый американский солдат, независимо от места и срока службы, твердо знает, что дома его обязательно ждет девушка. И родители, и друзья тоже, конечно, ждут. И мама, и папа, и бабушка с бабушкой ждут героя с войны. Иногда у солдат нет бабушки, так бывает. Иногда у солдата нет папы, так тоже бывает. Но бабушка обязательно есть, и мама обязательно есть. Девушки может не быть, не каждая девушка согласится ждать солдата с войны. Не каждая девушка сможет провожать солдата на войну. Не каждая девушка согласится изо дня в день улыбаться подругам и родственникам. Не каждая девушка сможет в очередную ночь отчаяния плакать, крепко вцепившись в подушку,

обещая себе, что будет долго-долго ждать героя с войны. Ждать и обещать себе, что примет солдата после войны любим: слепым, безруким или безногим. Примет, прекрасно понимая, что слепота или отсутствие конечностей не самое худшее, что может произойти с солдатом на войне. Примет, даже если он придет с войны совсем другим человеком. Примет, даже если он не узнает ее при встрече.

Очень часто солдат знает, что никакой девушки у него дома нет.

Нет девушки? Не беда. На этот случай тоже есть чудесное американское кино. Когда солдат придет с войны, он придет с девушкой. Он придет с красивой и сильной девушкой. Эта девушка будет так же, как и он, ненавидеть войну. Эта девушка только на первый взгляд будет хрупкой и застенчивой. Но на сетчатке ее прекрасных глаз, как и в глазах солдата, навсегда отпечатается огонь войны. И они примут друг друга такими, как есть. Их, конечно, не поймут те, кто не воевал. Не поймут? Ну и не надо.

Американский солдат окажется настоящим американским солдатом. Он купит своей девушке все, что она попросит. А когда девушка недоверчиво спросит его, может ли она выбрать себе в подарок любой продукт из супермаркета, он только неловко улыбнется. Для него это всего лишь провинциальный супермаркет. Ничего

особенного. Конечно, она может купить все, на что посмотрит. Она может купить целую индейку, огромный шоколадный торт. Он купит ей все, обязательно купит. Он купит ей телефон с самым лучшим тарифом для связи через океан. Он – солдат. Сказал, что купит все, значит, купит. Он уже готов медленно ходить с ней по супермаркету, выбирая все самое лучшее, что есть на свете.

Но девушке не надо ходить между полок. Девушка знает, что такое счастье. Девушка уверенно, ловко подставив плечо, грузит на магазинную тележку огромный мешок риса.

– Рубен, ты хочешь купить еще что-нибудь? – Рина вежливо прерывает череду картинок у меня в голове.

– Нет. Я вспоминаю фильм, который мы вчера посмотрели. Я давно не живу в России. Я известный писатель. Да и зачем нам огромный мешок риса?

Мы смеемся. Нам хорошо вдвоем. Мы понимаем друг друга.

– Рубен, мы никуда не торопимся.

– Да, все нормально.

– Но ты уже почти полчаса смотришь на мешок картошки. Ты уверен, что хочешь его купить?

– Нет, конечно. Но я бы купил еще пять фунтов.

Рина не спорит. Она добавляет в тележку еще одну сетку картошки. На сетке гордая надпись «Произведено и упаковано в Айдахо».

Картошка – это да. Из картошки можно наде-
лать драников. Картошку можно пожарить. Жа-
ренная картошка – самое прекрасное блюдо на
земле. Более пятисот рецептов блюд из картофе-
ля выдает Гугл по первому же запросу. Картош-
ку можно просто сварить в кожуре, почистить
и есть, вкусно посыпая ломти картофеля солью.

Картошка – настоящая еда, не то что рис. Спро-
сите у любого русского из Москвы или Санкт-
Петербурга. Спросите у любого американца,
спросите у жителей Айдахо.

Я люблю музеи. Музеи бывают разные. Иногда в музеях выставляются картины, иногда вещи. Мне нравится смотреть на картины, мне очень нравится смотреть на предметы, я могу долго смотреть на выставленные для всеобщего обозрения вещи. Иногда в вещах и картинах можно разглядеть движение человеческих душ. Иногда – и чаще всего – времени, отведенного среднему посетителю, мало, чудовищно мало.

Неподвижные экспонаты музеев показывают движение. Движение радует, будит фантазию, вызывает что-то свое, личное. Личное – для каждого посетителя. В музеях не хватает времени, в музеях время должно останавливаться. Для того и строятся музеи. Подвижное в неподвижном, статичное в динамике. Маленькое чудо – когда человек смотрит на вещь и ему хватает времени за какие-нибудь полтора часа прожить и понять суть вещи. В музеях все настоящее. Все как в жизни. Не хватает времени остановиться и посмотреть.

А еще в музеях иногда случается чудо. Иногда музейный смотритель за десять минут его и моего времени отражает больше, чем все экспонаты его павильона.

Мы с Риной в музее. Рина считает, что мне нужно чаще выходить из комнаты, смотреть на музеи

и природу Израиля. Я иногда соглашаюсь с Ринной. Конечно, и музеи, и природу можно увидеть на красивом экране моего компьютера. Зачем выходить из комнаты, если все экспонаты всех музеев мира доступны современному человеку за два клика компьютерной мыши.

Середина дня. Чудесное время, когда музей пуст, никого нет, только музейные служащие.

Служащий слышит нашу русскую речь, подходит к нам.

– Вы откуда?

– Сложно объяснять.

Я обрушиваю на пожилого человека весь поток своей биографии. Я прекрасно понимаю, что до него доходит едва ли половина сказанного мной. Я внук испанцев, сын француженки, муж еврейки. И тогда происходит чудо – собеседник рассказывает мне свою жизнь, укладывая затейливые переплетения событий в десять минут. Что можно рассказать за десять минут?

Ему много лет. В стране исхода у него было все – жена, дети, машина и двухэтажный дом. Однажды в его жизни случилось чудо. На широком перекрестке остановилась простая невзрачная машина. Светофор зажегся зеленым, а машина продолжала стоять на перекрестке. Восток есть восток. Водитель машины обедал. Подошел полицейский, вежливо спросил, почему машина не едет, ведь светофор дал зеленый свет. «Почему ты

стоишь?» – спросил полицейский. «Почему ты стоишь?» – спрашивала толпа. Водитель машины ответил с уважением, тихо и отчетливо. «Я таджик, это моя земля – Таджикистан. Хочу – еду, хочу – стою».

Мой собеседник, служащий музея, спокойно рассказывает мне, что его машина была больше и быстрее машины этого таджика. Жена – красавица, двухэтажный дом, что еще надо человеку. В тот же день он пошел в синагогу и спросил у раввина:

– Рабби, а где моя земля? Я согласен жить без двухэтажного дома, я могу ходить ногами, не имея машины, но я хочу ходить по своей земле.

За две недели он собрал все документы. Две недели он убеждал жену уехать вместе с ним. За две недели он простился с чужой землей. Сейчас он на пенсии. Здесь, в Израиле, он принял свою жену в новом доме, помог ей лечить болезнь, о которой не говорят. Здесь, в Израиле, он похоронил женщину, которая когда-то не хотела уезжать вместе с ним в неизвестность. Здесь, в Израиле, он любил, его любили. Другая семья, много детей. Здесь, в Израиле, он не смог назвать мне имена всех своих внуков и внучек.

– Ты навсегда в Израиле? – спросил меня пожилой человек.

– Навсегда, – ответил я.

– Ты знаешь, что здесь с тобой может произойти чудо? Знаешь ли ты, что если там, наверху,

захотят, то ты сможешь встать с коляски и идти своими ногами?

– Я скажу тебе лучше, у меня был выбор: сидеть в коляске, тяжело болеть и жить недолго или попасть в больницу, вылечиться, а после – сидеть в коляске и смотреть на солнце Израиля, на землю Израиля, на музеи Израиля.

Мы пожелали друг другу здоровья и долгих лет жизни. Восток есть восток.

Я – еврей. Израиль – огромная страна. Государственные языки Израиля – иврит и арабский.

Индия тоже большая страна. И Россия большая страна. Если я встречу индуса, я скажу ему, что он индус. Если я ошибусь, неважно. Каждый имеет право на ошибку. На самом деле я глубоко верю, что живущий в Индии – индус. Пусть я ошибусь, пусть этот человек из Индии не считает себя индусом. В конце концов, он имеет право считать себя кем угодно. Больше миллиарда индусов для меня, разумеется, разделены точными названиями рас и каст. Что с того? Хотят или не хотят, они индусы.

Я могу, конечно, из вежливости и природного любопытства, выяснить, из какого племени и какой касты мой собеседник. Очевидно, что он может быть кем угодно. Я занесу в записную книжку его имя, языковую семью и ступень в иерархической структуре кастового разделения.

Впрочем, вру. Даже в этом тексте стараюсь быть предельно точным и не идти на слишком тугом ошейнике политкорректности.

Даже здесь, в моей голове и в железных мозгах компьютера, я пытаюсь быть политически корректным.

Я надеюсь, искренне желаю, что мой читатель простит мне эту слабость и этот внезапный порыв политкорректности.

Я ни в коем случае, никогда, пока пишу или говорю, не стану ни записывать, ни запоминать касту собеседника.

Если судьба сведет меня с брахманом, я буду есть то, что ест брахман.

Если судьба сведет меня с неприкасаемым, я не встану из-за стола и только из вежливости попробую какое-нибудь блюдо, если буду твердо уверен, что это блюдо кипело на огне. Пить я буду только воду. Воду я принесу с собой. Скорее всего, я принесу кока-колу в красивой бутылке. Я уверен, что даже неприкасаемые любят этот газированный напиток из Соединенных Штатов Америки.

Если они откажутся пить кока-колу, я их пойму. Во всяком случае, никто не обязан есть то, что ем я, и пить кока-колу.

Не разделяя людей на расы и касты, я тем не менее уважаю всех, кто любит свою землю.

Индусы не очень любят английский язык, но используют его как единственный язык общения между племенами. Индус может любить или не любить Англию, но, если он хочет чего-то добиться в жизни, он, разумеется, будет говорить на блестящем английском языке.

Сирия и Иран, Ливан и Иордания – все эти страны для меня – страны арабского языка. Я мало

знаю о них. Тоненький ручеек новостей из этих стран не утоляет моего огромного любопытства.

Я никогда не путешествовал в пустыне по следам Лоуренса Аравийского.

Я люблю страны Востока. Они всегда оставались загадкой для меня, а я люблю разгадывать загадки.

Я никогда там не был и никогда там не окажусь. В моем кармане паспорт государства Израиль. Меня убьют. Меня убьют только за то, что я из Израиля. И даже паспорт гражданина США не спасет меня в этом случае. Я хорошо себе представляю, я уверен, что для многих стран и народов мой израильский паспорт – смертельный приговор. Более четырехсот пятидесяти миллионов человек считают меня евреем.

Что ж, еврей так еврей. Это выбирал не я. Это выбрали они.

Когда осколок ракеты не долетает до моего дома, я знаю – это мой осколок. Люди, если их можно назвать людьми, хотели бы, чтобы этот осколок попал в меня. В любое время и в любом месте найдутся подонки, которые взорвут бомбу для того, чтобы убить меня. Им все равно, какая кровь течет в моих жилах. Они хотят моей смерти. Они называют меня евреем. Что ж, еврей так еврей.

Когда-то очень давно, когда я путешествовал по странам, никто не хотел слушать моих объяснений. Для всех моих собеседников я был русским.

Я знаю, что есть люди, которые прекрасно выучили язык эмиграции. Они надевают чужие одежды, они говорят на чужом языке, они выглядят почти как коренные жители стран, в которых оказались. Эти люди стесняются называть себя русскими. Не понимаю и не согласен. Всю мою эмиграцию при знакомстве с человеком на вопрос «откуда ты?» я отвечал простыми словами «я русский». Называя себя русским, я прекрасно понимал, что беру на себя всю ответственность, все грехи и все политические шаги России. Но, называя себя русским, я ясно давал понять собеседнику, что и спутник, и космическая станция, и русский балет, и русская поэзия – тоже мой искренний повод для гордости.

Сейчас, когда я живу в многонациональной стране Израиль, все называют меня евреем. Все. От Японии до США. Даже ООН, самая справедливая организация на Земле, раз за разом выносит резолюции против евреев. ООН – политкорректная организация, поэтому с вершины ее бесполезной бумажной горы из сводок и отчетов раз за разом евреев просят немного потесниться. Я уверен, что в ООН работают исключительно хорошие и добрые люди. Я согласен читать все бумажки, написанные против меня. Все, что от меня требуется, – стать израильтянином. Все, что хотят от нас, – это немного, совсем немного, ничего не значащий пустячок: я должен отдать

дружелюбным соседям Голанские высоты. Мирные соседи, я уверен, никогда не выкатят на Голанские высоты свои дальнобойные орудия.

Бедные арабы, арабы, которых я сейчас так тяжело притесняю, выстрелят в меня, в мою небольшую инвалидную коляску. Нет! Я забыл! Они, конечно же, не смогут в меня выстрелить! Между ними и мной Железным Куполом встанут резолюции ООН. Резолюции ООН бесстрашно кинутся в бой. Резолюции ООН не дадут умереть старым и молодым жителям государства Израиль.

Случайные разрывы ракет не покроют мою землю. Случайные пуски ракет будут попадать точно в цель и без сожаления. Случайные пуски ракет будут целить в меня, в мирного еврея. Все будет хорошо. Все будет, как хочет ООН. Но все это будет уже без меня. А пока, пока этого не случилось, и, конечно, никогда не случится, я буду евреем. В поездках за рубеж или у себя дома я не буду выбирать политкорректных аналогов. Я еврей. Я выбрал эту землю.

Современная медицина научилась справляться со многими человеческими недугами. То, что каких-то двадцать лет назад считалось приговором, перешло в категорию «manageable»*.

И даже если не повезло быть гражданином страны с развитой медициной и хорошей социалкой, то, в конце концов, всегда можно найти подходящий фонд или просто объявить о сборе денег и ждать, когда соберется нужная сумма – мир не без добрых людей.

И вот, кажется, мы приблизились к мечте: здоровье можно купить. Накопленный лучшими профессорами и медцентрами опыт помог нам победить естественный отбор. Дальше – только лучше.

Только у природы свои планы. Планета перенаселена. Природа жестока, ей не до личных историй.

Так, в любую семью в любой момент может прийти цунами локального масштаба – редкое заболевание.

На основании скудной статистики врачи не решаются делать прогноз. Ребенок Шредингера в стеклянной коробке, утыканный трубками. А ты стоишь за окном в палату и больше всего на свете хочешь очнуться от этого кошмара, в реальность которого тебе еще предстоит поверить.

* Управляемый, поддающийся контролю.

«С той стороны зеркального стекла» – мой брат Степан, родившийся с редким заболеванием – синдромом Алажиля, по другую сторону – мы, его семья: его мама Лена, я и наш общий папа – Эдуард. Мы думаем об одном: мы бы поменялись с ним всем, что у нас есть, а ему недостает. Мы болели бы всем сами. Это такое счастье – болеть самим!

Я старше своего брата на двадцать пять лет. Я должна быть сильной, чтобы быть рядом, чтобы помочь.

Как ни парадоксально, редких заболеваний много, тяжелых – еще больше. Нам необходимо быть сильными – всем, кто борется за жизнь своих близких, всем «недобитым романтикам» и дерзким мечтателям, всем, для кого сон – это роскошь, всем, сгрызшим свои ногти до основания ночью в зале ожидания реанимации, всем, кто знает о боли, но не согласен с ней мириться, всем, у кого нет выбора.

* * *

Очень часто благородные поступки толкуются как проявление религиозного выбора человека. При этом описание положительных человеческих качеств может основываться на религиозной догме и догмой же заканчиваться. «Отрицательные» поступки смело сводят к безбожию и отсутствию этических понятий, к отсутствию веры в сверхъестественное.

Вполне допуская и принимая преимущество веры перед агностицизмом, я все же не могу отвернуться от проявления простейших вопросов бытия, например, явный статистический перекокс при сравнении количества верующих, с количеством порядочных людей.

На мое счастье, на свете существуют люди, которые, объявляя себя неверующими, совершают поступки, сравнимые с поведением глубоко верующих, и не просто верующих, а лучших и наиболее ярких из них. Это люди, которые выработали свой, уникальный взгляд на видимый мир, свою этику. Такие люди, личности, выбравшие для себя наивысшую планку поведения в ежесекундной повседневности, вызывают мое восхищение.

Аурора. Такова была Аурора. Все другим, ничего себе. Аурора помогала людям вокруг себя совершенно безвозмездно. Аурора ушла, не оставив после себя ни цента. Не думаю, Эдуард, что ты успеешь сказочно разбогатеть. Ты – имевший деньги и умеющий их зарабатывать. Мы с Полиной близкие, очень близкие люди. Не знаю почему. Магия, гены, воспитание. Ты будешь смеяться.

Были случаи, когда люди, прочитав мою книгу, узнавали в стиле изложения Аурору. Эдуард. Я постоянно узнаю тебя со слов Полины. То, как ты ухаживал за престарелыми родственниками (и не всегда это были родственники по крови), –

достойный выбор сильной личности. Твое отношение к Степану трогает меня, а я много чего видел в жизни. Мы не встречались лично, но я абсолютно уверен, что знаю тебя по меньшей мере года три. Я четко вижу тебя в Полине: резкого, уверенного в себе, и очень доброго, и тонко чувствующего.

Живи долго, Эдуард. Ты нужен многим людям на этом свете. Ты нужен мне.

Бу Ту Хьен. Нормальное, очень распространенное имя.

– Зовите меня Хьен. Или Иван. Когда я жил в России, меня звали Иван.

Иван. Я улыбаюсь. Конечно, Иван. Маленький, крепкий, сжатый в пружину. Очень любезный, очень предупредительный, очень корректный. Слишком любезный. Свой в доску парень, открытая душа. Иван, Ваня. Сколько раз, Хьен, ты менял имя? Сколько раз ты лгал, изворачивался и бил? Сколько раз ты менял паспорта, партию или жизнь целиком? Сколько раз ты убивал? Сколько раз ты «выводил из строя» соперника?

Ты, ловкий и сильный, умный и расчетливый, только раз просчитался, только раз. Тебе хватило этой ошибки на всю жизнь. Ты не доверяешь никому, никто не доверяет тебе. Ни жены, ни детей, ни друзей, ни родных. Никого. Только борьба. Только ожидание. Только ненависть к тем, кто пришел после Хо Ши Мина.

– Эта сука Хо Ши Мин. Я спал с ним на одной циновке. Я варил для него рис. Мы делили рис, сидя на циновке в тюрьме. Мы вместе ели, вместе ждали приговор. Он предал меня, Хо Ши Мин, – говоришь ты, и я понимаю тебя.

– Ты будешь есть китайскую еду, Хьен?

– Вьетнамец может есть все, что движется, кроме колеса.

Нам приносят китайскую еду. Много еды. Я знаю, Хьен, ты не можешь есть много, но тебе нравится вид большого количества еды. Мы едим: я, Аурора и Аня. Хьен беспомощно щупает стол справа от тарелки. Палочки! И Аня, и Аурора умеют есть палочками. Палочки – современная забава. Все умеют есть палочками. Хьен берет в правую руку вилку, он сосредоточенно пытается воткнуть вилку в кусок мяса. Я киваю Ане в сторону Хьена. Аня быстро кладет перед Хьеном палочки.

– Сколько тебе лет, Хьен?

– Семьдесят два.

– Но когда мы познакомились четыре года назад, тебе тоже было семьдесят два.

– Если ты знаешь ответ, зачем задаешь вопрос?

– Но возраст – это такая ерунда. Ты мужчина, Хьен. Зачем мужчине скрывать свой возраст?

– Мой возраст не меняется, потому что я жду.

– Ждешь чего?

– Его смерти. Знаешь, Рубен, я могу много двигаться. Каждый день я делаю зарядку. Это я правильно сказал по-русски «делаю зарядку»?

– Сколько часов ты делаешь зарядку?

– Четыре часа. Я уже старый, не могу делать упражнения долго. Только четыре часа утром и два вечером.

– По-русски это называется «тренировка».

– Я знаю. Это специальная вьетнамская тренировка. Но мне нравится слово «зарядка». А потом, когда я не смогу двигаться, я буду тихо-тихо сидеть в комнате и медленно пить куриный бульон. Они ждут. Они медленно ждут смерти врага. Я знаю товарищей, которые пьют бульон уже долго. Если захотеть, любой человек может жить до ста лет и больше.

– Я читал, что есть люди, которые живут и до ста сорока лет, но я не верю.

– А я видел людей, которым давно сто сорок лет. Ты мне веришь?

– Тебе верю.

Хьен радостно улыбается. Он ест быстро и правильно. Низко склоняясь над тарелкой, он отправляет в рот куски мяса. Гарниром он может наслаждаться потом, если не отберут тарелку.

– Хьен, возьми еще курицы, у нас много курицы.

– Спасибо.

Хьен кладет себе на тарелку половину курицы. Я никогда не видел, как человек орудует четырьмя палочками сразу. Хьен разгибается, он старается есть медленно.

– Хьен, куда ты торопишься? Нельзя отобрать у человека еду, когда она уже в желудке.

– Можно.

У Хьена хорошее настроение. Я почти вижу, что еда изменяет его внешность.

– Когда я ехал к вам, я не ел два дня.

– У тебя не было еды?

– Я хотел быть готовым к драке. А драться лучше, когда голодный. Если бы мне пришлось драться прямо сейчас, я бы отрыгнул еду. Если еда в желудке у того, кто проиграл, врага можно заставить отрыгнуть еду и съесть эту еду самому. Еда – это сила. И кровь врага – это сила.

Аня выходит из комнаты. Аня больше не может слушать наш разговор.

– Хьен, когда ты перестал беспокоиться?

– Когда зашел в твой дом.

– Поэтому ты не захотел есть в ресторане? Там могли быть враги?

Хьен счастлив. Хьен улыбается.

– Везде могли быть враги.

– Хьен, расскажи про американцев. Ты видел фильм «Апокалипсис сегодня»?

– Все спрашивают про американцев. Нормальный фильм.

– Но американцы применяли напалм!

– «Горящая нефть». Глупая игрушка.

– Не понял. Я на самом деле не понял. Это же страшно – когда человек горит заживо.

– Смотри. – Хьен становится на одно колено, я почти вижу, что в руках у него оружие. Он движется быстро, очень быстро, я понимаю, что это часть его утренней «зарядки» и что в такие мгновения ему нет и сорока лет. – Раз, два, три. Три выстрела – каждому в колено. Потом убираешь

подбегающих, и все. Двадцать людей и даже больше, чем двадцать. Я убежал, пока они разматывали свой шланг с горячей нефтью.

– Но американцы бросили своих в джунглях.

– Американцы нормальные, я люблю американцев.

– Хьен, но почему ты не напишешь свою книгу? Расскажи что-нибудь. Как вы делили еду с Хо Ши Мином?

– Никто не будет читать мою книгу. Но главное даже не это. Представь, я ел рис с Хо Ши Мином, я варил для него чай, а он посадил меня в тюрьму. Где взять слова для этого? Вот у тебя все в книге радостно. Ты добрый человек. Тебя бы быстро задушили в тюрьме.

– Почему меня?

– Потому что ты добрый человек. Ты видишь только доброе. Тебе всех жалко, даже собаку. Ты добрый, как Пришвин. Я переводил Пришвина. Ты никого не душил ночью, и в твоей книге никто никого не душил. Ты не ел собаку, и Пришвин не ел собаку.

– Ты переводчик?

– Нет.

– Но ты переводил книги.

– Ха, но я много чего делал в жизни. Я не жадный. Знаешь, у нас в камере был один человек. Он был самый главный. Но главный не может быть жадным. Его чуть-чуть придушили ночью,

потом отпустили, потом придушили опять. И так всю ночь. Это было в ночь перед большим праздником. Утром на завтрак давали мясо. Три маленьких кусочка мяса. Он взял свой кусочек мяса, палочки остановились прямо перед ртом. Он обонял мясо, у него потекли слюны, и он умер. Нехороший человек.

– А что бы ты сделал на его месте?

– Я бы выкинул мясо на пол и стал ждать охранников. Охранники убили бы нас и дали бы ему много мяса. И слюна от запаха мяса не задушила бы его. Я никогда не становился главным по камере. Мне полагался один кусочек мяса, а ему три. Если бы он не был глупым, то кто-нибудь мог бы тихонько надавить пальцем на точку за ухом каждому из его врагов. Они бы все заснули, а мясо можно было поделить.

– Ты сказал «кто-нибудь». Только ты мог надавить на точки за ухом?

– Только я. Глупые люди, они думали, что если я поссорился с главным, я перестал быть героем?

– Ты убивал кого-нибудь в камере?

– Нет. Я сидел в углу возле двери. Мне полагался один кусок мяса, но я отдавал его. Пока они делили мясо, я ушел.

– Ушел из тюрьмы?

– Да. Ты спрашивал про вертолет. Я не попал в тот вертолет.

– Расскажи еще. Хочешь пива?

– Да. Я выпью пиво. Пиво – это хлеб.

– Верно, Хьен, я знал людей в России, которые ели только семечки или немного сушеной рыбы и пили только пиво.

– У тебя умные друзья. Пиво – это хлеб. Человек не может жить без пива. Человек не может жить без риса, человек не может жить без хлеба. А я ушел. Я ушел из тюрьмы. Там было плохо. Мне понравились американцы. Все бежали к вертолету, а я ушел.

– Расскажи еще.

Хьен улыбается. Он знает, что первым должен говорить хозяин дома, потом гость. Еще он знает, что вежливый человек всегда будет слушать старшего по возрасту.

– Все побежали к вертолету, а я побежал в джунгли. Хо Ши Мин предал меня, меня посадили в тюрьму. Я ушел из тюрьмы. Потом я поехал в СССР. В СССР было хорошо. Потом, когда пришел Горбачев, стало плохо. Никто не хотел меня защищать. Я пошел в КГБ, а там никто уже не помнил меня. Они сказали, что Хо Ши Мин давно умер, а я никому не нужен. Они сказали: «Уезжай во Вьетнам». Ага. Меня бы убили уже в самолете.

– Хьен, расскажи про американцев. Я читал книгу одного американца, он пишет, что воевал во Вьетнаме. Он пишет, что он стрелял из пулемета, а вьетнамцы все шли и шли. Ряд за рядом он

убивал их, а они шли, шли. Он сошел с ума. Там многие сошли с ума. Он пишет, что сейчас, когда он закрывает глаза, даже днем, он видит толпы вьетнамцев, волна за волной, а он все стреляет и стреляет.

– Это были не вьетнамцы. Вьетнамцы очень хитрые, вьетнамцы сидели на деревьях и держали оборону.

– Может быть, это были китайцы?

– Может быть. Мне все равно. Американцы – хорошие ребята. Понимаешь, французы хотели сделать из нас французов. Китайцы – китайцев. Американцы ничего не хотели. Запомни. Сначала рис, потом книги на вьетнамском языке для всех, потом мясо. Американцы были не против всего этого.

– А что было потом?

– Они послали за мной мальчиков. Мальчики были с ножами. Я медленно шел, они шли за мной. Я довел их до телефонной будки. Вызвал им скорую помощь.

– Они стояли и смотрели, как ты звонишь по телефону?

– Они лежали. Не думаю, что они куда-либо смотрели. Они кричали и плакали. Локти и колени были вывернуты из суставов.

– Ты их искалечил?

– Нет, любой санитар вправит суставы на место. Просто я, как вы говорите, – «спецназ», да?

– Да, ты спецназовец. И тебе семьдесят два года. Скажи, Хьен, а мою книгу разрешили для выхода во Вьетнаме?

– Нет. Я перепишу книгу на очень тонкую рисовую бумагу, все товарищи во Вьетнаме будут читать ее. Каждый, кто прочтет, сам перепишет два экземпляра.

– А разрешат?

– Конечно. Рано или поздно разрешат. Мы умеем ждать.

Коррида. Испанский обычай. Я уважаю обычаи. Традиции народа нельзя запрещать. Традиции невозможно запретить. Это хорошо. Если в Испании запретят корриду, ничего не изменится. Внешне люди подчинятся запрету, но внутри останутся такими же. Они же люди. Если запретят корриду, останется футбол. Футбол все равно останется. Останется толпа на трибунах, шумные выкрики и жажда зрелищ. Я ничего не имею против корриды, как и против футбола. Я против запретов вообще. Я против запрета корриды. Мне не нравится бушующая толпа. Мне не нравятся шумные крики.

Коррида – нехитрое развлечение. Люди надевают на себя красивые одежды, берут в руки куски железа и идут убивать быка. Пока одни убивают быка, другие наблюдают за процессом. Всем очень весело. Быка надо убить красиво и безболезненно. Быка надо убить хорошо. Быка не жалко, бык всего лишь животное. Людей тоже не жалко. Они же люди. Им повезло родиться людьми и прийти на корриду. Разве можно жалеть человека за то, что ему повезло?

Я – бык. Все просто. Ничего не надо объяснять. Я не человек. Мне не повезло родиться не человеком. Человек – тоже животное, но животное

двуногое. Я не могу и никогда не смогу стать двуногим. Сожалеть, что ты не двуногий – глупо. Мечтать о жизни существа, рожденного для ходьбы на двух ногах, еще глупее. Из меня вышел бы очень плохой страус. Я не хочу жить ни страусом, ни пингвином. Бык так бык.

Выбирал не я, выбирали люди в костюмах и при галстуках. Они выбрали для меня жизнь и смерть животного. Они и сейчас сидят в персональных ложах и ждут моей смерти. Пусть. Я не желаю им смерти в ответ. Я не желаю и не могу желать смерти никому. Я же не человек. Я жесток, как животное. Половины моей жестокости хватило бы, чтобы стать подлинным человеком. Это не значит ничего. Я жесток лишь в момент боли и отчаяния. Мне очень далеко до утонченной человеческой злобы.

Мне не нравится вид крови. Мне не нравится красный цвет. Я же бык.

Бык не может выбирать – жить ему или умереть. Бык может быть хорошим быком или плохим быком. Умереть бык должен в любом случае.

Плохой бык не хочет умирать. Плохой бык выбегает на арену подгоняемый острыми копьями. Плохой бык хочет жить. Плохому быку лень красиво умирать для удовольствия нарядно одетых мужчин и женщин. Плохого быка не любит публика, плохого быка противно убивать. Плохого быка не жалко, жалко потраченного на него

времени, жалко съеденной им травы и солнца, светившего на него напрасно. Немного даже жаль людей, убивающих плохого быка. В момент убийства плохого быка люди слишком похожи на обезьян.

После корриды люди разрезают быка на части и едят. Едят не от голода, просто так, для развлечения. В гастрономическом плане убитый бык не представляет особой ценности. Чтобы получить вкусное нежное мясо, быка следовало бы кастрировать. Но они едят. Они едят публично убитого быка для того, чтобы и после смерти врага продемонстрировать свою мужскую сущность. На тарелке кусок убитого быка очень похож на кусок убитой коровы. На тарелке быка совсем не жалко. Как и корову.

Я наблюдаю. Я собираю мир по кусочкам. Мне плевать на их копыта и ножи. Мне плевать, что их больше. Я не выбирал. Я на самом деле хотел жить как человек. Я хотел жить среди людей и умереть по-человечески. Даже если быком. Даже быком я не хотел бы умирать на арене. Даже быком я хотел бы умереть в схватке с равным мне по силе. Пусть режут на куски. Пусть пляшут вокруг меня нарядные обезьяны в великолепных костюмах. Пусть. Они же не могут и никогда не смогут по-другому. Они же люди.

Это не настоящий бой. Сценарий расписан по главам. Столы расставлены, меня съедят. Но

я постараюсь. Я буду очень стараться. Если мне повезет, если мне крупно повезет, я задену рогом одного из них. Я убью его. Я не хочу ничьей смерти, но если они так хотят – что ж. Если им очень сильно хочется видеть кровь, пусть это будет не только моя кровь. Пусть он умрет вместе со мной. Он выбирал профессию в отличие от меня. У меня получится. Я надеюсь.

Я – хороший бык.

«Маленькие коробочки» США – вереница небольших, похожих друг на друга домов в пригороде, где живут похожие друг на друга люди. Американский ответ расизму. За всю свою жизнь я не накопил столько букв и смыслов, чтобы рассказать об этом. Расизм рассматривают как способ разделения людей и причину вражды к представителям иной расы. «Коробочки» же разделяют людей своими стенами, помещая их в ячейки, лишённые какой-либо оригинальности. Лишь очень немногие разглядят в них красоту расового многообразия – красоту притягивающую, красоту пугающую, красоту, заставляющую посмотреть на себя и на людей вокруг, не отрицая неизбежного факта различий в цвете кожи, разницы по месту рождения и полученному образованию.

Я – латиноамериканец. У меня латиноамериканский вид. В этом нет ничего плохого, как нет и ничего хорошего. Тем более в этом нет ничего хорошего, когда ты узнаешь, что мелкие завитки твоей причёски выдают в тебе ещё и негритянское происхождение.

Я – жгучая смесь рас, представитель сотен наций и народов. Я родился нерусским, а родиться нерусским – это не то же самое, что родиться

русским. И никто меня не поймет, когда я скажу, что родился нерусским, кроме русских. Или нерусских. Мне можно. Мне можно рассказывать о русских и нерусских. Мне можно. Я русский. Или нерусский. Это не имеет значения.

Немного трудно будет объяснить, но я постараюсь. Я очень постараюсь. Всю свою сознательную жизнь я учил русский язык. Лучший в классе, лучший в школе и один из лучших «знатоков» русского языка – я: всегда нерусский и навечно русский; лауреат «Русского Букера», самый русский из всех русских; смуглая кожа, нос горбинкой, черные вьющиеся волосы, темная радужка глаз. Почему-то из всех расовых признаков моего тела окружающих меня людей особенно не устраивали мои глаза. Глаза как глаза, ничего особенного, но им не нравился их цвет.

Я не то чтобы очень хотел сменить свои внешние признаки. Если бы у меня была хоть одна действующая рука, или две. Если бы мое тело могло сжать горло обидчика, о цвете моих глаз можно было бы и поспорить. И совсем-совсем нелепая и гордая мечта о пистолете, простом кольце, унесла бы меня далеко-далеко, в бой, в кровавую схватку с голубоглазыми белокурами bestиями.

Тот, простой и уютный, без излишеств цивилизации, уютный русский расизм ближе и понятнее мне, чем утонченный, изысканный расизм старой Европы. Русский расизм честнее и проще

европейского. Но даже европейский расизм ни на сотую долю не приближается к грубому и прямому расизму США.

* * *

Девушка. Обычная латиноамериканка. Быстро и уверенно моя коляска подъезжает к высокому окошечку очередной бюрократической цепи. В обществе равных возможностей я выгодно выделяюсь среди окружающих.

– Не будете ли вы против, если вас обслужит представительница альтернативной языковой группы?

Я не против. Я очень даже не против. В стране, где почти треть населения говорит по-испански, «альтернативная языковая группа» всего лишь набор букв для обозначения испанского языка. Девушка чуть приподнимается, чтобы рассмотреть меня.

– Вы в коляске. Обычно такие дела должны быть рассмотрены в течение месяца, но я посмотрю, что можно сделать. Счастливого вам дня!

Через неделю, день в день, мои документы в аккуратном конверте приносит всегда молчаливый парень с кожей цвета кофе с молоком, узким носом и карими глазами.

– Распишитесь здесь и здесь. Удачи вам!

Удача везде и всегда теперь будет сопутствовать мне. Ведь я – латиноамериканец.

Супермаркет. Огромный супермаркет. Все удобно, все просто замечательно. Можно позвать менеджера и попросить дать мне помощника.

– Не согласитесь ли вы, чтобы вас обслуживал человек альтернативной языковой группы?

– Конечно, мы с Хорхе неплохо договорились в прошлый раз.

Мы идем по супермаркету. Я слеую за Хорхе.

– Тебе нравятся эти помидоры, Хорхе? Какие, например, ты купил бы сам?

– Никакие. Эти помидоры невозможно есть.

– Я жил в Испании, Хорхе, а ты в Мексике, мы с тобой оба не можем проходить мимо рыбного отдела.

Хорхе улыбается. Он, так же как и я, понимает, что рыбный отдел у нормального продавца рыбы не пахнет. Во всяком случае, и в Испании, и в Мексике рыбу продают свежей. Мы выбираем все продукты по списку.

– Привет, как дела? – спрашивает меня продавщица на кассе.

– Нормально, – отвечаю я, – могло быть и лучше, но жаловаться нечего.

– Послушай, Рубен, моя подружка хочет перебраться в Испанию. Что ты сказал бы ей?

– Я сказал бы ей, чтобы она и не думала о такой глупости.

– Но она думает, что там будет легче. Там все говорят по-испански.

– В том-то и дело, – говорю я, – в том-то и дело. На работу, например, в супермаркете ей не устроиться. В супермаркете работают только испанцы. Работы нет, а та, что есть, уже занята кем-то из своих. Здесь ты никто, а в Испании – конкурент. Здесь тебе платят деньги, на которые можно снять жилье. В Испании твоей подруге придется жить с хозяевами. И еще. Деньги. Там твоя подруга будет, в лучшем случае, прислужой. А работать прислужой в Испании намного тяжелее, чем работать в США.

Я расплачиваюсь, а женщина обсуждает мои слова с подругами на кассе. Мне понятно каждое слово. Ведь я – латиноамериканец.

* * *

Мы с Риной снимаем квартиру в жилищном комплексе. Все централизованно: централизованное обслуживание, централизованный сервис, централизованный бардак. У нас засорился унитаз. Бывает. Моя жена на работе. Договариваться со специалистом приходится мне. Он быстро заходит и очень быстро собирается уходить.

– У вас в квартире два унитаза. Я записал, что вызов не срочный.

Я понимаю, что сантехник не очень любит свое начальство и своих клиентов. Деньги за

его работу все равно уходят владельцу комплекса. Он искренне не понимает, что белый мужчина не может починить унитаз. Чаевых не бывает. Чаевых не дают даже за ночной вызов. В буклете жилищного комплекса особенно подчеркивается, что сотрудникам комплекса категорически запрещается брать чаевые. В моем случае все сложнее, понятно, что я не смогу починить унитаз сам. Цвет моей кожи и непокорные выющиеся волосы выдают мое «неблагородное» происхождение. Видно, что мужчина колеблется. Я его понимаю, я знаю, что значит потерять работу.

– Пожалуйста, – говорю я, – посмотрите – второй унитаз недоступен для коляски.

– Ты говоришь по-испански.

Он слышит испанскую речь, и его представление о мире колеблется.

– Подожди, – говорю я, – у меня есть подарок для тебя.

– Нам запрещено брать деньги с клиентов за ускоренный сервис.

– Это не деньги. Как тебя зовут?

– Хосе.

– Хосе, возьми, пожалуйста, книгу с полки. Это моя книга, я писатель.

Разумеется, мы говорим по-испански. Мы говорим по-испански, и это стирает грань между клиентом и сантехником.

В испанском языке есть различие между уважительным «вы» и простым «ты». В самой Испании местоимение «вы» практически не употребляется. Пока я пытаюсь вспомнить точную форму латиноамериканского употребления «вы», Хосе решает этот вопрос сам. Он говорит мне «ты», и я очень этому радуюсь.

– То, что ты написал книгу, еще не доказывает, что ты писатель. А хочешь, я тебя проверю?

– Это невозможно. Как ты определишь, писатель я или нет?

– Запросто. Кто такой Габриэль Маркес?

– Известный колумбийский писатель – Габриэль Гарсиа Маркес. «Полковнику никто не пишет», «Сто лет одиночества», «Осень патриарха».

Хосе смотрит в пространство. Задумывается.

– Ты назвал книги не так, как они названы в оригинале. Ты читал их в переводе?

– Да.

– На какой язык?

– На русский.

– Русские хорошие люди. А испанский где учил?

– В Мадриде.

Внезапно у Хосе выступают слезы.

– Сделаю, все сделаю. Всю сантехнику тебе смени. Ты пойми, они ставят дешевые детали. Детали дешевые, а мы не стоим почти ничего. У нас фиксированные зарплаты. И вообще, – я вижу,

что Хосе почти плачет, – они не то что Маркеса, они и своих писателей не знают.

Я молчу, мы оба понимаем, кто такие «они».

Хосе еще раз смотрит на мою книгу.

– Спасибо, прочту.

Мне хорошо. Я прочел много книг. Я не гринго. Я – латиноамериканец.

ШКОЛА

Мы пришли туда. Это была очень хорошая израильская школа. Не просто хорошая, хороших школ на земле много, а очень и очень хорошая. Лучше не бывает. Лучше просто нет. Спокойствие, тишина. Если пригласить в эту школу случайного человека, он, этот случайный человек, в лучшем случае просто испугается. Он убежит и больше никогда не вернется в нашу школу. Но мы с тобой не были случайными людьми. Мы попали в сказку. Современные электрические коляски, спокойные и радостные лица детей. Сконцентрированные, но почти спокойные лица учителей. В такие школы не попасть случайному учителю. В таких школах нечего делать случайным людям.

Два мальчика прочли напутствия будущим ученикам. Мальчикам было трудно читать, но они старались. Для двухминутной речи нормальному человеку хватило бы десяти минут подготовки. Им хватило десяти лет. Чуть более десяти лет настойчивой работы, бессонных ночей, воодушевлений и провалов, надежд и разочарований. Но сколько весят две минуты на часах Вечности? Какое многотомное издание перевесит эти полстранички текста?

Мы учились в других школах.

Мы знали разных учителей.

Мы знали, что в этой, самой хорошей в мире школе, у Софии не будет плохих учителей.

Я купил тебе мороженое. Ты шла по улице, плакала, а я все никак не мог тебя успокоить.

Я не плакал. Я очень и очень хотел бы учиться в этой школе. Я не плакал. Мальчики не плачут.

Я живу на первой береговой линии. Каждое утро я встречаю рассвет на балконе – картина каждый раз новая. Рай для Айвазовского. Закат тоже всегда разный: в наших краях солнце заходит быстро – море буквально глотает изжелта-красный раскаленный шар.

Это мой первый год в Израиле. Мой пляжно-валяжный период. Я кит свободного течения: подрабатываю переводами дистанционно. Далеко ходить не надо, здесь есть все: джакузи, сауна, спортзал, бассейн с мороженым и море. Что еще нужно?

Мне исполняется двадцать пять. Муж возвращается с ночной смены и несет мне целый поднос суши и бутылку сладкого игристого. Мы празднуем мой день рождения в 7 утра под тихий шум моря: съедаем суши и распиваем вино. Муж ложится спать, а я спускаюсь к морю.

4 июля – не лучшее время для купания в Средиземном, но я пьяная и счастливая, и в этот день все прекрасно. Даже медузы.

* * *

Море. Это мое море. Оно не может принадлежать одному человеку. Море нельзя купить. Но оно сегодня принадлежит мне. Такая загадочная и непостижимая вещь – море.

Из окна моей квартиры видно море. Другое море. Оно тоже мое. У меня три моря. Всего три. Не так много, но достаточно. Мне достаточно.

Я зажимаю в зубах дыхательную трубку. «У тебя будет все, что есть у меня», – всплывает на мгновение твоя фраза. Мимо проплывает рыбка. Она большая и красивая. Рыбка тоже моя. В эту конкретную секунду рыбка принадлежит мне. Но только на секунду. Каждому понятно, что мы с рыбкой общаемся на равных. Я вижу ее, она видит меня.

Раньше я видел рыбок только в аквариуме. Но это нечестно. Я снаружи, а рыбки внутри тесного пространства. Конечно, в аквариуме у рыбки есть все: кислородный аппарат работает как часы, корм подсыпают регулярно и правильно. Все хорошо в аквариуме, но нет свободы. Может быть, рыбка в аквариуме счастлива по-своему. Все может быть. Каждый аквариумист скажет, что рыбке в аквариуме хорошо, очень хорошо. Но я не аквариумист. Я верю, что рыбкам лучше на воле. Мне тоже лучше на воле.

До свидания, рыбка! Мы еще увидимся. Я в этом уверен, более чем уверен. Никаких «если» или «может быть». Ты красивая рыбка, ты мне нравишься. Я приеду к тебе еще.

Случаются неудачные дни. Случаются дни радостные и спокойные. Восьмого ава у нас сломался кондиционер. Моя дочка плачет и не хочет идти спать. Моя жена Рина делает все, что может, Рина несколько раз отводит Софию под прохладный душ. Мы просыпаемся утром усталые и разбитые. «Что делать?» – спрашивает Рина. «Иди спокойно на работу, – говорю я. – Каждый нужен на своем месте».

У Полины приступ страшной, мучительной боли. Полина отвозит меня в ванную комнату. Полина моет меня и сажает в коляску. Полина почти падает на диван, она сидит и тяжело дышит. Ей нельзя оставаться в помещении без кондиционера. «Ты устала, иди отдохни, – говорит Михаэль. – Я останусь с Рубеном». Михаэль отводит Полину до автобусной остановки. Мне тоже немного плохо. У меня слабые легкие, я почти не спал всю ночь, всю ночь я просыпался и вновь пробовал заснуть, всю ночь сильные медикаменты в моем теле помогли мне пережить жару и духоту.

* День траура и поста. В этот день были разрушены Первый и Второй Иерусалимские храмы. Ав – пятый месяц еврейского календаря, приходится на летние месяцы июль-август.

Я остаюсь с Михаэлем. Лицо Михаэля время от времени ускользает от моего взгляда. Мне плохо, мне на самом деле очень плохо. Я пытаюсь поддержать беседу, но это невозможно. Я выпил сильные обезболивающие, а Михаэль только что выпил риталин. Михаэль говорит и говорит. Михаэль всегда рассказывает мне все, что знает. Его не надо останавливать. Надо просто слушать и слушать. В этот раз Михаэль рассказывает про устройство рыцарского облачения.

Приходит мастер. Михаэль разговаривает с мастером на пока незнакомом мне языке. Я выучу иврит, обязательно выучу. Мастер уходит и возвращается. Кондиционер работает.

Михаэль продолжает разговаривать с мастером. Они говорят о своей службе в армии. Так, ничего особенного. Да, мастер был ранен. Да, несколько пуль вошли в его тело. Михаэль рассказывает про свою службу в армии. Так, ничего особенного. Но я давно знаю Михаэля. Некоторые слова о службе в армии проскальзывают в его речи. Да, конечно, с двумя высшими образованиями Михаэль почти ничего не делал в армии. В армии Михаэль постоянно развлекался. В армии Михаэля водили в театр, в армии Михаэль катался на лодке. Про театр Михаэль рассказывает много и охотно, не так, как про службу в армии. Про службу в армии Михаэль рассказывает медленно, тщательно подбирая слова. Что рас-

сказывать, говорит мастер. Все равно им обоим запрещено говорить о службе. Они просто перекинулись парой слов.

Мастер мельком глядит на экран моего компьютера. «*Ишá шелí**», – говорю я. – «Ирак».

Я показываю мастеру свои книги. Его взгляд останавливается на большой белой книге. Это моя книга. Я ее написал. Я горжусь ей. Пальцы мастера правильно касаются шрифта Брайля. Его дедушка не видел, и у них дома было много таких книг. Я говорю, что эта книга написана на эсперанто. Мы смеемся.

«Ты – писатель», – говорит мастер и бережно ставит книгу на полку.

Я рассказываю мастеру о Рине, о том, как ради дочки Рина сменила костюм юриста в каком-то американском министерстве на лицензию сварщика в Израиле, Михаэль переводит. Я говорю, что очень рад, что мастер починил мне кондиционер именно 9 ава. Я благодарю мастера. Михаэль переводит. Мастер смотрит на меня внимательно, мастер видит мое странное тело и все понимает. Он смущается. Он понимает, что без кондиционера я рискую попасть в больницу.

Рина тоже не могла рассказывать о своей работе. В США у нее был допуск к служебным документам.

* Моя жена (*ивр.*).

Только у меня нет и не было никакого допуска.

Мастер уходит. Жалко. Я хочу разговаривать с ним так же, как Михаэль. Я хочу общаться просто и раскованно. Я жалею, что не служил в армии.

Михаэль не ест. Я тоже отказываюсь от еды. Я хочу быть, как Михаэль. Я хочу к людям, которые не едят 9 ава.

Михаэль варит лапшу. Сваренную лапшу он откидывает на дуршлаг, потом перекладывает лапшу на сковородку и заливает яйцом. Я называю это блюдо «кугл». Мне надо есть. Я принимаю сильнодействующие лекарства. Михаэль не говорит мне этого. Михаэль ставит передо мной тарелку.

Мы молчим.

Вечером Рина придет с работы, усталая и радостная от того, что приходит ко мне. Рина покрошит в тарелку огурцы, редиску и вареные яйца, зальет все это ривьеном. Мы называем это блюдо «окрошкой». Рина работает среди мужчин. Рина передвигает тяжелые детали для строящегося аэропорта.

«Каждый нужен на своем месте», – говорю я.

Каждый нужен на своем месте.

ПАЦИФИСТ

Пацифист. Всю жизнь считал себя пацифистом. Никогда не хотел брать в руки оружие. Никогда не хотел убивать людей.

Никогда не думал, что, прожив больше половины отмеренного мне срока, буду мечтать о службе в армии. Израиль географически очень маленькая страна. Оазис европейских технологий среди азиатских и африканских стран. Израиль не может себе позволить посылать своих мальчиков и девочек умирать за границей. Армия обороны Израиля на самом деле – армия обороны.

Я уверен, что израильская армия обойдется и без меня. В Израиле достаточно солдат, чтобы защитить себя от врагов. Но армия здесь – не только оборона. Армия в Израиле – это надежный способ завести себе друзей на всю оставшуюся жизнь. Армия – это один из лучших учителей иврита. Армия – это прошлое и будущее. Армия – это все.

Я опоздал. Я приехал сюда поздно. Слишком поздно.

Но вопреки любому «слишком» я буду ждать. Я жду, что меня позовут. Я жду, что буду нужен для чего-то очень важного.

Я жду.

ПОЧЕМУ Я НЕ ЕДУ

В последнее время меня все чаще приглашают в Россию. Почему именно в Россию, понятно. Я прекрасно говорю по-русски, лауреат и все прочее. Среди прочих моих достоинств приводят тот факт, что я инвалид. Мол, инвалиды должны помогать друг другу, инвалидные организации тем более. И приглашают меня по большей части организации, деятельность которых связана с помощью инвалидам.

Иногда упрекают в том, что я отстранился от общественной деятельности на территории России, забыл Родину, обвиняют во многих вещах, в которых я и в России слабо разбирался, а теперь, отсюда, из-за границы, понимаю все меньше и меньше.

Отвечаю по порядку на все упреки и всем сразу.

Родину я не забывал, это Родина меня забывала периодически. Во всяком случае, пока жил в России, меня никуда и никогда не приглашали. На публичные мероприятия обычно приглашали зарубежных инвалидов, сытых и в дорогих колясках, опыт которых мне не то чтобы не помог, а был так далек от моей реальности, как далек Юпитер от Меркурия. Теперь я – сытый заграничный инвалид в дорогой коляске, опыт которого нужен русским инвалидам как собаке пятая нога, или телеге пятое

колесо, или любое другое поэтическое сравнение. Русский язык богат поэтическими сравнениями.

Но все вышеприведенное – только лирическое отступление.

Первое. Я болен. Я серьезно болен, и в любой момент мне может потребоваться медицинская помощь. По большей части медицинская помощь такого уровня – несложная вещь сама по себе и может быть оказана в любой клинике, специализирующейся на оказании медицинской помощи инвалидам или лицам с серьезными кардиологическими проблемами. Подойдет и просто достаточно крупная больница, имеющая опыт работы с лежачими инвалидами. В России клиник такого уровня, к сожалению, нет. Это не нападки на Россию, это всего лишь печальная констатация факта. В России хорошие врачи, но плохая медицинская техника. Итак, для путешествия в Россию мне необходима нормальная медицинская страховка, позволяющая в течение суток доставить меня, например, в Финляндию.

Второе. Моя коляска стоит больших денег. Не стоит забывать, что без коляски я теряю работоспособность.

Третье. При наличии медицинской страховки и страховки транспортировки коляски для приема меня в качестве гостя потребуются еще расходы на билеты бизнес- или первого класса (я не могу сидеть в обычном кресле, я вообще не могу

сидеть), на номера в гостинице, в которые свободно может войти коляска и, опять же, расходы на оплату ассистента.

Возвращаюсь к лирической теме. Я считал и считаю, что без вышеперечисленных расходов на мою транспортировку поездка состояться не может, а в случае наличия таких денег гораздо гуманнее, целесообразнее и логичнее было бы потратить эти суммы на реальную помощь инвалидам, проживающим и выживающим в России. Именно они, русские инвалиды живущие в России, настоящие герои, именно их и нужно приглашать в жюри и избирать на почетные должности.

Реальной работы в России для меня нет, а быть свадебным инвалидом не хочется.

Маленькое дополнение. Но Эд Робертс приезжал в Россию! Правильно. Эд Робертс приезжал в Россию, и я когда-нибудь, может быть, приеду в Россию. Я не в меньшей и не в большей степени боюсь за свою жизнь, чем боялся Эд. Я приеду, когда и если почувствую, что реально нужен, по работе, а не для развлечения публики.

По моему скромному убеждению, я могу и делаю достаточно для России. В России выходят мои статьи, в России вышли мои книги, русские специалисты консультируются со мной, а мои друзья, живущие в России, всегда знают, что я рядом. Несмотря на расстояния, несмотря на мою физическую немощь.

Утро. Сегодня у меня хорошее утро. Я могу писать нашу книгу. Я могу спокойно и уверенно съесть тарелку супа. Я могу прочитать публичную лекцию. Я могу все. Люди вокруг будут улыбаться мне в ответ. Люди любят хорошие истории и хорошие концы историй. Их можно понять. В нашей сумасшедшей жизни приятно сознавать, что все вокруг хорошо. Если хорошее настроение у этого очкарика в коляске, то у каждого человека на планете настроение может быть хорошим. По крайней мере, каждый имеет право на хорошее настроение.

Им, людям вокруг, совсем не обязательно знать подробности вчерашнего дня. Вчера ты давала мне лекарства. Вчера мне было совсем плохо и очень больно. Ты давала мне лекарства, ты разминала мое заостеневшее от боли тело. Ты сделала чуть больше возможного. А я. Что я? Я не хотел пить эти таблетки, у меня все болело. Тело не слушалось твоих таблеток и твоих сильных рук. И только потом все сработало. Вчера перетекло в сегодня. У меня все хорошо. Блестящий оратор, красивый человек средних лет. У меня почти ничего не болит. У меня все хорошо.

У меня редко бывает все хорошо. За каждым моим «хорошо» есть наше с тобой «плохо». И мы обязательно расскажем всем, как мы преодолели вчерашнее «плохо». Обязательно расскажем.

Эйфория. Первая стадия эмиграции. Нравится все. Все привлекает внимание, все удивляет. Я смотрю по сторонам. Я упорно смотрю по сторонам снова и снова.

Дети, много детей. Я никогда не видел обычных, нормальных детей. Обычных детей возят в больших автобусах. Взрослых тоже возят в автобусах, но не всех. Взрослых я видел много. Взрослые сами решили ходить по улицам. Да и то – может, сами решили, а может, у них нет денег на свой маленький автобус. Не знаю. Во всяком случае, каждый нормальный взрослый должен иметь нормальную машину.

В своей личной коробочке они каждый день едут на работу. Каждый день взрослые приезжают с работы для того, чтобы поесть, поспать и сменить ненастоящий уют большой машины на ненастоящий уют маленького домика.

Дети играют на улицах. Детям можно все. Дети кричат или поют. Детей не надо закрывать от внешнего и ненастоящего мира взрослых.

Мальчик сидит на корточках. Он занят. Сумасшедшее израильское солнце проходит сквозь линзу в руках мальчика. Мальчик пытается поджечь кончик шнурка своего ботинка. Я гуляю по улицам. Долго гуляю. У меня есть

время. У мальчика времени намного больше, чем у меня. Шнурок задымился. Мальчик встал и пошел. Ему не надо торопиться. У мальчика впереди вечность.

ВЕЧНЫЙ ГОСТЬ

Они играли в нарды. Я мог ожидать всего, но и в самых смелых моих ожиданиях они никак не могли играть в нарды. Нам принесли очень тонкую и очень вкусную яичницу-глазунью, шпикачки и пиво. Обыкновенный трактир, всего лишь трактир. Люди разговаривали, кто-то ел, все пили самое вкусное в мире пиво. Чешское пиво. Со мной можно спорить. В Германии тоже неплохое пиво. Немецкое пиво очень хорошее. Но немецкое пиво я пил потом, в Германии. Ничего особенного. Пиво как пиво. В Чехии я пил пиво в первый раз в жизни. Все самое прекрасное происходит когда-нибудь в первый раз. Когда официантка сказала: «Мальчики, пожалуйста, закрывайте за собой двери, по ногам дует», – я не просто удивился, я увидел чудо, мальчики вежливо поблагодарили официантку и закрыли за собой двери. А еще там играли в шахматы. Шахматы – это уже слишком. Шахматы роскошь, но они играли и пили пиво. Мне хотелось остаться в этой стране, я видел чудо. Я видел это чудо только по телевизору. Всего лишь трактир. Маленькая, бедная страна. Чехия. Там, в Чехии, первый раз передо мной извинились за то, что в кинотеатре нет лифта, в первый раз я был гостем в чужой стране. Все

в Чехии было в первый раз. В Чехии я встретил Аурору. Я люблю Чехию. Чехия маленькая страна, и я понимал, что чехи не могут оставить у себя парализованного человека. Ладно. Я не сержусь, я все понимаю.

Испания – очень маленькая страна. По всем официальным и неофициальным законам я – испанец. У меня есть испанский паспорт. Испания хорошая страна. Маленькая страна, меньше Чехии. В Испании я стал известным писателем. В Испании меня приглашали в роскошные рестораны. Лишь мельком мне иногда попадались на глаза ресторанные счета за съеденное и выпитое, лишь иногда я догадывался о стоимости испанского гостеприимства. Испания очень маленькая страна и очень бедная. Моя комната, окно, кухня – все было в моей Испании. Все было прекрасно в Испании, все просто замечательно. Даже вид из окна был прекрасен. Даже дверная ручка на входной двери, даже трещина на стене напротив моего стола была прекрасна, даже переносной кондиционер, набитый соломой, был прекрасен. Испанцы взяли мои книги, испанцы по праву гордились и гордятся испанским писателем Рубеном Гальего. Испания навсегда осталась и останется в моей душе. Испанцы гостеприимные и добрые люди. Я люблю испанцев. Я выучил испанский язык, я полюбил оливковое масло, я заглянул в душу испанцам. Мне очень нравится

пикареска как жанр, но мне не понравилось проживать в этом жанре, мне не понравилась идея бегать от полиции, прятаться и путать следы. В любом случае, очень трудно жить вне испанского закона, сидя в инвалидном кресле. Добрые и умные испанцы попросили меня заплатить. Мне надо было внезапно стать богатым. Если бы я стал богатым, испанцы простили бы мне все, даже мою инвалидность. Заплатив по счетам, я вполне мог претендовать на место под солнцем. Даже бандиты и убийцы могут жить в Испании, пока платят.

Россия – маленькая страна. Совсем маленькая страна, меньше Чехии. Россия великая маленькая страна. Великая и очень богатая. Русские не пьют. Русские совсем не пьют. Так, иногда, под настроение. Русские учатся и работают. Русские лечат и преподают, русские строят дома и стригут газоны. Когда есть работа. Когда есть работа и надежда на лучшее будущее для детей. Русские пьют от отчаяния и безысходности. Русские пьют с горя. Варварские русские обычаи лишь с первого взгляда кажутся жестокими. Прямота и честность этого народа не обладают утонченной цивилизованной жестокостью. Слабого и немощного оставляют умирать в одиночестве. Больному и увечному трудно выжить среди русских. Испанцы оставили беспомощного ребенка русским. Русские отнеслись к заложнику как

к своему. Я ел то же, что и русские дети. Я читал те же книги. Я болел теми же болезнями. Я ползал по тому же снегу. Я стал более русским, чем сами русские. Я стал русским писателем. Русские не убивают писателей. Сразу не убивают. Когда я писал книги, я писал для русских. Я знал, что убить писателя в России можно. Но у писателя есть шанс выжить. Что ж. В Испании тоже любят писателей. В Испании так же трудно убить писателя, как и в России. Испанцы очень похожи на русских. Слишком похожи.

Германия – великая страна. В Германии я был никем. Из Германии я уехал никем. Все логично. Что делать в Германии человеку с испанским паспортом? Германия – маленькая страна, меньше Испании. Разница небольшая, совсем небольшая. В Германии есть печка. В Германии есть дрова. Мне нравится, как горят дрова в печке. Мне нравится смотреть на огонь. И дверь на улицу в Германии совсем не такая, как в Испании. Дверь на улицу намного прочнее и надежнее.

Иногда меня приглашали в гости. Всем хотелось пригласить в гости известного писателя. Добрые испанцы встречали меня, как и подобает встречать почетного гостя. Восторженные итальянцы хотели видеть и слышать меня снова и снова. Меня очень любят итальянцы.

Суровые викинги – норвежцы и шведы – сдержанно и немного строго показывали мне

подлинные свидетельства своего величия. Музеи, театры и хоккей. Рестораны и маленькие закусочные принимали гостей с мрачным достоинством. Все было изумительно вкусно, абсолютно изысканно. Норвежцы были гостеприимнее испанцев. Норвежцы скромно и честно собирали для меня деньги. Норвежцы помогли мне именно тогда, когда никто другой не мог или не умел помочь. Я уважаю Норвегию.

Америка – далекая и прекрасная страна, страна мечты и надежды для миллионов людей на планете. Америка, великая страна «от моря и до моря», вблизи оказалась обыкновенными США. Мне нечего было предложить этой великой стране. США – большая страна. В США все большое. В США я мог кататься по улицам на американской инвалидной коляске, видеть людей, спешащих на работу, бродить по улицам американской столицы. Всё. Всё остальное за деньги. Ничего интересного. Когда мне стало плохо, совсем плохо, незнакомые русские люди слали мне деньги и слова сочувствия. Я уважаю русских. Русские жестоки и благородны. Русские не пьют. Совсем не пьют. Но я почти уверен, что, когда мне стало плохо, совсем плохо, по всей России и за ее пределами тысячи русских подняли рюмку водки или стакан чая за мое здоровье.

А потом я устал. Совсем устал, как устает всякий человек к концу жизни. Потом я устал счи-

тать деньги. Потом я устал оценивать каждый человеческий поступок в долларах и центах. Потом я понял, что американцы неплохие ребята, но это «не моя чашка чая». И когда понял, я уехал из этого слишком раскаленного, слишком концентрированного рая. Я уехал умирать.

Я хотел умереть у моря. Я никогда не видел моря. Я никогда не видел, как солнце садится в океан. Израиль – огромная страна, больше Америки. Я хотел увидеть море перед смертью.

В Израиле меня встретили, как почетного гостя. В Израиле меня посадили за стол. Мне предлагали самое вкусное в мире мясо, я пил прекрасные израильские вина. Для меня собрали лучшую в мире инвалидную коляску. Моей американской жене предложили лучшую в мире работу, моя дочка пошла в самую лучшую в мире школу. Но я прекрасно понимал, что это не навсегда. За годы эмиграции я привык, что я везде и всегда буду гостем. Рано или поздно гость уходит, унося с собой прекрасные воспоминания. Рано или поздно гость встает из-за стола.

Мы все гости в этом мире. Но я был особенным гостем. Мой срок истек, пора было уходить. Флажок на шахматных часах почти упал. Мое время истекало. Израильский анестезиолог – мы разговаривали по-испански, но это неважно в стране сотен языков – прилаживал мне

маску к лицу, я успел спросить у него: «Сколько еще?» Я спросил и заснул. Прошло полгода. Полгода достаточный срок, чтобы понять – израильские врачи сделали невозможное. Через полгода стало ясно, что вопрос «сколько еще?» уже не имеет смысла. Я остаюсь гостем в этой бескрайней и прекрасной стране. Я гость. Вечный гость.

Пекарня. Обычная пекарня. Из магазина выходят люди. Пятница. Я стою на улице и наблюдаю. Мне нравится наблюдать. Мне нравятся люди. Мне нравится запах свежееиспеченного хлеба.

Папа с дочкой. Папа абсолютно счастлив. Цвет кожи у папы приблизительно как и у меня. Папа покупает хлеб. Папа покупает много хлеба. Он набирает хлеба еще и еще. Дочка говорит что-то папе. Я не знаю их языка, но понимаю все. Папа покупает дочке небольшую булочку. Дочка говорит скороговоркой уже почти понятные для меня слова на иврите. Она благодарит за хлеб.

Из пекарни выходит хозяин. Он уверенно подходит ко мне. Мы разговариваем. Я пытаюсь подобрать язык общения. Мой собеседник тоже пытается. Он знает фарси, арабский и еще пару языков, которых я не знаю.

В пекарню заходит человек. Он очень бедно, но очень чисто одет во все черное. Он берет хлеб и уходит.

Иврит. Нам с пекарем остается только иврит.

- Я не один, – говорю я. – Я недавно приехал.
- Но у тебя будет хлеб на субботу?
- Да, конечно.

- Ты живешь не один?

- У меня жена и дочка.

Человек, который делает хлеб, смотрит на меня радостно.

Я не один. У меня будет хлеб на субботу.

У меня всегда будет хлеб на субботу.

НЕ ЖАЛЕЮ

Всю жизнь мечтал ходить. Я не научился ходить. Но я не хотел ходить ради ходьбы. Я хотел бегать. Я мечтал не просто бегать, я мечтал бегать быстрее всех. Не важно, есть у тебя ноги или нет, можно оказаться там, где хотел, умея бегать или не умея. Достаточно иметь ноги не навсегда, вполне достаточно иметь ноги в детстве. Очень неплохо доказать в детстве свою способность бегать. Это на самом деле круто, имея две ноги и две руки, получить университетскую корочку, водительское удостоверение или любую другую бумажку, доказывающую, что ты человек.

Потом – ладно. Совсем не важно, кто ты будешь потом. Ты уже все доказал. Если ты вложишь достаточно в свое будущее, потом, там, в коляске или на костылях, ты останешься как все. Как все ходячие. Мне бы этого было достаточно, вполне достаточно. К тридцати годам я мог бы стать всемирно известным астрофизиком. Неплохо. Очень многие были бы рады стать астрофизиками. Коляска – это облом. Коляска – это полный облом. Никто не хотел бы оказаться в коляске. Но быть астрофизиком в коляске лучше, чем просто быть в коляске.

Великие спортсмены и великие актеры тоже могут оказаться в коляске. Это совсем плохо – оказаться в коляске, если ты всю жизнь

демонстрировал людям силу мышц и железную волю. Это трудно, очень трудно тратить ресурсы своего тела только на то, чтобы не выглядеть жалким, надрываться, выбивая из жизненного потока тарелку невкусной еды и стакан молока. Актеру театра не так легко живется. Актер должен выворачивать свою душу наизнанку, стараться, кровью и потом доказывать свое право на жизнь. Актер должен доказывать свое право на жизнь, а публика не должна почти ничего. Публика дает актеру деньги. Деньги – эти билетки, эти серьезные билетки, дающие право на жизнь, достаются актеру очень нелегко. Иногда, очень редко, актера театра зовут сниматься в кино, но кино, давая актеру деньги, засасывает человека в дьявольский круговорот игры со смертью. Публике всегда хочется большего, публика всегда недовольна и зла. Как же, ведь они заплатили. Им мало, им все равно мало. Актер выворачивает перед публикой свою личную жизнь, свой банковский счет, свои личные встречи и расставания. Актер может сорваться, выпить лишнюю рюмку, съесть лишнюю таблетку, послать в вену совсем не нужную дрянь. Но публике и этого мало. Чем больше подлинного страдания, тем лучше. Еще одна рюмка, еще одна таблетка, еще один укол. Иногда мне кажется, что публика права. Ведь зритель в кино- или в любом другом театре, заплатил честно полученными деньгами. Зритель

в кинотеатре тоже вынужден лицедействовать, чтобы получить работу. Зритель в кинотеатре честно заплатил своими повседневными, такими обыденными в реальном мире часами своей монотонной и такой же короткой, как и у актера, жизни.

Но инвалидом может оказаться каждый. Инвалидами становятся не только астрофизики. Очень часто человек, став инвалидом, вдруг обнаруживает, что должен, просто обязан, радоваться. Радоваться всегда, радоваться искренне и сильно. И улыбаться. Улыбаться всегда и всем. Еще вчера. Даже если инвалидность пришла год назад, человеку кажется, что это было вчера. Еще вчера он работал и отдыхал. Еще вчера он с огромной скоростью спускался с крутого склона на горных лыжах. Еще вчера он проклинал дорожные пробки и высокие налоги. Еще вчера он сам застегивал ширинку, сам размешивал чай в стакане, сам подносил горячий стакан ко рту, сам дул на чай, сам пил и сам споласкивал стакан под струей воды. А сейчас – всё. Нет горных лыж, нет глупого начальника, нет высоких налогов. Нет ничего, что составляло его жизнь, появились лишь инвалидная коляска и разрешение, почти приказ, радоваться и улыбаться. Улыбаться широко и искренне.

Мне легче, мне намного легче. Земную жизнь пройдя до половины, я вполне доволен выданным мне номером в следующем забеге. Мне

гарантирован мой кусок жизни. Еврейский хирург основательно заштопал мое тело. Он так перекроил и сшил заново мои внутренности, что мое тело работает как часы. Мое тело перестало тревожить меня по пустякам. Я чувствую боль, и эта возможность, способность ощущать боль, дает мне сто очков форы в крысиной гонке повседневности. Способность ощущать боль сильно облегчает мне и моим врачам борьбу за сохранность моего тела в мире живых. Левой рукой я уверенно перемещаю электрическую коляску по улице. Я могу видеть и слышать. Это очень много, этого вполне достаточно, чтобы радоваться по-настоящему, не напоказ. Я ведь знаю, что все могло быть хуже, гораздо хуже.

Медленно стуча по клавишам компьютера, я доказал обществу свою силу и попросил свое место на полочке глупой иерархии человеческих существ.

Я все доказал. Я планировал умереть, но теперь придется жить.

Пока нормальные мальчишки шли в школу, я полз по снегу. Пока нормальные мальчишки били ладонью по ковру (это правило в некоторых единоборствах: бить ладонью по ковру, признавая свое поражение), я страшно завидовал им, но все равно полз. Пока хорошие, нормальные мальчишки прилежно изучали медицину или математику, я читал. Я полз, уверенно полз.

Пока мальчики, не знающие о том, что такое тюрьма или детский дом, приобретали нужные и уважаемые профессии, я читал. Читал и полз.

Пока хорошие, умные и прилежные мальчики рвались в бой для того, чтобы в честной битве доказать свою точку зрения в медицине или физике, я читал.

Пока единицы из моих сверстников получали Нобелевскую премию или просто пожизненную кафедру, я читал и полз. Это не очень трудно – ползти по деревянному полу, но вдруг я обнаружил, что ползу по паркету. Паркет так паркет. Для меня паркет оказался только лишь деревом, всего лишь деревом. Это не очень трудно – ползти по дереву.

Внезапно, без предупреждения для меня организовали ковры, много ковров. Мои кисти сложно расправить в ладони, но и в кулаки они сжимаются не очень. Я пытался, я на самом деле пытался бить по ковру ладонью, но в мире искусства трудно добиться благородства и правил честной борьбы. Мои движения не шли в счет, моих слов никто не слышал. Бью я по ковру или не бью, никого не интересовало. Болевые приемы проводились не по правилам. Я снова и снова пытался доказать, что я всего лишь обычный русский актер. Всего лишь актер, как многие актеры в мире.

Меня хвалили, очень много хвалили. Я не ханжа, мне, как и всем людям на Земле, приятно

признание моих скромных усилий. Меня хвалили все, но признавать мое право на лечение и скромное поддержание моего тела в мире живых не соглашался никто. Ни одно государство в мире не хотело давать мне прибежище: хлеб и немного медицины. Никому не был нужен человек, по всем признакам подходящий для инвалидного приюта. Всем было неловко сознавать, что мое описание повседневности приютов их стран было бы сильным и точным. Все боялись признавать, что старость и инвалидность – неприглядные стороны современного мира в любой точке планеты.

Меня хвалили, меня хвалили чрезмерно, заботливо подкладывая под мой следующий рывок очередной рулон мягкого коврового покрытия. По мягкому ковру трудно ползать, но я полз. Я полз и читал, я читал и полз.

А потом. Потом, когда мои книги цитировали в каждом уголке современной цивилизации. Потом, когда искусственный ковер сменился самым натуральным, самым красивым и правильным настоящим прибрежным песком. Потом, когда я встретил Полину, мне совсем немного пришлось проползти по песку. Я полз по влажному песку, заранее зная, что будет дальше. Заботливые руки граждан великой страны бережно подхватили меня и понесли. Я плавал и нырял, нырял и плавал. Я качался на волнах одного из трех великих морей этой великой страны.

Очень давно я отвык сравнивать себя с другими актерами всемирного театра. Очень давно я решил для себя, что у меня не будет старости – ведь инвалиды не живут так долго. Трудно рассчитывать, что искалеченное тело выдержит нагрузки тела здорового. Я был неправ. Я ошибался. Еврейский хирург доказал мне мою ошибку на практике. Я дожил до пятидесяти лет, но и это еще не все. До ста двадцати, в этой стране всем желают жить до ста двадцати лет.

* * *

Я не жалею, я совсем не жалею о прожитой жизни. Из окна моей квартиры видно море. По вечерам каждый день я могу видеть, как быстро падает в воду южное солнце Ближнего Востока. По утрам, тоже ежедневно, я могу терпеть боль и неудобства. Это ничего, это не так уж страшно. Терпеть боль и неудобства моего неправильного тела можно. И не стоит жалеть, что при рождении мне не очень повезло. Я же знаю, я абсолютно уверен, что каждый день кто-нибудь открывает для себя меня. Не совсем меня, не меня целиком, а всего лишь очередной слепок, нечеткий отпечаток меня – мою книгу. В очередной раз я оказываюсь кому-то нужен. Это главное, быть кому-то нужным. Это самое главное в жизни.

ЗАКОН ОБ ЭСКИМОСАХ

Где-то там, далеко-далеко, на Севере, живут эскимосы. Но они не знают, что они эскимосы. Они представители народов Крайнего Севера. Это не они так решили. Серьезные люди в серьезных костюмах греют серьезные части своего тела в теплых креслах самой главной на земле организации.

Если ты живешь на Крайнем Севере, то ты живешь просто. Когда под нартами крошится лед, у тебя на все про все есть две минуты – вытащить нарты из-под льда и переодеться в сухое. Если уложился в две минуты, ты эскимос. Если не уложился, то ты представитель народов Крайнего Севера. Серьезные дядьки в серьезных костюмах сидят на серьезных окладах и думают о тебе. Нет, я не против, пусть думают. Но две минуты это две минуты. За две минуты можно много чего успеть, в частности, вытащить нарты из-под льда и переодеться во все сухое. Вместо этой ерунды можно прочитать доклад председателя, доклад заместителя председателя, доклад председателя комитета, доклад председателя подкомитета, доклад председателя комиссии, доклад заместителя председателя комиссии. В общем, если коротко, все эти доклады комиссий и подкомиссий на нартах возить нельзя. Каждый грамм лишнего веса

приближает нарты к небытию. Что-то подсказывает мне, что от всей нашей современной цивилизации нормальному эскимосу пошел на пользу только целлофановый пакет. В целлофановый пакет можно положить коробок спичек. Если у тебя есть коробок спичек, да еще завернутый в целлофан, то ты веселый, радостный, крепкий и сильный эскимос. Если эскимос соглашается надеть серьезный черный костюм и сесть в теплое кресло председателя комиссии или подкомиссии, то он уже не эскимос, а цивилизованный представитель народов Крайнего Севера. Настоящих эскимосов мало, но они есть. Настоящих членов подкомиссий мало, исчезающе мало, но мне лично они не интересны. Они не смогут за две минуты разжечь костер и переодеться во все сухое. Они не смогут принять такое важное решение без консультации с заместителем председателя и без получения разрешения на это действие всех членов подкомиссии.

Пару раз в неделю какой-нибудь член комиссии или подкомитета осуждает мою страну. Я привык, пусть осуждает, но мне становится обидно, что меня осуждают больше всех. Дяденьки в теплых креслах денно, ночью и практически бесплатно думают о моем будущем, о том, как мне стоит жить и как мне жить не стоит. Однажды от этого мне стало немножко не по себе. Чем я хуже эскимоса и почему именно я? Пару щелчков мыши, и у

меня отлегло от сердца. Эти святые люди подумали не только обо мне, но и о представителях народов Крайнего Севера. Я не шучу, это не я придумал – на свете существует серьезный документ, определяющий, как жить эскимосам. В этом бесценном документе эскимосу разрешено ловить рыбу и даже разводить костер. Все, от души отлегло, я счастлив. Мне приятно знать, что кто-то там, в серьезных кабинетах, изо дня в день, из года в год думает о бедном эскимосе. Десятилетиями эти святые люди бесцельно транжируют срубленные деревья и тратят чернила, заменяющие им кровь, даже на эскимоса. Эскимосу все равно. У эскимоса две минуты. Никто не даст эскимосу теплого кресла и полноценного обеда четыре раза в день. Есть эскимос, есть две минуты – есть всё. Всё, что нужно для выживания этого гордого и сильного народа.

* * *

Время от времени в меня стреляют. За две минуты я должен успеть спрятаться в бомбоубежище. Но я хитрый. У меня нет этих двух минут. Я сплю в бомбоубежище, и в случае чего мои жена и дочка успеют забежать в мою комнату. Это хорошая комната, прочная. Когда в меня стреляют, представители моей армии, моей страны, стреляют в ответ. В большинстве случаев они успевают

перехватить ракету еще до того, как вражеская ракета наберет скорость. Мы нарушаем права человека так часто, как это возможно. Мы успеваем зажечь спичку и переодеться в сухое. Нам некогда читать резолюции, доклады и постановления суровых мужчин в черных костюмах. Резолюции слишком длинные, а жить хочется прямо сейчас. Нет, нет, лично я не против. Пусть сидят, пусть пишут. Это в теории я обязан доказывать им свое право на существование, объяснять всему миру, что ракета, пущенная в мой дом, летит сейчас. Сегодня. В этом году и в этом столетии. Мы не глупее эскимоса. Мы понимаем, что человеку необходимо сначала выжить, а потом что-то и кому-то доказывать. Настоящий, подлинный эскимос не читал и никогда не станет читать ту ерунду, что напишут люди, ни разу в жизни не попадавшие под лед, не ловившие рыбу для пропитания и выживания своего племени.

Я писатель, у меня богатое воображение. Но даже в самом страшном сне я не смогу себе представить государство, общество или просто человека, которые согласятся жить по рекомендациям из теплых и уютных кресел. Креслу хорошо, тому, кто находится в кресле, еще лучше. Но я-то тут при чем? Мне некогда, у меня две минуты и в меня стреляют.

Уже почти неделя как мое государство объявило себя еврейским. Я против. Я категорически не

согласен с тем, чтобы обличать в форму закона очевидные вещи. Мы все прекрасно знаем, что до массовой алии умных и сильных людей здесь не было ничего, кроме пустынь и болот. Нет, я согласен признать, что железные дороги, школы, детские сады и университеты были построены эскимосами. Если завтра объявят, что наше государство носит эскимосский характер, я соглашусь. Я согласен делегировать право судить и оценивать мои поступки эскимосам. Гордые, смелые люди за две минуты поймут то, что понимают за две минуты евреи. Если тебе грозит неминуемая гибель, все, что ты можешь, все, чего хочет твоя душа – это разжечь костер и переодеться во все сухое. Мы очень похожи на эскимосов. У нас было шесть дней, чтобы решить, какой характер будет носить наше государство. Шесть дней это очень мало. За шесть дней ни один народ в мире не смог бы сплотиться, ударить и выжить. У нас было семьдесят лет, чтобы убедиться, что никто, кроме нас, не станет жертвовать своими солдатами ради нашей главной цели. В лучшем случае к нам пришлют еще одну комиссию. Мы не хотим многого. Мы не согласны на малое. Все, что нам надо – выжить. Нам некогда читать умные слова на белой бумаге. Мы хотим жить. И у нас на все про все две минуты.

Я согласен признать свое государство эскимосским. Эскимосы выживают там, где не мог бы вы-

жить никто. Мы выживаем там, где до нас никто не хотел выживать.

Дипломатия. Что ж, пусть будет дипломатия. Только пусть будет дипломатия один на один. Мы договоримся со всеми. Мы будем разговаривать с каждым и, я уверен, договоримся с каждым. Скоро, очень скоро весь наш маленький шарик под названием Земля вспыхнет волнами террора. Мы готовы. Мы постоянно готовы. У нас есть две минуты.

ПРИЛОЖЕНИЕ
БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ

ДРУГИЕ

Жизнь проходит очень быстро, люди спешат, торопятся. Куда, зачем? Непонятно и, в общем-то, не сильно важно. Мир становится быстрее, а мы все такие же медленные. Можно делать вид, что люди стали быстрее из-за компьютеров, но это будет только видимость. Компьютеры стали быстрее, а люди остались такими же, как тысячи лет назад. Зато теперь у нас есть компьютеры. И это только иллюзия, только так кажется, что компьютеры смогут просчитать все наперед быстрее нас. Компьютер – всего лишь кусок железа.

Мы не компьютеры, но мы стараемся. Все еще впереди. Еще один учебник по программированию, еще одна виртуальная реальность, еще один маленький шаг к интеллектуальному совершенству. Интеллект не растет, растет почти нереальная скорость реакций на нужные раздражители, растет удивительная способность человека отбрасывать ненужные раздражители.

Жизнь постепенно становится компьютерной игрой. Того, чего нет в игре, не существует и в реальности.

Ничего особенного не произошло. Все это было и раньше. Старость не существует. Я не буду думать о старости. Все. Простая формула. Смерти нет. Я не буду думать о смерти, а старинная фразочка «помни о смерти» никуда не годится. Им, древним, было нечего делать, они, древние, могли себе позволить рассуждать о посторонних материях. Нам некогда. Надо все быстрее нажимать на кнопки. Нажал на кнопку – получил доллар. Нажал еще на одну кнопку – опять получил доллар. Мы живем хорошо. У нас есть компьютеры.

Мир остался таким же. В целом мир такой, как всегда, но в деталях многое изменилось. Газеты врут. Газеты врут или не говорят всей правды. Но нам не страшно, у нас есть подключение к интернету. В любой момент можно вывести на экран другие газеты на других языках. Можно поискать иное мнение, не обязательно официальное. Можно искать информацию и находить. Газеты на других языках тоже делают не святые люди, другие газеты тоже врут, но врут по-другому. Достаточно прочитав пару-тройку мнений – вполне достаточно.

Информацию стало труднее прятать. Изолировать человека от информационного потока теперь намного сложнее, почти невозможно. Но

можно изолировать *нас* от *них*. Можно сказать нам, что они – другие, они хуже, потому что менее образованны.

Они – другое дело. Они – это те, без компьютеров. Они – другие. Они гораздо глупее нас, они живут на другой планете. Они не знают иностранных языков, и даже если у них и есть компьютеры, то используют они их вовсе не для поиска информации.

Они и мы. Свои и чужие. Все просто и радостно. Мы разделились. Разделились по многим признакам. Не только из-за компьютеров. Ничего страшного, все нормальненько. Все хорошо, а будет еще лучше. Только как всегда разделительная полоса прошла по живому. Как всегда мир яростно делится на своих и чужих. Свои – хорошие, чужие – плохие. Всё. Разделил – и всё. Разделил, и можно не задумываться над библейскими законами. Можно вообще не думать. Не думая, жать на кнопки, не думая, поднимать руку, голосуя «за». Всегда голосовать «за».

Другие – они другие, они не мы. Старики – другие. Инвалиды – другие. Чукчи – другие. И не надо закрывать глаза, не надо говорить, что это только в России. Это везде. Конечно, важно, насколько хорошо кормят там, за стенами специальных учреждений. Очень важно, сколько и чего они там едят. Важно и то, что именно едят все остальные. Но эта разница на фоне жизни и смерти все

же чрезвычайно незначительна. В богатых странах изоляция богаче, в бедных – жестче и гораздо бесчеловечнее, но суть изоляции не меняется. Как ни назови резервацию, она останется резервацией.

Первый шаг – изоляция. Изоляция физическая и духовная. Второй шаг – уничтожение. Самое страшное, самое бесчеловечное, что можно сотворить с живым существом, – изолировать его от внешнего мира. От изоляции до уничтожения не один шаг, изоляция и уничтожение идут рука об руку, рядом.

Но как же это возможно? Как технически возможно изолировать одну часть населения от другой? Ведь мы же видим, мы замечаем, что происходит. Способ есть. Возможность спокойно, на глазах у всех изолировать человека от общества найдена очень давно, и схема не сбывает никогда. Способ этот – страх. Запуганными людьми легче управлять. Боящийся человек – уже не человек. Страх перед контактом с изгоем необычайно велик. Свидетельств – не счесть.

Один из способов поддерживать изоляцию – откупиться от нее. Собрать деньги для незнакомого тебе человека – легко. Собирать деньги нужно и можно. Собирать деньги – благородно и просто. Мне нравятся люди, собирающие деньги для других. Я радуюсь, что не все еще потеряно, что желание помочь пока еще не пустой звук. Раздражает

только одна небольшая деталь, так, пустяк, ничего страшного. Очень мало людей готово вступить в непосредственный контакт с изгоями общества.

Перечислять деньги готовы многие. Часто можно прочитать или увидеть по телевизору, как люди становятся в очередь, чтобы перечислить деньги или передать теплые вещи. И это здорово. Только нет очередей перед домами престарелых, нет очередей перед детскими домами или тюрьмами. Страх непосредственного контакта с чужой болью и немощью пересиливает самые благородные порывы. Первобытный страх заразиться проказой от прокаженного, старостью от старика или физической немощью от инвалида пока пересиливает все.

Но не только страх заразиться. Сильнее страха, больше иных диких предрассудков давит подспудное понимание бессилия. Гора на земле слишком много, а желающих помочь слишком мало. Необоснованный суеверный страх объединяется с обоснованным научно, статистически выверенным правилом: если я раздам каждому бездомному по доллару, то бездомные не перестанут быть бездомными, а я окажусь на улице. Если миллионам пожилых людей на свете не хватает тепла и заботы собственных детей, то никто другой не придет и не поможет. Упрямая статистика твердит, что уход за пожилым человеком или больным ребенком – слишком дорогая вещь. Дорогая вещь во всех смыслах. Сколько бы денег ни

перечислили добрые дяди и тети, их все равно не хватит даже на минимальную надбавку к зарплатам нянечек.

С математической точки зрения, милосердие невыгодно. Достоевский неуместен в наш компьютерный век. Все рационально и правильно.

Только одна маленькая деталь. Один штрих – так, пустяк. Когда люди начинают сортировать друг друга по ранжирам и классам, когда процесс разделения набирает полные обороты, то вследствие этого рано или поздно ощущают все.

Границы проходят по живому, непреодолимые границы. Пропасти и горные цепи. Понять, кто, почему и от кого отделен, почти невозможно. Слишком много изолированных друг от друга групп, слишком сложно разобраться в тонкостях и переплетениях изоляции. Происходит то, что и должно было произойти: сложную систему понятий меняют на простую. Узнать и понять другого человека, сделать шаг навстречу сложно и дорого. Навесить ярлык – просто и дешево.

Люди, как человечки в компьютерной игре, разбиты на цвета и виды. Так проще, а главное, так легче сделать надпись под человеческой фигуркой.

Убить человека трудно. Пойти на первое убийство может не всякий. Простейший закон психологии: перед тем, как убить человека, нужно убедить себя, что человек этот – вовсе не человек.

Тот человек, которого надо убить, – враг. Врага тоже нелегко убить, но убивать врагов все же легче, чем убедить себя в том, что они – те, напротив – враги. Очень трудно убить человека. Для того чтобы убить человека, надо убедить себя, что он – другой. Он – чужак и недостоин жить.

Первый шаг в цепочке разделения свой–чужой–враг – самый сложный. Убедить себя и других в том, что они – чужие, очень непросто. Второй шаг гораздо легче. Убедить толпу в том, что чужие – враги, уже легче.

Но до разделения живых людей на своих и чужих, до кровопролития и тотальной вражды всегда и везде следует отрицание очевидной истины, что тот, другой – такой же человек, как и ты сам.

Мы все – другие. Мы отличаемся друг от друга. Мы все хотим дышать и видеть солнце. Это банально и общеизвестно.

Пугает не разделение людей. Я боюсь, искренне боюсь, именно компьютерной скорости такого разделения. Уже не надо брать кисть в руки и перекрашивать мундиры на картине. Не надо сносить монументы и воздвигать новые. Не надо переписывать учебники и даже почти нет необходимости жечь книги. Достаточно сменить картинку на телевизионном экране, достаточно поставить иную подпись под фигуркой человека. Достаточно нажать кнопку на компьютере. Просто нажать кнопку.

ИСКЛЮЧЕННЫЕ

Исключенные. Не включенные в группы. Не попавшие в списки, очереди, реестры, официальные и неофициальные документы с правом на.

Не участвующие в открытых и закрытых обществах, не состоящие в клубах, не принадлежащие ни к чему.

Человек так устроен – хочется быть или прикидываться частью чего-либо большего, чем ты есть сам по себе. Человек – социальное животное. Если ты часть движения, нации, общего дела и общего блага, жизнь не кажется столь тоскливой и мерзкой. Общая лампочка светит всем. Внутри клана и круга всем тепло и уютно. И тебе тепло и уютно.

Человеку нужен другой человек. Просто так. Ни за чем и ни для чего. Человек. Робинзону нужен Пятница, Пятнице нужен Робинзон. Адам не смог без Евы, Ева смогла бы, наверное, и без Адама, но ей, скорее всего, стало бы скучно.

Караван. Мишель Петруччiani играет музыку. Хочется представить себе караван. Не буду. Скучно. Скучно думать о заднице впереди идущего верблюда. Пусть музыка останется такой, как она есть, а я представлю себе толпу. Радостную, куда-то спешащую толпу. Может быть, эти люди идут на праздник. Им хорошо и весело вместе. Это хорошие люди, и они идут в хорошем направлении.

Они идут с ощущением сопричастности в полезном и нужном направлении, а кого-то не взяли. Не взяли по глупой, поверхностной причине: цвету кожи, иностранному акценту, форме носа, количеству рук, ног, глаз и ушей. А может быть, по одной и очень важной, всеми признаваемой и уважаемой, самой главной из наиглавнейших причин: отсутствию денег. Неважно. Не взяли, и все.

Одного не приняли в гольф-клуб. Трагедия. Без иронии и насмешки. На самом деле трагедия. Очень трудно попасть в гольф-клуб. Другого уволили с работы. Страшно потерять работу. Очень страшно. Страшно жить без денег.

Но. По большому счету и в конечном итоге все не принятые и исключенные делятся на две неравноценные категории. На живых и мертвых. Можно найти и другую работу, в конце концов. Другой гольф-клуб.

Мертвым и обреченным на смерть уже не можешь. Мертвые исключены из самого главного списка. Списка живых.

Живые, исключенные без конкурсов и жюри, непосредственно переходят в категорию выживших.

Что остается выжившему? Часто – ничего. Ну, выжил ты, а что дальше? Иногда, очень редко, если сильно повезет, остается играть на рояле, петь и плясать на потеху публике.

Издавать журнал.

Писать статьи.

Жить.

Бумеранг

Они – там, мы – здесь. Они наказаны. Наказаны нами. Наказание сурово, на то оно и наказание. Суть наказания – изоляция. Лишение свободы. Лишение свободы само по себе страшное, очень страшное наказание. Никто и никогда не определит оптимальные сроки изоляции человека от общества. Наказание никогда не бывает достаточным, никогда не бывает чрезмерным. Парадокс. Мы почти уверены, что знаем, как надо наказывать. Почти все согласны, что за убийство надо изолировать человека от общества навсегда, а за кражу курицы – штрафовать или давать минимальный срок. Но между убийством и кражей курицы – непреодолимая пропасть. Обширное неизвестное пространство. Какой срок считать соразмерным и действенным для наказания? Неизвестно. Достоверно одно: первые шесть месяцев в тюрьме – самые тяжелые. Шесть месяцев тюрьмы – наказание, все, что больше, – изоляция. Первые шесть месяцев заключения человек думает. Потом думать перестает. Потом привыкает.

Тюрьма – страшная вещь. Но хуже тюрьмы пока ничего не придумали. Когда придумают хуже – тюрьмы отменят за ненадобностью. Пока

есть необходимость изолировать часть общества от другой части, надо строить тюрьмы. Надо строить больше тюрем. Придется. И в этих новых тюрьмах придется смягчать условия содержания.

Эффект бумеранга. Чем больше жестокости к наказуемому, тем меньше у него шансов сохранить остатки человеческого достоинства. Жестокость порождает жестокость. Милосердие порождает милосердие. Бумеранг – удобное и дешевое оружие. А главное, австралийское. Австралии очень повезло по части отношения к заключенным. Немалая часть нынешних австралийцев – бывшие заключенные. Опровергая все теории наследственности и рассуждения об изоляции, австралийцы построили свою страну. Нормальную страну, не хуже и не лучше других. Обычную страну. С самолетами, кораблями и тюрьмами. Как им сидится и охраняется в этих тюрьмах, я не знаю. Австралия далеко. Хочется верить, что там все немного лучше, чем в Англии, хотя бы из-за бумеранга. Человек, который хоть несколько раз в жизни видел бумеранг, физически не сможет отмахнуться от мысли о человеческом круговороте.

Тюрьмы бывают разные. В маленьких странах – получше, в больших – похуже. В маленькой стране легче понять, что преступник – твой сосед, он никуда не денется, а когда выйдет из тюрьмы, снова окажется твоим соседом.

Россия – огромная страна. Опыт маленьких стран тут неприменим. Опыт Австралии неприменим тоже. Австралия далеко, да и бумеранги в России не используют. Можно, теоретически можно, наверное, было бы экспортировать из Австралии партию бумерангов. Привезти бумеранги в Россию и заставить смотреть на них всех поголовно. Но все-таки, кажется, не приживутся бумеранги в России. Чужое это. Чужой опыт не помогает.

У России есть свой, очень богатый тюремный опыт. Ни на что не похожий, ни с чем не сравнимый. Как немецкая пунктуальность или английская чопорность. Милосердие. Отношение к преступившему и падшему двоякое. До того, как поймали, – враг и злодей; после того, как поймали, – страдалец. Изначально, глубинно, внутренне черта эта издавна присуща русскому человеку. От песни про атамана Кудеяра до знаменитого выкрика Володи Шарапова: «Глеб, не стреляй!»

Я хорошо помню, как Глеб Жеглов стрелял в опасного вооруженного преступника, и нам всем хотелось, чтобы он обязательно попал. А потом, через несколько серий, артист Владимир Высоцкий целился в другого, хорошего, невооруженного и неопасного, и мы все, включая Шарапова, хотели, чтобы Высоцкий не попал. Мы единогласно присуждали «хорошего» вора к жизни и милосердно позволяли ему бежать от правосудия.

Милосердие – чудесное и загадочное русское слово. Мы забыли его. Мы забыли, но это не страшно, совсем не страшно. Можно вспомнить. Перечитать Достоевского, Чехова или братьев Вайнеров.

Те, кто уже сидит, не опасны. Опасны другие, кто на воле и кого не поймали. Парадокс.

Как проявить к сидящим милосердие? Да покормить хотя бы по сахалинским нормам, описанным Чеховым. Наказание едой – дикое, варварское наказание. Лишения свободы достаточно, вполне достаточно.

Зачем нам Америка?

Детей бить нельзя. Ни за что нельзя бить детей. Взрослых тоже бить нельзя, но бьют. И детей бьют. Ни за что бьют, просто так. Бьют палками, руками, травят газом. Говорят, что так надо. Говорят, что, если их не бить, дети совсем распускаются и перестают слушаться взрослых. К тому же, говорят, это не совсем дети. То есть они, конечно, дети, но не совсем. Они преступники.

Дети-преступники уже как бы и не дети. Сложная грань между детством и взрослой жизнью уже перейдена. Они уже попали во взрослый мир. Взрослые дети либо инфантильные взрослые – сразу не понять. Такая у них судьба, такая у нас судьба. Дети пишут сочинения, дети мечтают о доме, маме

и друзьях. Одновременно с этим, дети бьют друг друга, дети мстят сами себе за взрослую жизнь там, на воле. Мстят за вынужденное взросление, отсутствие домашнего тепла. Мстят себе за то, что попались, за то, что попались именно они. Больше некому мстить, больше не на кого вылить всю злобу и раздражение тюремной изоляции. Больше нет никого, совсем никого рядом. Только охрана. И воспитатели. Даже если повезло, если очень и очень повезло, и охрана, и воспитатели хорошие, добрые, очень честные и порядочные люди. Даже если так, они все равно лишь охрана и воспитатели. Персонал. Чужие дяди и тети.

Дети пишут сочинения. Они утверждают, что самое страшное в тюремной жизни – этап. Доставка из пункта А в пункт Б. На этапе холодно, голодно и грязно. На этапе плохо.

Еще говорят, что жестокости и черствости дети научились у американцев. В американских фильмах так много жестокости и злобы. Все правда. Кассовые фильмы, худшие фильмы из худших, показывают ежедневно, хорошие – редко. Но даже в тех, глупых и почти бессмысленных фильмах, даже там, у них, в Америке, взрослых и жестоких заключенных, злобных монстров без стыда и совести, перевозят в обычном, нормальном транспорте. Храбрый полицейский приковывает себя к преступнику наручниками. И все.

А вагонов «стольпинских» в Америке нет. Я привожу в пример Америку, так как в других странах всё гораздо гуманнее и проще. В других, маленьких странах всё иначе. Америка и Россия – две большие страны. Им есть чему поучиться друг у друга.

Я точно не уверен, но вполне может быть, что и в России преступников станут перевозить, как в Америке. Понимаю, что не все можно поменять сразу. Понимаю, что отказаться от «стольпинских» вагонов очень трудно. Но начать-то можно? Можно начать, например, с детей? Сможет храбрый русский полицейский прикопать себя наручниками к маленькому мальчику и довезти его до места назначения? Наверное, все-таки сможет. Да нет, наверняка сможет. Сможет, конечно. Штирлиц бы смог. Если бы Штирлицу поручили довезти мальчика из пункта А в пункт Б, он бы смог. Он и не такое мог. А радистка Катя абсолютно точно, я уверен, смогла бы доставить до места назначения даже самую непослушную девочку.

Этапы – страшная вещь. Детские этапы – вещь недопустимая.

А самое главное, самое-самое главное в детской тюремной жизни – возможность видеть маму. С годами каждый понимает, что самое главное в жизни – возможность видеть маму. С годами это понимает каждый. Очень часто люди понимают

это поздно, слишком поздно. Когда мамы уже нет на свете.

Но дети еще не разучились любить и надеяться. Даже эти, тюремные, очень плохие дети еще верят в маму, сестру, бабушку. А иногда даже в папу. Дети должны видеть своих родственников как можно чаще. Это поняли давно во всем мире. Это простая, забытая и избитая истина все чаще поминается и в России. Дети должны видеть родственников хотя бы раз в неделю.

Это можно осуществить. На это потребуется очень много денег, но потом, через много-много лет, все окупится.

Может быть, детей не надо вообще далеко отвозить от дома. Вот в маленьких странах никто никуда детей не возит. Некуда отвозить.

Может, стоит перенять опыт маленьких стран? Может, стоит иметь одну маленькую детскую тюрьму в каждой области? Может, имеет смысл поучиться у маленьких стран? Зачем нам Америка?

Здесь вам не тут

Они – там, мы – тут. Они – внутри, мы – снаружи. Никуда от этого не деться. Ни им от своей ситуации, ни нам от нашей. Но, с другой стороны, мы тоже – внутри. Часть того, что для нас клетка, для них – свобода, но это лишь часть. В общем

и целом, мы все в рамках, в границах, в нормах. Все. И они, и мы. Разделение условно и вроде, с точки зрения философии высших материй, несущественно. Но это с философской точки зрения, всего лишь с философской. На самом деле им гораздо хуже, чем нам. Они – в заключении.

Если бы все было так просто. Они – в тюрьме, потому что плохие. Мы – на свободе, потому что хорошие. Мы хорошие, очень хорошие, а они – плохие, очень плохие.

В тюрьме плохо. В тюрьме очень плохо, в тюрьму никто не хочет. Мы очень и очень сильно не хотим в тюрьму. Но они тоже не хотели. Что толку? Их посадили, изолировали. Теперь все будет хорошо. У нас, здесь, на свободе, теперь все пойдет хорошо, можно успокоиться, расслабиться и отправиться смотреть кино про сыщика.

Расслабиться мешают две вещи. Одна – маленькая и неубедительная. Нас тоже могут посадить. Если можно их, то можно и нас. Отговорка, что нас сажать не за что, не срабатывает. Мы тоже не святые. Почти каждый живет не по закону. Мы юлим и изворачиваемся, мы надеемся, что пронесет. В высшую справедливость и непорочность судебной системы уже давно никто всерьез не верит. Но мы все-таки надеемся. Мы, как всякая живая тварь на планете Земля, верим, что именно нам пофартит, именно нам повезет так сказочно и распрекрасно, что удастся прожить

всю жизнь на свободе. От звонка до звонка. Мы не верим в совершенство судебной системы, мы, как ни странно, верим в то, что попадаются одни дураки. Мы – не дураки. Мы не попадемся. Просто нужно жить по правилам, делать все по-умному. Если бы все было так просто! Я удивляюсь, удивляюсь очень сильно, как много людей верят в свой ум и удачу. Я и сам верю, но не зарекаюсь. Кто знает? Это на первый взгляд кажется, что сажают только глупых. Если присмотреться повнимательнее, сразу станет ясно, что сидят именно те, кому не повезло. Такая простая, такая здравая мысль мешает спать не всем. Только некоторым. Наверное, самым умным. Нас тоже можно посадить. И делать там с нами все, что захочется.

Даже если допустить, что все не так мрачно, если на секунду зажмурить глаза и поверить в то, что там сидят плохие, а на свободе гуляют хорошие. Даже если в тюрьму попадают только глупые и неудачники, а мы себя такими не считаем. Даже если. Пусть так. Все равно. Допустим, мы никогда туда не попадем. Но они-то к нам попадут! Все они, за маленьким исключением, выйдут. Если не мы к ним, то они к нам. Ничего не поделаешь, нам придется жить вместе. Отгородиться не получится. Запереться невозможно. Фильм про сыщика не успокоит. Они выйдут и докажут нам, кто из нас был прав в философском споре – они или мы. Аргументом в споре может стать лом или

нож. Не важно. В реальности все гораздо страшнее, чем в кино. Темный подъезд очень сильно отличается от светлого телевизора.

Сегодня нам лучше, чем им. Сегодня мы свободны, а они заперты. Но это только сегодня. Завтра мы встретимся. Сегодня мы требуем для них ужесточения, завтра сможем ощутить их жестокость на собственной шкуре. Сегодня они низведены до положения бесправных скотов. Но это только сегодня. Если повезет, если нам очень сильно повезет, и мы доживем до завтра, то завтра все обязательно изменится.

ЛЮБОВЬ НЕ ДАРОМ, ИЛИ «КТО ДАСТ УБОГОМУ»

Да никто ему, убогому, никогда не даст. Только не надо его, убогого, жалеть. Может, и плохо ему без секса, допускаю, что плохо. Но не хуже, чем прочим убогим. Родился человек непохожим на других, или в аварию попал, или просто постарел и стал не очень привлекательным. Ничего тут не поделаешь. Так карта легла. Судьба.

Где-то там, на Востоке, полушутя-полусерьезно, прослышали убогие, что далеко на Западе, кажется, в Бельгии, государство собирается компенсировать инвалидам оплату труда проституток. Если можно в Бельгии, почему нельзя в Москве? Чем черт не шутит.

Не впадая в нравоучительные рассуждения, все-таки напишу пару строк. Тем более что хороший человек попросил.

Можно посмеяться, можно отмахнуться от темы. Хорошо им там, в Москве, шутить. Если шутки пошли о сексе, значит, с едой и лекарствами у них все более или менее в порядке. У кого-то инсулин вовремя в аптеку не завезли, кто-то на диализе, а у москвичей – и не проблема даже, и не затруднение, а так – блажь, придурь.

Все-таки – как быть? Вон там, в Бельгии, вроде, скоро разрешат. Запад. Только все относительно

в этом мире. Это для москвичей Бельгия на западе, а для меня, к примеру, на востоке. Хорошо им в Бельгии экспериментировать на людях. Страна маленькая. Сегодня разрешат, завтра запретят. Можно вносить предложения в парламенте, можно дискутировать. Свобода. Только и в Бельгии такие штуки не проходят. Нельзя оплачивать рабство человеческое из государственного кармана. Люди и без государственного вмешательства способны дров наломать. Только и в Бельгии есть на что тратить народные деньги. Не пройдет этот закон. Надеюсь, что не пройдет.

Позавчера разговаривал с девушкой из Бельгии. По-испански разговаривал. Это означает, что выучила она испанский, выучила настолько, чтобы свободно общаться с испанцами. Красивая девушка и очень умная. Выучила испанский язык в придачу к английскому и своим трем родным языкам. О проститутках ни мне, ни, разумеется, ей говорить и в голову не пришло. Только узнал я, что в ее родном городе почти все общественные здания адаптированы для инвалидов. А если, к примеру, открывается новая булочная и нельзя в нее на коляске въехать, то будут у входа в эту булочную попеременно сменять друг друга человек шестьдесят протестующих. Нет, не инвалиды будут протестовать. Точнее, не только инвалиды. Обычные, нормальные бельгийцы, с руками и ногами. Видите ли, их бельгийское чувство

свободы задевает сам факт того, что кто-то не сможет сходить за хлебом самостоятельно.

Чувство свободы – чувство очень и слишком простое. Простое до жути. Если сегодня я допущу, чтобы ограничили свободу соседа, завтра свободы станет меньше у меня. Первые пандусы в Сан-Франциско строили по ночам глухие люди. Американским глухим мешало отсутствие пандусов на американских тротуарах. Они выходили по ночам с лопатами и тачками и строили запрещенные съезды для колясок. Муниципальные власти эти запрещенные цементные пандусы, разумеется, разрушали, но на их месте устанавливали металлические, разрешенные.

Сколько здоровых в физическом плане людей поддержали пикеты перед московским метро? Сколько времени могли простоять инвалиды в колясках на одном месте одни?

Такие странные люди эти американцы и бельгийцы.

Мир устроен с огромным запасом юмора. Кто-то стоит на морозе в ожидании очередного клиента. Кто-то сидит в теплой квартире с рюмкой чаю перед компьютером. В инвалидной коляске. Бессмысленно рассуждать, невозможно сравнивать. Я предпочитаю иметь то, что имею. На мороз не хочется. Я не завидую той, ждущей клиента, и надеюсь, она не завидует мне. И встречаться с ней мне абсолютно не хочется. То, что я могу дать, ей

не нужно. В лучшем случае она захочет только денег. Того, что я хочу, у нее нет. Это выбили у нее опытные палачи, выдул уличный ветер.

А с другой стороны, мы похожи. В газетных статьях инвалид, бомж и проститутка – вещи одного порядка. Так же, как и она, я знаю, что такое презрительные взгляды «нормальных» людей. Я такой же изгой, как и она. Я не могу и не хочу использовать преимущество денег, чтобы получить что-то от женщины против ее желания. Всегда удивлялся вместе с Оводом из детской книжки желанию рабов иметь кого-то в подчинении. Да и невозможно это. Абсолютно невозможно купить секс за деньги. Если поставить себя на ее место и спросить: а я бы смог за деньги? Я уверен, что нормальный мужчина на подобный вопрос не станет отвечать. Он-то, конечно, купить секс может, но продавать себя – ни-ни, ни за что. Два подхода. Та, что себя продает, – проститутка. А тот, кто покупает другого, никаким плохим словом не называется. Он – нормальный человек. Просто сходил к проститутке. Что тут такого? Как на зоне. Тот, кто подставляет, – педераст, пестух, плохой человек, изгой. А тот, второй, который пользуется чужой беспомощностью, ничего себе так, обычный человек. Но в том-то и дело, что я – не как все. Я парализованный человек. Я не полностью мужчина, не на все сто процентов. Я могу себя представить на ее месте. Как

представляю – страшно становится. Да и представлять-то особой необходимости нет. Не на панели, так на паперти я вполне мог бы очутиться. Вот смог бы я милостыню просить? Смог бы просто сидеть на улице и просить у прохожих деньги? Наверное, смог бы. Но не уверен. Не люблю просить. Мало того, что просить не люблю, не люблю, когда просят. Нет. К самим нищим у меня нет отвращения, но нищенство как явление мне не нравится. Когда вижу нищих, сразу представляю себя на их месте. Как будто это я сам сижу и прошу у прохожих разрешения на жизнь.

И потом, цена. Вот Клеопатра тоже, говорят, себя продавала. Просила жизнь за ночь. Мне кажется, не дорого. Вполне допускаю, что Клеопатра именно столько и стоила. Для кого-то. Но не для меня, конечно. Смотрю в зеркало. Не Аполлон. Руки кривые, торс костлявый. Нос горбинкой. А ноги? Ноги вообще никуда не годятся. Две тонкие палочки. Сколько стою я? Вот вывел кто-то не очень умный простенькую формулу: девяносто, шестьдесят, девяносто. Что у меня может быть девяносто? Что измерять? Что на что умножать, как делить и куда складывать полученные цифры? Объем груди значения не имеет, грудь измеряют у женщин, а я мужчина. У мужчин измеряют не это. У мужчин измеряют рост. Так роста у меня тоже нет. У меня есть длина. Как у змеи. Я в длину чуть больше полутора метров. Нет, я со-

гласен, что полтора метра – это очень мало. Пусть я не дорого стою. Но хоть сколько-то ведь стою! Никак не меньше нуля. Если я плачу женщине, получается, что я отрицательную цифру стою. Не может такого быть. Я три языка знаю. У меня глаза латиноамериканца. Не может латиноамериканский взгляд совсем ничего не стоить. А мозги? Я ж ну просто очень умный. Я сказок знаю больше Шахерезады. А если и меньше, то все равно я успел бы придумать сказку за ночь. У меня душа есть. Моя душа очень много стоит. Я знаю, что есть люди, которые совсем-совсем в душу не верят. Пусть их. Мне все равно нравится верить, что у меня есть душа. У меня так мало чего есть, пусть будет душа в придачу. У меня сердце есть. Оно не совсем здоровое, мое сердце, но оно есть. Я точно знаю, мне испанский хирург сказал. Он сказал, что я еще очень долго могу прожить. Не стану я свою жизнь отдавать.

Каждому свое. Каждый сам перед собой отвечает. Я поступаю так, как мне поступать легче. Мне гораздо проще пива с креветками купить за деньги. Чисто теоретически я допускаю, что кому-то на свете может однажды стать так плохо и одиноко, что захочется купить раба на пару часов. Не знаю, не уверен. Или мне еще никогда в жизни не было так плохо, как тому гипотетическому человеку, или мозги у меня неправильно устроены. По-моему, лучше пива с друзьями выпить. Друзья,

конечно, всегда за пиво заплатят, если совсем плохо. Но мне больше нравится, когда каждый сам за себя платит или когда я плачу за все.

А если нет у человека друзей? И денег на пиво у человека нет? Как быть тогда? Сложно себе представить такое. Убогий это человек получается, ущербный какой-то. Хоть один друг у каждого есть. Или не у каждого? Лично я таких людей не встречал, чтобы совсем без друзей были. Даже у самых плохих людей были друзья. А если все-таки? Если задуматься и решить вопрос одиночества на правительственном уровне. Выделить ему деньги на пиво законом, одобренным парламентом. Или прямо пивом ему выделить. От пивзавода, безвозмездно и благотворительно. Но тогда и друга ему придется выделять.

Только вопрос: друга где взять для убогого? В парламенте? На пивзаводе? Или прямо-таки сразу из анонимных алкоголиков?

МОЕ ТЕЛО

У меня хорошее тело. Нормальное. Мне подходит. К чему рассуждать, колебаться? Другого тела у меня все равно нет и не будет. Приходится жить с этим. Оно меня устраивает, тело. Нет, на самом деле, я не шучу. Можно было бы пожаловаться – наверное, бывают тела и получше, но я не буду. Мое тело работает, грех жаловаться.

Я парализован. Ноги не ходят. Зачем человеку ноги? Иметь здоровые крепкие ноги очень удобно. Ноги много для чего в жизни нужны, но если отбросить все неважное и не совсем значимое, то получается, что ноги человеку нужны главным образом для того, чтобы приближаться к другим людям. Есть люди с ногами и без ног, одни не хотят приближаться к другим, другие используют ноги только затем, чтобы стать выше. Это жаль.

Мои руки работают очень и очень плохо. Кисти рук никуда не годятся, но локти и плечи помогают мне ползать. Умение ползать – одно из наиважнейших моих качеств. При помощи рук я самостоятельно могу переползти с коляски на кровать и из кровати в коляску. Это очень важное для меня умение. Моя инвалидная коляска приближает меня к людям. Еще я печатаю руками. Мои буквы приближают меня к людям гораздо ближе, чем колеса коляски. Джойстиком

коляски и клавишами компьютера я преодолеваю расстояние между собой и внешним миром. Я касаюсь мира руками, стремлюсь к окружающему пространству, к солнцу и свету. Иногда руки используют для того, чтобы отпихивать друг друга, отталкивая соперников от места перед кормушкой. Это жаль.

Я вижу и слышу. Ощущать внешний мир очень важно для меня. Я люблю жизнь. К сожалению, слишком часто люди стараются изо всех сил не слышать и не видеть правды. Это жаль.

В маленькой хрупкой коробочке моего черепа хранится зыбкое нечто. Это я. Это не совсем я, конечно. Ведь я без тела, я без зрения и слуха, я без моих рук и даже ног был бы уже не совсем я. Мне бы очень хотелось не остаться когда-нибудь изолированным от внешнего мира мозгом.

У меня маленькое сердце. Оно работает с перебоями, оно больное и слабое. Но моего маленького насоса внутри вполне хватает моему телу. Моего сердца на многое хватает, не только на меня лично.

У меня некрасивое тело. Я не стану хвастаться им на пляже. Но и прятать его под одеждой на пляже тоже не стану. Я уверен, что мое некрасивое тело оттолкнет только самых глупых и злых. Через пять минут разговора со мной любой нормальный человек забывает, что мое тело некрасиво.

Мое тело болит. Боль – это очень неудобно. Что поделаешь, жизнь так устроена, за все надо платить. Если бы у меня было другое тело, это был бы уже не я. Болью и неудобствами моего тела я плачу за жизнь. Я живу, как могу. Я не жалею.

ЧТО ТАКОЕ ЛИТЕРАТУРА И ПОЧЕМУ ОНА НИКОГДА НЕ УМРЕТ

Искусство – способ отражения внешнего мира. Когда мы отражаем внешний мир в своем воображении, мы творим. Мы творим наши маленькие миры, каждый творит свой маленький мир у себя в голове. Мы представляем, воображаем, мечтаем, миры в наших головах рождаются и умирают, время течет. Каждый человек – творец. Творец своих маленьких сиюминутных миров. Мир внутри нас нравится нам гораздо больше внешнего. Иначе быть не может, иначе было бы не интересно жить. Жить приходится в двух мирах, так надо.

Внешний мир постоянно напоминает о себе урчанием в животе и позывами к мочеиспусканию. Внешний мир почти полностью состоит из борьбы. Мы постоянно за что-то и с чем-то боремся. Каждый по-своему, каждый сам за себя, каждый в своей клетке внешнего мира.

Все, что нам надо во внешнем мире, можно выразить очень коротко. Мы хотим кушать. Когда мы покушали, мы хотим размножиться. В тот короткий промежуток счастья, когда мы уже не хотим кушать, но еще не хотим размножиться, мы хотим быть хорошими.

Быть хорошим очень трудно. Быть хорошим внутри легко, внутри мы все хорошие. Чтобы

быть хорошим снаружи, нам очень надо, чтобы кто-то об этом сказал. Или написал. Или нарисовал. Дал знать хоть как-нибудь.

Короли внутри, а рабы снаружи, так мы и живем, так и барахтаемся.

ГЛУПЫЕ ВОПРОСЫ

Так получается, что сначала, в детстве, приходится задавать глупые вопросы. Потом, с возрастом, приходит наглая уверенность, что способен на такие вопросы более или менее убедительно ответить. Отвечать не хочется, но надо. В какой-то момент отчетливо понимаешь, что спрашивают всерьез и спрашивают именно тебя. Все нормально, я стал взрослым, я занял место тех, кто был до меня. Взрослые дяди и тети из моего детства еще живы. К счастью, живы те, кто отвечал когда-то на мои детские вопросы. Но тогда, много лет назад, они отказывались отвечать прямо, кивали друг на друга или на литературных классиков. Сейчас они, наверное, стали мудрее. Сейчас они, может быть, знают ответы лучше, чем раньше. Но их ответы не удовлетворяли меня тогда, не удовлетворят и теперь. Я ведь тоже стал мудрее.

Я люблю глупые вопросы. Глупые вопросы заставляют задуматься. Я люблю приглашать людей задуматься.

Что такое любовь?

Все время читаю книги о любви. Когда-то давным-давно я попал в библиотеку. Библиотека была замечательная. Все книги были расставлены по смыслу. Аккуратные таблички точно

отражали содержимое каждой полки. Библиотека была маленькая, но я тоже был маленьким, и мне хватало книг. Таблички были понятными и простыми. «Про любовь», «про войну», «про животных», «приключения». Еще была огромная полка с Лениным и Карлом Марксом, серьезная полка с серьезными книгами. Тогда мне больше всего хотелось читать книги про животных и приключения. Я читал умные книги или книги интересные, а книги про любовь читать не хотел. Сейчас я понимаю гениальность и универсальность тех библиотечных табличек, восхищаюсь ими и радостно узнаю в немецкой библиотеке тот же принцип расстановки книг, тот же стиль и ту же идею сортировать литературу по классам и категориям.

Одновременно я понимаю всю нелепость такой сортировки и бессмысленность раскладки по полочкам человеческих чувств и душ. Я же знаю, что все, что бы ни написали люди, написано про любовь. От статистических справочников до лирических поэм – все написано про любовь. Иначе невозможно. Все, что вокруг нас, – любовь.

Что такое любовь? Существует ли настоящая любовь? Что скрывается под этим многозначным словом? Можно ли отвечать на подобные вопросы? Однозначного ответа нет, а отвечать надо.

Любовь – это желание существования.

Я желаю, чтобы я существовал, – я люблю себя.

Я хочу, чтобы на свете жила моя мама, – я люблю маму.

Все так просто. Если я хочу, чтобы человек, животное или предмет были на свете, я люблю это.

Противоположное по смыслу слово – ненависть. Ненависть – это желание, чтобы чего-то не стало.

На свете нет людей, которых бы я ненавидел. Для ненависти нужен повод, а у меня такого повода, к счастью, не было. Конечно, я не святой, в жизни бывали моменты, когда мне хотелось смерти другого человека, но это были только моменты, они прошли. Есть, наверное, люди, которые до сих пор меня ненавидят, но они далеко. Я хочу, чтобы они так и оставались жить подальше от меня, но не могу желать им смерти. При этом я искренне верю, что ненавидеть меня по-настоящему не может никто. Так, недолюбливать, может быть, и то – не уверен.

Я люблю и ненавижу вещи. Я люблю атомные реакторы и ненавижу атомные бомбы. Так мало вещей, которые я ненавижу. Так много вещей, которые я люблю.

Я люблю компьютеры, книги, диски, кино-театры и библиотеки. Очень люблю любой до-

ступ к информации. Люблю саму информацию и очень хочу, чтобы она была. Я люблю вещи и идеи, воплощающие вещи.

Люблю свой компьютер, но не буду сильно расстраиваться, если он сломается. Это не первый мой компьютер, а почти вся информация хранится у меня в архиве.

Люблю свою коляску, и если она сломается внезапно, а это вряд ли, то буду переживать, конечно, и ждать, когда добрые люди помогут починить коляску. Это немецкая коляска, она не сломается. Так сильно я люблю Германию и хочу, чтобы она была.

Люблю деньги. За деньги можно купить новый компьютер и новую коляску. Небольшое количество денег всегда на что-нибудь требуется, я люблю это небольшое количество денег, а больше мне не нужно.

Когда мое тело отказало, испанский хирург абсолютно бесплатно сделал то, что невозможно сделать ни за какие деньги. Сейчас я живой. Я выиграл в лотерею. Если бы у меня было больше денег, я играл бы в лотерею по другим правилам и, может быть, не выиграл бы. Сейчас я был бы богатым трупом. Есть вещи, которые нельзя купить за деньги.

Любовь тоже нельзя купить.

Очень часто любовь путают с любовью к женщине. Так бывают. Классификация никогда не

бывает совершенна. Любовь к женщине существует, конечно, но я лично понимаю ее не так, как написано в книгах про любовь. Женщину можно любить издалека. Можно хотеть, чтобы она жила с тобой или с другим хорошим человеком. Можно желать, чтобы она жила на свете.

Все, что больше такого определения любви к женщине, – самонадеянная глупость. В книгах про любовь пишут, что любовь – это желание обладать. Как можно обладать человеком? Можно купить человека, мужчину или женщину, можно купить квитанцию на человеческое время. Можно купить квитанцию на обладание писателями и читателями. За большие деньги можно купить остров или пляж. Самая большая в мире глупость, по-моему, покупка моря. Люди покупают кусок океана, отделяют берег высокими стенами и любят на воду как на свою собственность. Глупые люди, они продают друг другу даже кометы и астероиды.

Меня не удивляет такая путаница. Я сам очень люблю женщин. Но все же любовь к женщине – не самая сильная любовь в мире. Есть любовь намного сильнее и громаднее. Такая любовь не ограничивается одним человеком.

Рассказывать о любви и просто, и невозможно одновременно. Такая она сложная штука, любовь. Мне подходит на ум лишь один способ говорить о любви. Я говорю о любви буквами на

бумаге. Я делаю литературу, люди читают, получается чудо. Где-то там, далеко, а может быть, и совсем близко от меня, человек прочтет мои буквы, поверит в меня и захочет, чтобы я жил долго и никогда не умирал. Читатель хочет, чтобы писатель жил долго. Даже литературные критики хотят долгой жизни писателям. Писатель и читатели, артист и публика – мы любим друг друга, мы желаем друг другу долгой и счастливой жизни.

Я люблю литературу. Я читаю литературу каждый день. Все книги говорят о любви. Все книги говорят о любви к маме, любви к Родине, любви к мужчине и к женщине, любви к природе. Каждый раз, когда я задумываясь о любви, перечитываю один и тот же рассказ. «Любовь к жизни». Хороший рассказ, хороший писатель. Мой любимый писатель. Джек Лондон.

Содержание

<i>Книга странствий</i>	7
Начало	9
Александр.....	11
Кино.....	16
Знакомство	19
Пицца	21
Шоу	23
Солдатики.....	25
Компьютер	29
Книга	31
Радио.....	34
Сергей	35
Лимбус Пресс	36
Учителя	37
Социализм	45
Кремль.....	46
Прага	47
Красота.....	48
Медведь	54
Полицейский.....	57
Самолет	61
Гражданство	72
Сделка	76
Соединенные Штаты Америки	83
Полина	87
Барзилай	92
Сон	98
Огурцы	102
Жена	104

Рина	110
Семья. Подобный Б-гу.....	115
Семья. Денис	117
Картошка	119
Своя земля – Таджикистан.....	123
Я еврей	127
Эдуард	132
Хо Ши Мин.....	136
Бык.....	145
Little boxes	149
Школа	157
Рыбка	159
9 ава.....	161
Пацифист.....	165
Почему я не еду	166
Утро	169
Дети	170
Вечный гость.....	172
Хлеб	179
Не жалею.....	181
Закон об эскимосах	188

ПРИЛОЖЕНИЕ. БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ

Другие.....	197
Исключенные.....	204
Завтра мы встретимся	206
Любовь не даром, или «Кто даст убогому»	216
Мое тело.....	223
Что такое литература и почему она никогда не умрет	226
Глупые вопросы.....	228

Директор издательства *Ольга Тублина*
Главный редактор *Павел Крусанов*
Главный художник *Александр Веселов*

Книги нашего издательства
вы можете заказать на сайтах
www.limbuspress.ru
www.limbus-press.ru

Рубен Давид Гонсалес Гальего
ВЕЧНЫЙ ГОСТЬ

Редактор Павел Крусанов
Художественный редактор Александр Веселов
Корректор Анжела Орлова
Компьютерная верстка Ольги Леоновой

Подписано в печать 22.10.2018. Формат 84×108 1/32
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 12,6. Тираж 4000 экз. Заказ 4266

ООО «Издательство К. Тублина»
190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 14
Тел./факс (812) 712 67 06, (812) 712 65 47
Отдел маркетинга: тел. (812) 575 09 63,
факс (812) 712 67 06

Отпечатано в Акционерном обществе
«Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, д. 8
e-mail: printing@r-d-p.ru www.r-d-p.ru

ЛИМБУС ПРЕСС

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

РУБЕН ДАВИД
ГОНСАЛЕС ГАЛЬЕГО

БЕЛОЕ НА ЧЕРНОМ

Рубен Давид Гонсалес Гальего, русский писатель, внук генерального секретаря Коммунистической партии народов Испании, на опыте своей жизни в советской России, большая часть которой прошла в интернатах для детей-инвалидов, в полной мере ощутил значение слов «коммунистическая мораль». Об этом опыте его блистательный автобиографический роман в рассказах «Белое на черном», ставший сенсацией уже в журнальной публикации и впоследствии получивший премию «Русский Букер» как лучший роман года.

WWW.LIMBUSPRESS.RU

ТЕЛЕФОН ОТДЕЛА МАРКЕТИНГА

тел. (812) 575-09-63

факс (812) 712-67-06

ЛИМБУС ПРЕСС

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

**РУБЕН ДАВИД
ГОНСАЛЕС ГАЛЬЕГО**

Я СИЖУ НА БЕРЕГУ...

Рубен Давид Гонсалес Гальего, русский писатель, внук генерального секретаря Коммунистической партии народов Испании и воспитанник советского интерната для детей-инвалидов. Его документальный роман-исповедь «Белое на черном» (Букеровская премия 2003 года), переведенный на десятки языков, произвел фурор в среде читающей публики, круги от которого расходятся до сих пор.

Следующий роман автора «Я сижу на берегу...» рассказывает о том, что в шахматной партии с Дьяволом выиграть невозможно, можно только сыграть вничью.

WWW.LIMBUSPRESS.RU

ТЕЛЕФОН ОТДЕЛА МАРКЕТИНГА

тел. (812) 575-09-63

факс (812) 712-67-06

ЛИМБУС ПРЕСС

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

РИНА ГОНСАЛЕС ГАЛЬЕГО

СУББОТНЯЯ СВЕЧА В ИРАКЕ, ИЛИ ОПЕРАЦИЯ «МИККИ МАУС»

Все, что мы знаем об операции армии США в Ираке «Буря в пустыне», – скудные сводки новостей и телевизионная картинка, окрашенная в цвета, обусловленные ангажированностью телеканала. Эта книга – зарисовки войны в Ираке с натуры. Автор в качестве армейского юриста прошел через это испытание и делится с нами опытом увиденного и пережитого. Букеровский лауреат, писатель Рубен Давид Гонсалес Гальего пишет в предисловии к русскому изданию: «Я прошу вас прочесть эту книгу. Книгу, написанную маленькой девочкой, которая пошла на войну добровольно. Беззащитной маленькой девочкой. Да, армия выдала ей униформу. Армия присвоила ей звание и прикрепила к форме все, что положено по уставу. Тем не менее маленькая девочка остается маленькой девочкой».

WWW.LIMBUSPRESS.RU

ТЕЛЕФОН ОТДЕЛА МАРКЕТИНГА

тел. (812) 575-09-63

факс (812) 712-67-06

Книги Рубена Гальего учат
самому простому – доброте
и безумному желанию жить.
Советуем почитать всем.

Новые известия

НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЬЯНС

12 +

www.limbuspress.ru

ISBN 978-5-8370-0849-8

Гальего – один из
самых выдающихся
современных
писателей.

New Statesman

Гальего,